

Учебно-методический центр образования г. Сергиев Посад

Православная гимназия имени преподобного
Сергия Радонежского

СБОРНИК

МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ТВОРЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«М.Ю. Лермонтов и Православие»

13 февраля 2010 года

Выпуск III

Сергиев Посад, 2010

Сборник материалов конференции включает тезисы выступлений и доклады участников; работы, отражающие практический опыт преподавания творчества Лермонтова в школе. Часть публикуемых материалов дается в авторской редакции.

Научно-творческая конференция «М.Ю. Лермонтов и Православие» 13 февраля 2010 года

Осенью 2008 года Православная гимназия имени преподобного Сергия Радонежского отметила десятилетний юбилей. Это учебное заведение славится тем, что предлагает углубленное изучение предметов гуманитарно-филологического цикла и имеет развитую систему дополнительных курсов. Опыт учебно-исследовательской и проектной деятельности является, по мнению преподавателей, одним из самых полезных и плодотворных для учащихся. Гимназистов учат работать с различными источниками информации, осваивать фонды библиотеки и медиатеки выполняя задания исследовательского характера. Результаты своей работы учащиеся успешно представляют на ученических конференциях и конкурсах различного уровня.

Проведение конференций различного характера на базе гимназии уже стало хорошей традицией. Так, в середине февраля 2009 года состоялась очередная конференция из цикла «Русские писатели и православие», приуроченная к 195-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова. Нужно сказать, что в этом знаменательном для всего Сергиево-Посадского района событии принимали участие учителя и учащиеся не только нашей гимназии, но и других школ Подмосквья. Конференция собрала множество почетных гостей: это и секретарь Ученого совета Московской духовной Академии протоиерей Павел (Великанов); и профессора Академии повышения квалификации Обернихина Г.А. и Крупина И.В.; и заслуженный учитель России Тюляева Т.И.; и доктор филологических наук, научный сотрудник ИМЛИ РАН Радомская Т.И.; и директор Учебно-методического центра образования г.Сергиев Посад Лейкина А.Г.; и народный артист России, президент международного кинофорума «Золотой витязь» Бурляев Н.П., исполнивший главную роль в снятом им художественном фильме о М.Ю.Лермонтове; и Абсава Г.И., автор книги «Четыре года из жизни поручика Лермонтова».

В день проведения конференции в коридорах гимназии было очень оживленно: участники и регистрировались, изучали программки, знакомились друг с другом. В вестибюле гости могли познакомиться с экспозицией книг о писателе, подготовленной совместными усилиями гимназической и городской библиотеки им. А.С.Горьковского. В храме гимназии была размещена выставка портретов М.Ю.Лермонтова и рисунков, иллюстрирующих его произведения, - результат активной работы юных художников нашей гимназии. В ожидании начала конференции гости могли насладиться классической музыкой в исполнении старшеклассников гимназии.

Программа мероприятия была насыщенной, включала в себя массу интересных событий. Открыла конференцию подготовленная учащимися старших классов гимназии литературно-музыкальная композиция, высоко оцененная зрителями. Она не только способствовала созданию благоприятной атмосферы в зале, но и настроила слушателей на грустно-лирический лад. Вслед за этим директор гимназии монах Амфилохий обратился к присутствующим в зале с теплыми напутственными словами, директор УМЦО Лейкина А.Г. в своем приветственном слове подчеркнула образовательное и воспитательное значение конференции.

На одном дыхании прошла презентация научно-творческих работ, подготовленных участниками конференции. Лучшими жюри единодушно признало работы учащихся Православной гимназии Вороной Елизаветы «Три «Молитвы» М.Ю.Лермонтова: духовные искания поэта» и Кобко Александры «Образ романтического героя в творчестве М.Ю.Лермонтова». Дипломами лауреатов 2 и 3 степени отмечены учащиеся гимназии № 5, средних школ № 22 и № 21 г. Сергиев Посад, а также средней школы № 5 г. Пересвет.

По окончании презентации работ все присутствовавшие на мероприятии были приглашены на обед, после которого состоялось подведение итогов презентации ученических работ и награждение авторов лучших работ. Кроме того, состоялась презентация сборника материалов конференции прошлого года «Н.В.Гоголь и православие». После этого гостям представилась прекрасная возможность послушать выступление хора под руководством преподавателя гимназии иеродиакона Афанасия.

В рамках работы конференции прошла также педагогическая мастерская, где учителя района смогли представить собственный опыт организации уроков изучения биографии и творчества М.Ю.Лермонтова.

Гости высоко оценили уровень организации конференции, были покорены «теплым приемом и благодатной атмосферой, царившей в течение всего дня».

Конференция успешно состоялась, и уже начата работа по подготовке к выпуску нового сборника материалов.

Барина Е.А., Бостан О.В.

«Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала»

(Анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел»)

Урок-исследование

Чем больше соприкасаешься с лирикой М.Ю. Лермонтова и глубже погружаешься в неё, тем больше разных мыслей, чувств она вызывает и у нас, и у исследователей. Например, Н.А. Бердяев назвал М.Ю. Лермонтова «самым религиозным из русских поэтов». (5,96). А современный учёный В.А.Котельников в статье «О христианских мотивах у русских поэтов» даёт свой ответ на вопрос, почему Н.А. Бердяев так определяет взгляд поэта на мир и человека: «Потому что он верно почувствовал главный нерв его умонастроения: Лермонтов сосредоточен на религиозно-метафизической проблематике. Вопросы веры, Божьего духа, спасения, вечного блаженства, возможность примирения в человеке духовного и телесно-чувственного начал — всё это центральные в его мирозерцании вопросы». (9,7)

Писатель, литературовед Сергей Николаевич Дурылин (1886-1954), по мнению Ю. Архипова, «любил больше всех Лермонтова за «лучезарность» («По небу полуночи ангел летел...») (4,5).

А В. Солоухин говорит: «Стихотворение «Ангел» — ключ к пониманию всей почти поэзии Лермонтова». (18.4)

Цели урока: способствовать развитию речи учащихся, обучать разным видам речевой деятельности, учить восприятию художественного текста как процессу творческому, который находится в зависимости от читательского искусства; формировать умение вступать в диалог с текстом произведения, учить оценивать произведение как явление искусства слова, учить языковому анализу, пониманию того, как живут, употребляются в нем лексические, грамматические, синтаксические средства языка, учить выразительному чтению; развивать у учащихся чувство языка, внимательного, вдумчивого отношения к слову, вырабатывать навыки культуры речи, осуществлять единство нравственного и эстетического воспитания.

Методы и приёмы: выразительное чтение стихотворения, слово учителя, работа с толковым словарем, сопоставление стихотворений, слов, беседа, исследование текста, сопоставление образов словесных и живописных, проблемные вопросы.

Оборудование: тексты стихотворений М.Ю. Лермонтова «Ангел», «Молитва», репродукция с иконы А. Рублева «Троица», репродукция росписи барабана Владимирского собора «Радость праведных о Господе. Преддверие рая».

Ход урока

У поэтессы М. Цветаевой, которая с детства была увлечена музыкой, есть такие слова: «Книга должна быть исполнена, как соната. Знаки — ноты. В воле читателя осуществить или исказать...»

Любое художественное произведение — это диалог с читателем. Общение с произведением обычно предопределяется степенью духовного настроения читателя на сопереживание, его желанием и умением «осуществить», а не «исказать».

Сегодня мы должны ещё раз убедиться в том, что восприятие художественного текста как процесс творческий находится в зависимости от читательского искусства, от умения вступать в диалог в процессе общения с текстом.

И.С. Тургенев в статье, посвященной поэзии Ф.И. Тютчева, с чьим творчеством вы скоро будете знакомиться, писал, что «для того чтобы вполне оценить г. Тютчева, надо самому читателю быть одаренным некоторою тонкостью понимания, некоторою гибкостью мысли... Фиалка своим запахом не разит на двадцать шагов кругом: надо приблизиться к ней», чтобы почувствовать её благоухание.

Чтобы «вполне оценить» произведение художественной литературы как явление искусства слова,

чтобы «приблизиться» к нему, надо обратиться к его **языковому анализу**, понять, как живут, как употребляются в нем лексические, грамматические, синтаксические средства языка.

Сегодня мы обратимся к одному из стихотворений М.Ю. Лермонтова — «Ангел». Прикоснувшись к его «словесной ткани», мы будем искать путь к постижению его содержания, авторского замысла. Это стихотворение было включено в программы дореволюционных школ и обязательно заучивалось наизусть.

— **К какой теме относится это стихотворение?**

К религиозной теме.

— **А какое стихотворение М.Ю. Лермонтова на эту тему вы изучали в седьмом классе?**

Стихотворение «Молитва» 1839г.

Выразительное чтение «Молитвы».

— **О чем это стихотворение?**

О самом сокровенном — о молитве, о той минуте, когда человек, не находя опоры в себе, в жизни, обращается к Богу. Молитва дает молящемуся «силу благодатную».

— **А что такое «благодать»?**

Это божественная сила, помощью которой совершается спасение человека.

— **А в чем своеобразие стихотворения «Ангел»?**

Выразительное чтение стихотворения «Ангел».

— **Какое впечатление на вас произвело это стихотворение?** Это произведение искусства загадочно, таинственно.

— **Что значит слово «ангел»?**

«Словарь русского языка С.И.Ожегова: 1. В религиозной мифологии: **сверхъестественное существо**, посланец Бога, покровительствующий человеку (изображается крылатым отроком). 2. Употр. как ласковое обращение к человеку (разг.устар.) **Ангел мой! День Ангела** (устар.) — именины.

— **В каком значении это слово употребляется в стихотворении?**

— **Как вы можете ответить на вопрос: о чем это стихотворение?** О небе, душе, земле.

— **Когда оно было создано автором?**

В 1831 году, когда поэту шел семнадцатый год. Это единственное произведение, которое он опубликовал при жизни с подписью своего имени. А на год раньше, в 1830 году, 15-летний юноша написал: «**Хранится пламень неземной со дней младенчества во мне**» (Стихотворение «Отрывок»)

В 16 лет М.Ю. Лермонтов написал (в 1831 году) и другое стихотворение, которое начинается словами: «**Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала...**» (Стихотворение «1831 июня 11 дня»)

— **Какой мир является «чудесным» для юного Лермонтова?** Таинственный небесный мир.

— **Почему же М.Ю. Лермонтов создает это стихотворение?** В записи, датированной 1830 годом, он вспоминал: «**Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать**». Скорее всего стихотворение навеяно воспоминаниями о колыбельной песне, которую в раннем детстве ребенок слышал от матери, Марии Михайловны, ушедшей из жизни в 22 года. Смутное воспоминание о нежной маме наверняка порождало в сознании мальчика ассоциацию с ангелами. По убеждению М.Ю. Лермонтова, души людей существуют во внеземном мире до рождения человека и приносятся на землю ангелами, ими же уносятся после смерти. Мария Михайловна была музыкальна и передала свой дар сыну. Он верил, что некоторые звуки содержат отголоски звуков прекрасных небесных сфер, звуков, роднящих человека с вечностью. Известный литературовед И.Н. Розанов считал, что первоначальное заглавие «Песня ангела» было гораздо точнее.

— **Согласны ли вы с этой точкой зрения И.Н. Розанова?**

Чтобы лучше понять смысл стихотворения, нам следует обратиться к его синтаксису. Он очень тонко организует содержание стихотворения.

— **Сколько строк и строф в этом стихотворении?** 16 строк и 4 четверостишия.

Теперь внимательно посмотрите на то, **что из себя представляет каждое четверостишие**. Одно предложение.

— **А какие знаки препинания вы видите в конце 2—х и 4—х строк?**

В конце второй строки — точка с запятой; в конце четвертой — точка.

— **Почему автор после вторых строк решил не ставить точки?** Чтобы показать смысловую связь предложений внутри сложного предложения. Синтаксические конструкции здесь подчинены общему движению и передают его.

— **А как построены простые предложения в первой строфе?**

Они осложнены однородными членами предложения с повторяющимся союзом «и».

— **Только ли здесь повторяется союз «и»?**

В остальных четверостишиях с этого союза часто начинается новая часть сложносочиненного предложения. Союз «и» употребляется 9 раз. Он напоминает о стиле славянского перевода Библии.

— **Что привносит это повторяющееся «и» в стихотворение?**

Оно звучит непрерывно, мелодично.

Велика и смысловая нагрузка пауз при однородных членах предложения и между частями сложного предложения.

— **Какая картина возникает перед нами, например, при чтении слов: «и месяц, и звезды, и тучи толпой внимали той песне святой»?**

— **Каковы предложения в стихотворении по цели высказывания?** Повествовательные.

— **А по интонации?** Невосклицательные.

— **Как должны звучать эти предложения?** Спокойно, мелодично.

Гармония подчеркивается и порядком слов в предложении. **С какими предложениями, односоставными или двусоставными, мы здесь встречаемся?**

— **В какой последовательности находятся подлежащее и сказуемое?**

Стихотворение состоит из двусоставных предложений. Порядок расположения главных членов предложения в трех первых частях: – = И только для последнего четверостишия характерен обратный порядок: = –

— **Как называется необычный порядок расположения слов в предложении?** Инверсия.

— **Что достигается благодаря этому?** Этим усиливается противопоставление мира небесного («звуков небес», песни ангела) всему земному.

— **Где еще вы увидели инверсию?**

«Песне святой», «о боге великом», «о боге он пел», «хвала его», «непритворна была», «душу младую», «желанием чудным», «заменить не могли».

В основном здесь в постпозиции находятся имена прилагательные, потому что в смысловом отношении они так же важны, как и имена существительные.

— **Ещё чему способствует инверсия?** Созданию нужного ритма.

— **А каким размером написано стихотворение?** 3-х стопный амфибрахий

По небу/ полуноч/и ангел / летел

И тиху/ю песню он пел.

— **Почему поэт выбрал этот трехсложный размер для своего произведения?**

Чтобы слова в строке звучали протяжнее.

Выразительна и лексика стихотворения. **Обратите внимание на слова, которыми начинается и завершается стихотворение.** («По небу», «песни земли»)

— **В чем особенность этих слов?** Они антонимы.

— **Что достигается благодаря использованию слов — антонимов небо — земля?**

— **С какого момента впервые в сознании читателя возникает тема земли?**

В конце второго четверостишия: «и хвала его непритворна была».

— **А где М.Ю. Лермонтов в свои 16 лет мог видеть притворство?** Среди людей.

— **О чем же первые два четверостишия?** Это описание «неба полуночи» и песни, которую поет ангел.

— **Что мы узнаем об этой песне? Какое художественное средство здесь употребляет поэт?**

Употреблены эпитеты: «И тихую песню он пел», «Внимали той песне святой».

Удивительно соединение образов эпически величавых («песни святой») и обыденных («тихую песню»). Для русского верующего человека XIX века слово «святой» значило многое.

— **Что значит «святая»?** Божественная, неземная, небесная.

В этом эпитете выражено отношение М.Ю. Лермонтова к песне ангела.

— **О чем пел ангел?** Ответ на этот вопрос мы находим во втором четверостишии.

— **В чем секрет необыкновенного воздействия песни ангела на «душу младую»? Говорится ли об этом в стихотворении?**

Есть только строка: «хвала его непритворна была». Видимо, он пел искусно. Но об этом в стихотворении ни слова.

- А 3-е и 4-е четверостишия о чем нам рассказывают? Не только о небе, но и о земле.
- Каким же рисуется образ земли в стихотворении?
- Он противопоставлен образу неба: «мир печали и слез», «скучные песни земли».
- Что ощущала душа, принесенная ангелом на землю?

«Долго на свете томилась она, /желанием чудным полна...»

Земная жизнь со всеми ее заботами, печальями — это плен, рабство. М.Ю. Лермонтов не случайно выбрал выразительный глагол «томилась». Так томилась душа поэта «среди ледяного, среди беспощадного света», сохраняя мечту об иной жизни.

Мы видим, что песня ангела — это воплощение мечты, стремлений, идеалов поэта, душа которого «чудесного искала».

— А теперь подумайте, почему в 1 четверостишии употреблен глагол «внимали». Подберите синоним.

В 3 строфе говорится и о состоянии «души молодой». Что в этой душе таится?

В ней остался «звук песни...живой». Память, воспоминания о песне ангела — источник «души молодой».

— Сравните слова молодой — младой.

— Какую помету имеет слово «младой» в толковом словаре?

— Почему в первой строке 3-его четверостишия употребляется «младой», а в третьей — его синоним «молодой»?

— С какими существительными обычно употребляется «молодой»? Со словами, обозначающими живые существа, растения.

— А здесь почему рядом со словом «душа» эпитет «молодой»?

Это слово вызывает эффект олицетворения. Необычный образ «души молодой» говорит о ее процессе преобразования. Слово «младой» звучит более романтично.

Смысловый и эмоциональный стержень стихотворения составляет группа слов, связанных с религиозной тематикой. Назовите эти слова. «ангел», «внимать», «песня святая», «блаженство», «безгрешные духи», «райские сады», «бог великий», «небеса», «чудным», «душа».

— Обратим внимание на слово «чудным». Сколько значений имеет это слово?

1. Основное значение «прекрасное, замечательное».

2. «Являющееся чудом, связанное с чудом».

— В каком из этих значений употреблено прилагательное «чудным»?

— А есть ли в стихотворении цветовые эпитеты? Нет.

— Можем мы при чтении стихотворения видеть цветовую гамму? Да. Месяц, звезды, тучи. Ангел в светлых одеждах, купцы райских садов.

— Какой цвет соответствует настроению, содержанию этого стихотворения?

С помощью языковых средств художник изображает то, что считает для себя наиболее интересным, то, что его волнует, о чем он постоянно думает.

Интересна и звуковая организация стихотворения. Благодаря каким звукам достигается особая музыкальность стихотворения? Благодаря использованию слов, в которых повторяется «л».

— Сколько раз он повторяется в стихотворении? 25 раз.

— А какое слово в конце 2 строфы и почему звучит диссонансом по отношению к той мелодии, которая возникла в нашей душе? Непритворна. В этом слове «р» противопоставлено мелодичному «л».

— Сколько раз в стихотворении употреблено «р»? 4 раза. Появление слов с этим звуком нас переносит на землю.

— Какими еще звуками, кроме «л», создается музыка стихотворения? Гласными.

— Как закрываются последние слоги в первой строфе? Закрываются мягко звуками «л», «й».

— А во второй строфе? Сначала [ф], потом открытый поющий «а». Мажорность выстраивается за счет светлых, открытых гласных «а», «и», «е».

— Какой же мир — небесный или земной — ближе душе поэта? Конечно, мир «небесный», где звучит «тихая песня» ангела.

— Какая музыкальная мелодия может соответствовать авторскому замыслу?

— Согласны ли вы с И.Н.Розановым, что название «песня ангела» гораздо точнее?

Читая стихотворение «Ангел», мы коснулись того, что воспринимаем не только разумом, но и

душой. Как тут не вспомнить афористические строки Ф.И. Тютчева: «**Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. И нам сочувствие дается, как нам дается благодать**»...

Образ ангела с давних времен привлекал внимание художников. Живописное полотно дополнит, обогатит тот словесный образ, который у нас возник при прочтении стихотворения.

Перед вами знаменитая «Троица», созданная А. Рублевым в 20-х годах XV века для иконостаса Троицкого собора. Тема выражает основной догмат христианской религии — единство трех лиц божества. Все произведение наполнено тишиной и задумчивостью. Прекрасны одухотворенные лица ангелов. Художник раскрывает взаимопонимание, любовь друг к другу, единство. Композиция, линейный ритм, цвет — все подчинено основному замыслу. Повторение плавных линий делает образы особо музыкальными. Средний ангел возвышается над боковыми, как БОГ — Отец над Сыном и Святым Духом.

Образы ангелов писал и В.М. Васнецов. В барабане Владимирского собора в Софии он создал композицию «**Радость праведных о Господе. Преддверие рая**». Этот сюжет подсказан Елизаветой Григорьевной Мамонтовой — женой Саввы Ивановича Мамонтова. Образы ангелов художник писал с собственных детей.

Вчитываясь в текст стихотворения «Ангел», мы начинаем понимать, как художник при помощи в основном обычных слов совершает волшебство: он превращает стихотворение в чудо, доставляющее читателю эстетическое наслаждение. Поэт хочет, чтобы мы пережили вместе с ним движение души, которая «желанием чудным полна». Вместе с поэтом мы проникаемся чувством покоя, чудодейственной силы песни.

Список использованной литературы

1. Андронников И. Лермонтов: Исследования и находки. — М., 1968.
2. Андронников И. Образ Лермонтова. М.Ю. Лермонтов. Сочинения в двух томах. Т. I. — М., 1988.
3. Анненкова Е.И. «Дума» М.Ю. Лермонтова в литературно-философском контексте 1830-х годов// Литература в школе. — 1997. — №6.
4. Архипов Ю. Колокола над городом // Литературная газета. — 2008. — № 46.
5. Белинский В.Г. Стихотворения М.Ю. Лермонтова. Собр. соч., т. I. — М., 1948.
6. Бердяев Н.А. Русская идея // Русская литература. — 1990. — № 2.
7. Библиейская энциклопедия. Изд. СТСЛ., 1990. Репринтное издание. Труд и издание архимандрита Никифора. — М., 1891.
8. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. — М., 1891.
9. Ключевский В.О. Очерки и речи. — М., 1913.
10. Котельников В.А. О христианских мотивах у русских поэтов//Литература в школе. — 1994.-№3.
11. Леонтьев К.Н. Отшельничество, монастырь и мир: их сущность и взаимная связь. (Четыре письма с Афона). — Сергиев Посад, 1913.
12. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1972.
13. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1987.
14. Макарова Б.А. «Москва есть и будет всегда моё Отечество» // Литература в школе.— 1997. — №6.
15. Максимов Д. Поэзия Лермонтова. — М. — Л., 1964.
16. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. // В Тихом омуте. — М., 1991.
17. Соловьёв В.С. Литературная критика. — М., 1989.
18. Солоухин В. «По небу полуночи ангел летел...» // Литература в школе. — 1989. — №4.
19. Тургенев И.С. Полн. соб. соч. и писем в 8-ми томах. — М.,1967. Письма, т. 14.
20. Шапошникова В.В., Шишлова С.Н. Словообраз «душа» в лирике М.Ю. Лермонтова //Русский язык в школе. — 1997. — №1.

Образ христианской семьи в поэме М.Ю. Лермонтова

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»

*Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу,
потому что муж есть глава жены, как и Христос
глава церкви... Мужья, любите своих жен, как и
Христос возлюбил Церковь и предал себе за нее.
Ефес.5,22-23,25.*

*Нет уз крепче этих ...
Иоанн Златоуст*

«Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю.Лермонтов написал в 1937 году на Кавказе. Рукопись была направлена А.А.Краевскому для публикации, однако цензура не разрешила печатать сочинение опального поэта, и только благодаря хлопотам В.А.Жуковского поэма увидела свет, но без имени автора.

«Песня ...» занимает особое место в творчестве поэта. Она интересна не только своей совершенной художественной формой, гениальной стилизацией, поэтикой фольклора и своеобразными синтаксическими конструкциями. В этом произведении Лермонтов явил свой опыт постижения сути народной жизни, национального идеала, исторически сформированного в глубинах христианского сознания.

С ранней юности творческое воображение Лермонтова волновали образы великого прошлого. Отчизны, её защитники, её древние герои. Пятнадцатилетний поэт пишет стихотворение «Русская мелодия», в которой мастерски передает национальный колорит. Захваченный русской темой, он обращается к народному творчеству. «Как жаль, — сетует Лермонтов, — что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слыхал сказок народных, — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской литературе». Будучи необыкновенно музыкальным, поэт приходит к выводу, что народную поэзию нужно искать «нигде, как в русских песнях». Лермонтов тонко чувствует и передает мелодику и образность национальной песни в своих стихотворениях «Русская песня» 1830, «Атаман» 1831, «Песня» 1831 и др.

Образы великой России вновь и вновь возникают в его творчестве. Достаточно вспомнить стихотворения «Два великана» (1832), «Бородино» (1837), неоконченное историческое полотно «Вадим» (1834-1837гг). Страницы русской истории, прошедших героических событий явились для Лермонтова предметом пристального внимания и изучения. Возможно, этот взгляд поэта, обращенный назад, искал и находил достойные образцы русского духа, этих чудо-богатырей, каких он не видел среди своих современников. Отсюда и известные всем с детства «горькие» строки из стихотворения «Бородино»: «Богатыри — не вы».

Эта печаль и чувство горечи у Лермонтова кроются в осознании им несоответствия былого величия России картинам современной жизни. Увидеть, пережить это и сказать правду, как бы горька она ни была, — вот истинное призвание поэта. И в своем творчестве Лермонтов, как верный сын своего Отечества, продолжает утверждать высокие духовные ценности, воспитывать красоту загадочной русской души, сила которой в тех деяниях и подвигах, которые совершал и еще совершит русский человек, русский народ, как только поймет, ощутит сердцем и поверит в истину и справедливость» (9, 220).

Обратившись в поэме к эпохе царствования Иоанна Грозного, автор внимательно всматривается в глубину веков и отмечает исконно присущее русскому человеку правдолюбие и стремление «постоять за Правду до последнева». «Именно эта формула, эта мысль высвечивает смысловое содержание всей поэмы, является её энергетическим узлом», — писал М.М.Дунаев (6, 42).

Сюжет поэмы

В основе сюжета поэмы лежит событие, вероятное в XVI веке. Какие-то факты, возможно, подчёрпнуты из «Истории Государства российского» Н.М.Карамзина (т.1X): упоминание о чиновнике Мясоеде-Вислом и его жене, обесчещенной опричниками царя. Историки литературы также указывают на фольклорные памятники, которые могли быть источниками «Песни ...», прежде всего — песню о Машрюке Темрюковиче из книги Кириши Данилова (1818г.). Лермонтов во 2-ой половине 1830-х годов, в период установления дружеских связей со славянофилами (в том числе с П.В.Киреевским) и собирателем фольклора С.А.Раевским, был, вероятно, знаком и с вариантами песни о Машрюке, записанными Киреевским, «оттуда он заимствовал имя своего героя (дети Кулашниковы, братья Калашнички, Калашниковы) (7, 410). В 1835-1836 годах поэт вновь побывал в Тарханах и еще раз соприкоснулся с миром давно уже ему знакомой народной поэзии, со старыми тарханскими песнями.

Обращение к фольклорным источникам, к историческим, разбойничьим и лирическим народным песням позволило Лермонтову в своей поэме воссоздать характер эпохи, её быт и нравы. «Именно старинные русские песни он и вспоминал, именно они его и вдохновляли, когда он это произведение создавал... Именно так он его и назвал — песня: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», — пишет исследователь лермонтовского творчества С.А.Андреев — Кривич (3,191). Но поэма далека от буквального воспроизведения исторического эпизода: осмысляя и творчески интерпретируя исторический материал, автор выходит за хронологические рамки повествования, для него была важна идея «Песни ...».

О смысле поэмы писал В.Г.Белинский в своем первом печатном отзыве о творчестве Лермонтова: «... поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в её историческое прошлое, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвевая его звуками, усвоил себе склад его старинной речи ... и вынес из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненное всякой истории (5, 23).

Некоторые современники Лермонтова связывали содержание «Песни...» с реальными событиями тех лет, в частности, со скандальной историей увоза гусаром жены московского купца; видели в «Песне ...» и отражение семейной трагедии Пушкина: поэма была написана вскоре после роковой дуэли на Черной речке.

Библейский идеал добродетельной жены Образ христианской семьи в поэме Образ Алены Дмитриевны

«Песня ...» и сегодня не оставляет равнодушными своих читателей: ощутимо «биение пульса» этой удивительной поэмы, волнительна встреча с её героями, внутренний мир которых свидетельствует, по выражению Белинского, о «сокровеннейших и глубочайших тайниках» народного духа.

Лермонтову удалось воссоздать необыкновенно привлекательный, светлой образ древнерусской семьи Калашниковых. Сам Степан Парамонович, «молодой купец», «статный молодец» не только исправно ведет своё дело, у него и в доме образцовый порядок: каждый вечер его встречает «молода жена» и «накрыт дубовый стол белой скатертью».

Немногочисленные, но характерные детали и бытовые подробности «Песни» свидетельствуют о традиционном православном укладе жизни этой семьи, в которой сохраняются благочестивые обычаи предков, царит своеобразная культура древнерусского домостроительства, атмосфера священного домашнего очага. А горящая «свеча перед образом» символизирует христианское мироустройство семьи как малой церкви.

Велика в этом роль жены, хозяйки дома. Своим благоразумием, распорядительностью по хозяйству, попечением о детях, заботой о муже она делает свой дом источником добра, мира, счастья, успокоения, восстановления сил. Сюда, в свой «высокий дом» за Москву-реку устремляется каждый вечер Степан Парамонович после дневных забот и переживаний.

Образ Алены Дмитриевны восходит к библейскому идеалу добродетельной жены, жены-помощницы для мужа своего, цена которой, по слову премудрого Соломона, «выше жемчуга» (Притч. 30,10).

Положение жены как любящего и преданного мужу человека назначено ей самим Богом. «Жёны, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви,» — пишет святой апостол Павел в послании к Ефессянам (5, 22-23). «Поминование жены мужу в христианстве принимает высший характер, яко такое, которое вытекает из страха Божия и уравнивается с делами Богоугождения, прямо Самому Господу творимыми,» — пишет святитель Феофан Затворник в своем толковании послания апостола Павла (7,538). А святой Иоанн Златоуст об этом говорит так: «Сказавши: повинуйтесь, яко Господу — Апостол ... понимает следующее: ... служите Господу ...» (1,538).

Но чтобы осознать и исполнять своё назначение, жена должна вместить в своё сердце Христа Спасителя и его святые заповеди, воплотить в своей жизни истины Евангелия, украсить свою душу нетленными добродетелями, служить «славою, венцом мужа своего» (Притч. 12,4). Именно такой образ русской женщины удалось создать Лермонтову в своей поэме.

**О красоте внешней и внутренней
Библейские наставления жене — христианке**

Уникальность образа Алены Дмитриевны — в гармоничном единстве внутренних достоинств и необыкновенной внешней привлекательности:

*На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы ...*

По мнению святых отцов Церкви, внешность человека может одухотворяться внутренним огнем Веры, Надежды, Любви и свидетельствовать о чистоте души, о мирном устроении духа. Алена Дмитриевна, кроткая, целомудренная, благочестивая, действительно, светит людям, «как заря на небе Божиим».

Походка, взгляд, речь молодой женщины привлекли внимание царского опричника. Женская красота, совершенство внешних форм, как мы знаем из житийной и художественной литературы, может служить источником соблазна, провоцировать возникновение греховных помыслов и желаний, быть приманкой для низменных страстей. Физически крепкий, «кудалой боец», «буйный молодец», Кирибеевич лишен внутренней силы, способной победить зарождающийся в душе грех. Избалованный царской милостью, не привыкший терпеть поражение ни в битвах, ни в кулачных боях, он был побежден блудной страстью. Как разбойник, преследует опричник поздним вечером возвращающуюся из церкви Алену Дмитриевну с целью похитить то, что ему не принадлежит и принадлежать не может. Уповающий в своей жизни на власть, положение, богатство, он не жалеет при встрече с «красной красавицей» ни слов любезных, ни обещаний щедрых:

*Хочешь золота или жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать ...*

Предлагая своей возлюбленной «сокровища земные», Кирибеевич не ведает, что в сердце её сокрыты другие богатства, иные ценности: любовь к Богу и ближнему своему, верность святым обетам, в таинстве Венчания данным и страх Божий, т.е. боязнь греха, который разрывает связь с Богом и лишает человека Его милости.

Иногда Господь попускает врагу рода человеческого — диаволу — испытать человека, подвергнуть его искушению. «Искушением познаются истинные и верные рабы Божии и лицемеры, ... кому угрожаем, себе ли в миру или Богу, чью волю более почитаем, свою или Божию ...», — пишет святитель Тихон Задонский (2, 404-405).

Все действия Алены Дмитриевны направлены на преодоление этого искушения, она как истинно верующий человек, боясь оскорбить Бога, в буквальном смысле бежит от греха, подобно святым женам, знакомым нам по житийной литературе, которые предпочитали смерть греху прелюбодеяния. Видимо, заповедь о верности семейному союзу и хранении святым брака была записана в их сердцах «золотыми буквами»: «Вступившие в супружество должны друг друга любовь и верность хранить до конца жития. Ни муж жены, ни жена мужа не должны оставлять до смерти, но, как обещались и согласились, неразлучно пребывать до кончины» (2,834-835).

Лермонтов в своей поэме следует святоотеческой традиции, отразившей библейские наставления жене-христианке. «Обманчиво пригожество, ничтожна красота, а жена, боящаяся Господа, достойна похвалы» (Притч.30, 30-31). «Да будет украшением вашим не плетение волос, ни золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценного пред Богом (1 Петра, 3.3-4).

Интересно, что в древнерусской литературе почти не уделялось никакого внимания внешности человека, речь всегда шла о сокровенных, внутренних достоинствах. Так в «Повести о Петре и Февронии» Ермолая Еразма не упоминается о красоте той простой девушки, которая исцелила неизлечимо больного князя и стала его женой. Постоянно говорится о её мудрости. Видимо, в Древней Руси её ценили намного выше красоты телесной.

«... муж есть глава жены, как и Христос глава церкви...»

Образ Степана Парамоновича Калашникова

Униженная и оскорбленная на виду у «злых соседшек», Алена Дмитриевна была подвергнута гневному обличению супруга и глубоко страдала от его недоверия и подозрений, от «речей» его, «будто острый нож». Для неё, любящей и преданной жены, весь страх состоял в «немилости» мужа, своего «государя», освящавшего её жизнь, как «красно солнышко». Полная, откровенная, исповедальная искренность Алены Дмитриевны свидетельствует, что между ней и супругом нет и не может быть никакой тайны, потому что муж и жена — одно целое, «одна плоть» (Быт.2,24). Обидчик, опозорив жену, оскорбил и мужа, дерзнул покуситься на установленный Богом порядок. Грех всегда попирает правду: от эгоистических желаний избалованного человека колеблется честь и достоинство семьи.

Выслушав свою «верную жену», просящую о защите и помощи, и полностью ей доверяя, Калашников осознает, что в дом пришла «лиха беда»:

*Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич!
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.*

Испытание, выпавшее на долю Калашниковых, обнаружило не только добродетели жены, но и открыло способности мужа «быть всесторонним попечителем и охранителем жены (1,539), защитником святыни Брака от поругания. «... да познаем врагов наших, и научимся противу их подвизаться. Брань то научает воина Подвигу и крепчайшим делает ...», — рассуждает святитель Тихон Задонский (2,405).

Степан Парамонович, для которого настал час праведного гнева, быстро принимает решение:

*Буду насмерть биться, до последних сил,
За Святую правду — матушку.*

Калашников следует национальным святоотеческим традициям, «заквашенным» на евангельских истинах: «приняв во всей строгости, что жены по образу поминовения Церкви Христу Господу должны повиноваться мужам во всем, должно принять во всей строгости и обязательную для мужей любовь — в мере любви Христа Господа к Церкви. Но Господь предал Себя за Церковь, следовательно, и мужья должны простирать свою любовь к женам до готовности жертвовать за них и самую жизнь» (1, 543).

Это спокойное ощущение силы для битвы с непобедимым, эта решимость «постоять за правду до последнева» рождаются у Калашникова из осознания своей правоты перед Богом и народом христианским. В этом дивном образе Лермонтов воплощает лучшие черты национального характера: «Нетрудно увидеть: русский человек ради правды готов пожертвовать самой жизнью, смиренно склоняя перед Промыслом (6, 42). В своей последней битве и в разговоре с царем Степан Парамонович предстоит пред самим Богом и только перед Ним ответ держит, сохраняя семейную тайну.

В последние минуты своей жизни он думает и заботится только о своих близких, унося с собой вечную Любовь, которой научила его святая вера Православная.

В 1841 году Лермонтов писал, что «у России нет прошедшего, она вся в настоящем и будущем». Такова вера поэта. Таков сам Лермонтов. Он вместе с Россией в ее настоящем и будущем, как и бессмертные герои, созданные его гением. Лермонтов заканчивает свою поэму возгласением славы народу христианскому, хранителю Святой Веры, в недрах которого поднимаются новые богатыри духа и зреют новые подвиги.

Список использованной литературы

Священное Писание Ветхого и Нового Завета

1. Святитель Феофан Затворник. Толкование послания апостола Павла к Ефессянам. — М., 2004.
2. Схиархимандрит Иоанн (Масло) Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М., 2003.
3. С.А. Андреев-Кривич. Тарханская пора. — М., 1968.
4. Э.А. Веденятина. Красота. Мешает ли она спасению? — М., 2002
5. В.Г.Белинский. Литературная критика. — М., 2005.
6. М.М.Дунаев. Православие и русская литература — М., 1996. ч.II.
7. М.Ю.Лермонтов. Избранные сочинения в трех томах. — М., 1996, т.2.
8. Лермонтовская энциклопедия. — М.,1981.
9. Семейная жизнь и православное воспитание. — С.-Петербург, 2006.
10. В.Ю.Троицкий. Словесность в школе. — М.,2000.

Поэтическая исповедь русского интеллигента 30-х — 40-х годов XIX века

(личность и творчество М. Ю. Лермонтова)

Урок-исследование в 10 классе

Цели урока: научить учащихся не просто знакомиться с личностью и творчеством, но стараться понять и разобраться в мировоззрении, духовных исканиях и культурной миссии Лермонтова; принять или оспорить оценки судьбы и роли Лермонтова в русской культуре.

Методические приемы: эвристическая беседа, работа в группах, организация поиска, постановка проблемы и ее раскрытие, включение учащихся в работу над анализом текста и оформлением самостоятельного вывода, демонстрация репродукций.

Литература:

1. Карнаух Н.Л., Щербина И.В. Письменные работы по литературе. 9-11 класс. — М.: Дрофа, 2003, стр. 192-217.
2. Недзвецкий В.А. Поэт и его судьба (От Пушкина к Чехову). — М., 1997.
3. Энциклопедия «М. Ю. Лермонтов». — М., 1981.
4. Обзорные уроки для подготовки к экзаменам. Темы русской классики. 9-11 класс. — М.: Владос, 2004.
5. Золотарева И.В., Беломестных О.Б. Поурочные разработки по литературе. 10 класс. — М.: Вако, 2003.
6. Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. — М., 1989.
7. Позольская И. И. М. Ю. Лермонтов. — М., 1993.
8. Чекалин С. В. Лермонтов. Знакомься с биографией поэта. — М., 1990.

Ход урока

1. Вступительное слово учителя.

*Бог знал заранее все:
зачем же он не удержал судьбы?..
Он не хотел !..
Драма «Испанцы» 1, 1У, 21*

Личность Михаила Юрьевича Лермонтова до сих пор остается загадкой. Каким он был? Как его образ отразился в его творчестве? Миссия Лермонтова — одна из глубочайших загадок русской культуры XIX века. Раскрыть эту загадку и определить миссию поэта мы попытаемся через его творчество, через воспоминания современников, через знакомство с оценкой критиков. А итогом нашего исследования должно стать написание эссе «Мой Лермонтов», где каждый из вас постарается передать свое восприятие образа поэта и его лирического героя.

Лучше всего творческий человек раскрывает свой внутренний мир через этический идеал, проявляющийся в его произведениях. Понять Лермонтова-человека можно только прочитав его поэтическую исповедь. Форма исповеди широко распространена в романтической литературе, поскольку она хорошо отвечает важной для романтиков задаче — представить внутренний мир героя и его глубинные психологические конфликты.

Исповедь Лермонтова — это его стихотворения и поэмы, драмы и роман «Герой нашего времени». Особенно ранняя лирика похожа на дневниковые записи. В стихотворениях этого периода поэт пытается раскрыть сложную внутреннюю жизнь человека, поэтому они носят исповедальный характер.

2. Работа с группами.

Каков же этический идеал Лермонтова, особенно проявившийся в его ранних стихах?

Первая группа учащихся. Этический идеал Лермонтова решает философский вопрос: что

предпочтительнее простое человеческое счастье или отблеск блаженства, который навсегда лишит человека возможности спокойного устроенного существования. Лирический герой поставлен перед проблемой выбора между **реальным и идеальным**. Сам поэт мечтает о бесконечности личного существования, о «**рае земном**» и «**рае небесном**».

Символический образ «**неба**» занимает в лирике Лермонтова центральное место и воплощает максимализм нравственных установок поэта, высоту его этического идеала. Лермонтов «**казалось, принес землю на закляние небу**».

«**Земное**» у поэта — это синоним современного общества, в котором господствуют НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, ИЗМЕНА, КЛЕВЕТА, а ЧИСТОТА и БЛАГОРОДСТВО поруганы:

*Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступления лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.*

(«Демон», гл. 10)

«**Небесное**» у Лермонтова выступает как антипод земного бытия. В поэтической мифологии поэта «**небо**» — **рай** — родина души, о которой она неизменно помнит, тоскуя в «**земной неволе**». Тяга к запредельному является прирожденным для человека, как бы таится в нем.

Натура человека изначально двойственна: небесное сталкивается с земным и сразу начинается драма взаимодействия. Пусть душа и грезит о райском блаженстве, человеческая личность все равно не в состоянии забыть о земном. Она стремится к высокому подобию жизни земной — к «очищенному и продолженному земному бытию».

Человек, по Лермонтову, должен:

- сознавать, чувствовать, культивировать в себе это высшее начало, понять его соотношение с другими силами своей души;
- свято хранить это высшее начало наперекор житейским нуждам, заботам, тревогам в безнадежных и трагических ситуациях, проявляя нравственную составляющую и верность себе;
- должен отстаивать высшие нравственные ценности;
- быть готовым к самопожертвованию и борьбе во имя их утверждения, проявляя жажду деятельности:

*Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать,*

(«1831-го июня 11 дня»)

Слово учителя.

История поэзии не всегда предсказуема. Белинский не мог предвидеть, что необыкновенно короткая и насыщенная жизнь Лермонтова, нового гения, подобно взрыву, продлит романтический период русской поэзии.

В чем же особенность лермонтовского романтизма? Каков же романтический герой Лермонтова?

Вторая группа учащихся. Романтический герой Лермонтова отличается внутренней цельностью, одинокостью и тягой к странствиям. Одинокость, или точнее одиночество это, неизменно: нет способа избавиться от него, нет и желания. Одиноким герой противостоит миру, толпе, Богу. Это могучий дух, гордый и непреклонный. Лирический герой Лермонтова мучается от невозможности что-либо изменить в этой жизни, приблизить «**земное**» к «**небесному**», и наступает разочарование. «**Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть**». Мучительные переживания одиночества, ощущение бесприютности, бесплодности существования, мертвая скука, жгучая и бессмертная, «**как пламень**», печаль — вот основные черты романтического героя М. Ю. Лермонтова.

Откуда истоки романтизма Лермонтова? Романтики устают от банального и привычного и поднимают бунт против власти, Бога. Таковы были герои Байрона, Шиллера. Романтиков обвиняли

в бездуховности и разной мистике. На самом деле романтический герой — духовный человек и понимает ограниченность земной духовности. Он весь порыв, он желает вырваться из земной оболочки, стать беспредельным, как демон. Он все громит вокруг и всегда добивается свободы. Романтическое мировоззрение есть опыт обретения свободы и бытия в свободе. Это расшатывает человеческую психику, изматывает его, доводит до гибели. Крайняя черта романтизма — индивидуализм, поиски абсолютных жизненных ценностей, полное разочарование в действительности.

Человеческая натура мыслится как изначально двойственная, как арена беспрестанной *борьбы добра и зла, темного и светлого, «земного» и «небесного»*. Герой Лермонтова мыслит себя натурой исключительной, ничто не может его удовлетворить: *ни любовь «на время», ни «дар, растраченный в пустыне», ни «грядущее в тумане»*. Так завязывается трагический узел мирозерцания Лермонтова: *желание блага слито с необходимостью зла:*

*Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
И лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла.
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей.
(«1831-го июня 11 дня»)*

Слово учителя.

Б. Эйхенбаум писал, что «проблема добра» приводит Лермонтова к вопросу о «высоком зле — о «гордой душе», которая должна мстить за «гибель добра». Так появляется тема демонизма, которая является вынужденной этической позицией на царящую в мире несправедливость. Лермонтов осознавал как бы, что *зло может быть побеждено только злом. Что такое демонизм и как он появляется в творчестве М. Ю. Лермонтова?*

Третья группа учащихся. Демонизм — особый тип сознания, воплощающий обаяние порока и силу познания, разрушительность привычных ценностей и абсолютную свободу.

Демонизм позволяет его носителю перекраивать мир по-своему, во всем утверждать собственную волю, свободную от обязательств перед людьми. Лермонтов считал это явление общечеловеческим, наделяя своих героев правом распоряжаться чужими судьбами и даже жизнью: «*Мой демон*», «*Тамара*», «*Маскарад*», «*Демон*».

Кто же такой демон? Демона часто путают с дьяволом, а это разные вещи. Это хорошо понял Врубель, когда писал своих демонов. Это порыв, мучения, бесконечные муки становления. Даже отцы церкви признавали, что зло может быть добрым. Алхимики считали, что Демон двоичен. И создан он был на 2-ой день творения.

Демон — символ сомнения, разобщенности, главное в нем — духовный порыв к Богу.

Демон — это сам поэт, то в виде демона летящего, то в образе усталого денди Печорина. Разницы нет.

Демон — это падший ангел, не потерявший высоких помыслов, духовности и света. Демонизм — это странное смешение, с которого начинается наш жизнь, наша душа. В нашей душе смешение света и тьмы, многозначность духовной жизни, полнота, бездна, из которой мы черпаем свои истоки. Впервые рождается контраст, а значит искусство, которое всегда демонично.

Демон — болезнь идеала, болезнь совершенства, потому что он понимает ущербность человеческого существования, когда на грани жизни все человеческие помыслы, идеалы и устремления превращаются в прах.

Демон — вечные метания в поисках истины, вечные противоречия сердца и рассудка, «вечные метания под холодным небом. Не может он отречься от «неба» и принять «землю»

Демон — очеловеченный дух, тот самый **всечеловек**, в котором Достоевский видел смысл искусства.

Слово учителя.

Традиционно можно говорить о западноевропейских корнях Демона. Исследователи единодушно ведут «родословную» героя от библейского мифа о падшем ангеле, восставшем против Бога. Из-

вестны были Лермонтову и многочисленные литературные воплощения этого библейского сюжета: «*Потерянный рай*» Мильтона, «*Фауст*» Гете, «*Каин*» Байрона. Но лермонтовский Демон — не литературный прием, а попытка художественно выразить некий глубочайший опыт из слоев глубинной памяти поэта на поверхность сознания.

Поэма «*Демон*» показывает демона, как дух изгнания, летящий над грешной землей, бессильный оторваться от нее и приблизиться к небесам. Он изгнан из рая, сброшен с неба и оттого печален. Он сеет зло, но это не приносит ему наслаждения. Все, что он видит, приносит либо холодную зависть, либо презрение и ненависть. Ему все наскучило. Но он горд, он не способен подчиняться воле других, пытается преодолеть самого себя.

В личности и творчестве Лермонтова различаются *две противоположные тенденции*.

Первая: линия богоборческая, многие считают ее влиянием Байрона, но байронизм есть противопоставление свободной и гордой личности окованному цепями условностей и посредственности человеческому обществу. Бунт Байрона — бунт против общества. А у Лермонтова — бунт не так последователен, глубок, он не уводит поэта ни в добровольное изгнание, ни к освободительному движению. Суть лермонтовского героя — в непримиримых противоречиях, в утверждении, что даже такие понятия, как Добро и Зло не абсолютны. Эти противоречия заложены в самой жизни. Человек получает способность к познанию и борьбе, а в душе у каждого живет свой Демон.

Демон — это сам автор, всю жизнь метавшийся между небом и землей, молитвами и проклятиями. М. Ю. Лермонтова отличает двоемирие, трагическое понимание пропасти между земным и небесным, телесным и духовным, реальным и идеальным. Единственным, узеньким, шатким, но нерушим мостиком через эту бездну остается душа человека. *Душа, вечно балансирующая на грани «двойного бытия»*, как сказал Ф. И. Тютчев:

*О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги!
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!*

Вторая: линия богоискательства. Душа поэта, раздвоенная и истерзанная, страстно искала, но никогда не достигала гармонии. Единства, цельности. Часть его души стремиться к Богу. «В небесах я вижу Бога» Другая же, под влиянием мучивших поэта страстей и, прежде всего, гнездившейся в его гордости, тянет его вниз, удаляет от Бога. Лермонтов осознает, что душа его одержима греховными страстями, что эти страсти мешают ему быть с Богом, преграждают ему путь на небо:

*Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю.
За то, что часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.*

Стихотворения — молитвы Лермонтова тоже отражают противоречивость религиозных взглядов и отличаются своеобразием авторской позиции. «*Молитва*» 1829 г. — это мольба — спор лирического героя с Господом, «*Молитва*» 1837 г. — чистое молитвословие и в то же время шедевр любовной лирики: лирический герой молит о счастье любимой женщины, хотя сам он «странник с пустынной душой». «*Молитва*» 1839 г. — это отдохновение поэта, светлая грусть и надежда. «*Когда волнуется желтеющая нива*» — это единение с Богом, растворение в мире природы, а стихотворение «*Выхожу один я на дорогу*» — итог, философское размышление о жизни.

Слово учителя.

Связи художественного мира Лермонтова с христианством несомненно существуют, реализуясь через образ молитвы православно — христианского толка. Да и в мировоззрении поэта постепенно происходит эволюция: *линия богоискательства стала превалировать над богоборческой линией*. Вопрос об отношении Лермонтова к православию всегда вызывал многочисленные споры и толки. Не обошли этот вопрос и известный религиозный философ Соловьев Владимир Сергеевич и писатель, критик Мережковский Дмитрий Сергеевич.

Как же они анализировали христианское мировоззрение М. Ю. Лермонтова?

Сообщение 1-го учащегося: Соловьев Владимир Сергеевич (1853 — 1900) — русский религиозный философ, поэт. Бунт поэта и его героя направлен против Бога, создавшего дисгармоничный

мир. В. Соловьев назвал эти отношения «тяжкой поэты с богом», говоря, что религиозное чувство, «часто засыпавшее» в Лермонтове, никогда в нем не умирало и, когда «пробуждалось — боролось с его демонизмом». Философ в своей статье «Судьба Пушкина» (1897) подошел к Лермонтову, как поэту, не выполнившему свой моральный долг перед Богом: «С ранних лет, ощутив в себе силу Гения, Лермонтов принял ее только как право, а не обязанность, как привилегию, а не как службу.»

Поэт, по мнению Соловьева, идеализировал и эстетизировал злое начало в своей гениальной натуре: в нем жили «демон кровожадности» (способность наслаждаться деланием зла), «демон нечистоты» (эротизм некоторых произведений) и третий и самый могучий — «демон гордости», с которым Лермонтов, в отличие от первых двух и не пытался бороться: «...мы не найдем ни одного указания, чтобы он когда — нибудь тяготился взавраду своею гордостью и обращался к смирению».

Вывод Соловьева: «как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была степень его нравственных усовершенствований. Поэт ушел с бременем неисполненного долга — развить тот задаток, великолепный и божественный, который он получил даром»

Сообщение 2-го учащегося: Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866 — 1941). Поэтом «сверхчеловечества» назвал Лермонтова Мережковский, человеком несмирением, богоборчество коего близко библейским Иакову и Иову. Даже молитвы не смиряют героя, а ведь писались они в разные минуты жизни. Молитва — последний способ героя уверовать... В очерке «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908) Мережковский называет Лермонтова «единственным человеком в русской литературе до конца не смирившимся». Вечная мятежность и несмирительность — главные черты творчества поэта. Сравнивая его с Пушкиным, он пишет: «Пушкин — дневное светило русской поэзии, а Лермонтов — ночное светило... вся она (поэзия) колеблется между двумя колоссами — созерцанием и действием.»

Соловьев, по мнению Мережковского, не понял святости лермонтовского богоборчества, не понял потому, что «оно окончательно забыто в самом христианстве». Зло Лермонтова, по его мнению, это зло другого порядка, которое Соловьев смешивает с пошлостью, а у Лермонтова — это «только болезненный выворот, безумный надрыв». Лермонтов, как и его Демон, трагически раздвоенная натура, причастная соблазнам земного мира и вместе с тем несущая в себе «великий и могучий дух».

3. Подведение итога семинара.

Слово учителя. Итак, пора подводить своеобразные итоги и наводить порядок в нашем исследовании. И все-таки, кто же такой Лермонтов: пророк или демон?

Ответить на этот вопрос мы можем только, прислушиваясь к голосу самого Лермонтова, который звучит в его произведениях, носящих характер исповеди. Вывод мне хочется представить в форме эссе:

Тайный молитвенник

В своих произведениях М. Ю. Лермонтов чаще говорил о муках, об огорчениях, доставляемых жизнью, нежели об ее радостях. Жизнь не очень-то жаловала поэта, судьбу его нельзя назвать счастливой. Ведь прожил Лермонтов всего 26 лет. Это такой малый срок, чтобы определиться, в мучениях и размышлениях искать свой смысл жизни.

Поэт не раз говорил о жизни, как о чаше страданий:

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами,

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадет,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;
Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта...

Даже внешность поэта носила двойственное впечатление:

— портреты поэта все разные, авторы не сумели схватить жизнь лица, бессильны в передаче духовного облика поэта;

- дело в его глазах: художники пытались передать силу его взгляда (огненные глаза, черные как уголь; пламенные, но грустные; сверкали мрачным огнем; неподвижно — темные);
- сам Лермонтов смеялся над собой, говоря, что судьба, будто на смех, послала ему общеармейскую наружность;
- характер поэта одним кажется холодным, желчным, раздражительным, а других поражает живостью и веселостью; великосветское общество отмечает его язвительную улыбку, злой, упрямый характер, высокомерие; близкие друзья — добрый взгляд, ласковое слово.

Поэт не любил рисоваться, был предан малому кругу друзей, с которыми он был деликатен, а в петербургских салонах — подчеркивал внутреннюю свободу, презрение к светской толпе. Он был честолюбив и скрытен.

Но с детства он сохранил привычку к мечтательности и еще черту, которую скрывал от всех — застенчивость, прикрывая ее то холодностью, то насмешливостью.

И все самую верную характеристику личности поэта дают его книги. Лермонтов исповедовался в своей поэзии; перелистывая томики его стихов, мы можем понять его как поэта и человека.

Страницы его юношеских тетрадей напоминают стихотворный дневник: размышления о жизни и смерти, вечности, добре и зле, о любви, о будущем и прошлом.

Перед Пушкиным благоговеет, любит роман «Евгений Онегин»:

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизньнюю иной.
И о земле не забывал.

Природа наделила его страстями. В 3 года плакал на коленях матери от песни, которую она пела. Матери он посвятил стихотворение «Ангел»:

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

Полюбил впервые в 10 лет.

Он был одарен музыкальностью — играл на скрипке, фортепиано, пел, сочинял музыку на собственные стихи («Казачья колыбельная песня»)

Умел передать тончайшие духовные состояния посредством стиха, звучание которого прелестно.

Лермонтов — великолепный художник и если бы он развивал в себе этот дар, то стал бы известнейшим пейзажистом.

Он умел одухотворять, оживлять природу: утес, стихия, дуб, листок, пальма наделены человеческими страстями — радость встреч, горечь разлук, одиночество, свобода.

Среди друзей был доверчивым, открытым, не изменял им.

Больнее его ранила не злоба врагов, а ядовитая клевета друзей.

Ранняя смерть матери, жизнь вдали от отца, мучения неразделенной любви в юности, потом разлука с Варварой Лопухиной, политические преследования и жизнь изгнанника в последние годы — все это усиливало трагический характер поэзии и усиливало чувство одиночества.

Но он не отрицал жизнь. Он любил ее страстно, вдохновленный мыслью о Родине, о свободе, о судьбе поколения (30-х — 40-х годов), об одиноком узнике, изгнаннике...

Лермонтов был разным, как и все, но грани его характера были очерчены резко — отсюда разноречивые толки.

Лермонтов — это вечный, одинокий странник:

Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чуждой.

Любовь для поэта так же недолговечна, как и женская красота. Устами Арбенина он говорит:

Я все видел,
Все перечувствовал, все понял, все узнал;
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал.

Может быть, знания наполнят жизнь? Словами Печорина в главе «Бэла» Лермонтов говорит: «Я стал читать, учиться — науки также надоели, «и слава, купленная кровью», не прельщает поэта.

И последнее — Лермонтов был верующим, после его гибели, — как значитесь в описи его имущества, — осталось «четыре образа и серебряный нательный крестик, вызолоченный с мощами». Существует рассказ о том, что Лермонтова, печоринствующего отрицателя, злого Лермонтова, один из его товарищей застал однажды в церкви. Он молился на коленях. Таким же тайным молитвенником, явным отрицателем, был он в жизни, в поэзии. Быть может, ни у одного из русских поэтов поэзия не является до такой степени молитвой, как у Лермонтова, но эта его молитва — тайная. Молитва его стыдлива, она боится, чтоб не нарушилось ее одиночество, и она сознательно скрытна, затаенна:

*Век наш — век безбожный;
Пожалуй, кто — нибудь, шпион ничтожный
Мои слова прославит, и тогда
Нельзя креститься будет без стыда
И поневоле станешь лицемерить,
Смеясь над тем, чему желал бы верить.
(Поэма «Сашка»)*

4. Домашнее задание: написать сочинение — эссе «Мой Лермонтов».

«Я был готов объять весь мир...»

(Размышления о личности и судьбе М.Ю.Лермонтова)

Лермонтов — очень сложная фигура, о нём много говорят в современном литературоведении, пытаются объяснить особенности его творчества как с материалистических, так и с идеалистических позиций.

Особенно интересны, на мой взгляд, статьи В.С.Соловьёва, русского религиозного философа, поэта, публициста и критика, ставшего в глазах символистской художественной интеллигенции героем легенды, олицетворением переломной эпохи, и Д.С.Мережковского, русского писателя, автора такого известного сочинения, как историческая трилогия «Христос и Антихрист».

Лекция В.С.Соловьёва «Лермонтов» и очерк Д.Мережковского «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» посвящены гению Лермонтова. Думаю, что учителю сегодня без них не обойтись, потому что путь к воспитанию личности ученика должен проходить не только по дорогам и тропинкам жизни, хоженным героями произведений, но и проторенным самим художником, то есть талантливое жизнеописание его судьбы, его мучений, его приобретений и потерь ничуть не меньше воздействует на души ребят, чем сами его книги.

Два человека, два идеалиста ведут суд вечности над поэтом. Один выступает в роли обвинителя, другой — защитника. Приговор Соловьёва очень рассудочный, холодный, в нём нет чувства — только жёсткая логика. Речь защитника эмоциональна, полна живого тепла, любви к поэту.

В.Соловьёв видит в Лермонтове прямого родоначальника ницшеанства: «Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которое для краткости можно назвать «ницшеанством». Он (Соловьёв) обвиняет поэта в презрении к человечеству, эгоизме, индивидуализме, жёсткости, в идеализации зла. «Три демона владели душой Лермонтова, — утверждает философ, — демон «кровожадности», демон «нечистоты», демон «гордости». В.Соловьёв подозревает любимца муз во всех земных грехах и призывает к смирению его заражённое гордыней «исключительное я».

Мыслитель признаёт незаурядность поэта: «Лермонтов, несомненно, был гений, то есть человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку, получивший задатки для великого дела, способный, а следовательно, обязанный его исполнить».

В чём заключалась особенность его гения? Как он на него смотрел? Что с ним сделал?» Эти три основных вопроса поднимает В.Соловьёв в своей лекции и пытается дать ответы.

«Первая и основная особенность лермонтовского гения — страшная напряжённость и сосредоточенность мысли на себе, на своём Я, страшная сила личного чувства. Не ищите у Лермонтова той прямой открытости всему душевному, которая так чарует в поэзии Пушкина», — пишет Соловьёв.

Далее он продолжает: «Вторая — способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений». В.Соловьёв утверждает, что Лермонтов «не был занят ни мировыми, историческими судьбами своего отечества, ни судьбой своих близких, а единственно только своею собственной судьбой», и тут он был «более пророком, чем кто-либо из поэтов». Достаточно указать на одно лишь стихотворение «Сон», доказывающее тот факт, что Лермонтов «не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел её заранее... Одно этого стихотворения, конечно, достаточно, чтобы признать за Лермонтовым врождённый через голову многих поколений переданный ему гений».

Что же сам поэт сделал из этого задатка «великой судьбы»? «С ранних лет ощутив в себе силу гения, Лермонтов принял её только как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу. Он думал, что его гениальность уполномочила его требовать от людей и от бога всего, что ему хочется».

И в итоге «как высока была степень прирождённой гениальности Лермонтова, так же низка была степень его нравственного усовершенствования. Лермонтов ушёл с бременем неисполненного долга — развить тот задаток, великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперёд и вверх к истинному сверхчеловечеству, — но мы этого от него не получили».

Совсем иначе смотрит на Лермонтова Д.Мережковский. Роковое в судьбе поэта — это не победа зла над добром, а постоянное раздвоение личности. Автор статьи приводит множество противоречивых воспоминаний о поэте его современников. Одни характеризуют Лермонтова как самого

обыкновенного гусарского офицера, другие отзываются о нём как о «скоте Чурбанове», третьи восклицают: «какой великий и могучий дух!». «Откуда же это раздвоение?» — воскликнем мы вслед за Д.Мережковским.

«Произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против Дракона; и Дракон и ангелы его воевали против них; но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон».

Существует древняя легенда, упоминаемая Данте в «Божественной Комедии», об отношении земного мира к этой божественной войне. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения; но колеблющихся между светом и тьмою благодать Божия посылает в мир, чтобы могли они сделать во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы — души людей рождающихся. Та же благодать скрывает от них прошлую вечность, для того чтобы раздвоение, колебание в вечности прошлой не предreshало того уклона воли во времени, от которого зависит спасение или гибель их в вечности будущей. Вот почему мы так естественно думаем о том, что будет с нами после смерти, и не умеем, не можем, не хотим думать о том, что было до рождения. Нам надо забыть, откуда — для того, чтобы яснее помнить, куда.

Таков общий закон мистического опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол завесы, скрывающий тайну премирную. Одна из таких душ — Лермонтов».

Так вот откуда это раздвоение. Оно не эмпирическое, оно высшего порядка, — к такой мысли приходит философ-богослов. Лермонтов осознаёт, что он «не совсем человек» («в человеческом облике», «существо иного порядка, иного измерения»), и боится, как бы этого не узнали другие. И потому хочет казаться «не великим, а самым обыкновенным человеком, точь-в-точь как все» (ср. у Соловьёва: «Да, это дурно, да, это низко, но ты гений, ты выше простых смертных, тебе всё позволено, ты имеешь от рождения привилегию оставаться высоким и в низости...»). Лермонтов стремится к тому, чтобы окружающие его люди поверили: он обыкновенный армейский офицерик, волочась за дамами, распевая романсы. Поэтому его «пошлость» — «только болезненный выверт, безумный надрыв», — пишет Мережковский. «Душа у него — ангельская, и поэтому он не может примириться со злом,» — утверждает критик.

«Почему, зачем, откуда зло?» Если есть Бог, то как может быть зло? Если есть зло, то как может быть Бог?» Из этого суждения Мережковский выводит теорию богоборчества Лермонтова. Поэт ищет в религии, по мнению литературоведа, что-то, что стоит за пределами христианства. «Тут какое-то новое, пока ещё едва мерцающее откровение, которое соединяет прошлую вечность с будущей: в прошлой — завязалась, в будущей — разрешится трагедия зла».

Мережковский считает, что В.Соловьёв не понял «святого богоборчества» Лермонтова, не понял истоков его «горечи и злости», его любви.

В.Соловьёв утверждает, что любовь не могла быть для Лермонтова жизненным наполнением.

«У Лермонтова она уже прошла, не владеет сердцем, и мы видим только чарующую игру воспоминания и воображения. Он любил главным образом лишь собственное любовное состояние, понятно, что такая формальная любовь могла быть лишь рамкой, а не содержанием его Я, которое оставалось одиноким и пустым».

Совершенно другое доказывает Д.Мережковский, приводя факты из биографии и творчества поэта: «Кто мне поверит, что я знал любовь, имея 10 лет от роду? К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я её видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет... Один раз я вбежал в комнату. Она была тут и играла с кузиной в куклы: моё сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чём ещё не имел понятия, тем не менее, это была страсть сильная, хотя и ребяческая; это была истинная любовь; с тех пор я ещё не любил так...».

А потом на всю жизнь сохранит он чувство любви к В.Лопухиной, им будут дышать стихи поэта:

*Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты,-
Всем упоеньем, всею властью
Бессмертной мысли и мечты.*

И этой же неземной страстью любит Лермонтов природу. «Он больше чем любит, он влюблён в природу, как десятилетний мальчик в девятилетнюю девочку «с глазами, полными лазурного огня».

«Для того, чтобы почувствовать чужое тело, как продолжение своего, надо быть влюблённым.

Лермонтов чувствует природу, как тело возлюбленной». И вместе с тем остро переживает разрыв человека с природой:

*Тем я несчастлив, добрые люди,
Что звёзды и небо — звёзды и небо,
А я — человек...*

Человек отделился от природы, перестал сознавать себя её частью и превратился в убийцу, осквернителя «невинных стихий». Вот так в стихах, написанных более столетия назад, мы видим обозначение сегодняшних проблем, нашего отношения к природе. И вот где, наверное, начало нашей современной литературы, посвящённой экологическим проблемам. Не у Лермонтова ли черпают свою любовь к родной земле, к матери-природе такие писатели, как В.Астафьев, В.Распутин, В.Белов, Б.Васильев? И лишней раз убеждаешься в правоте Д.Мережковского, говорящего «о глубоком, хотя и скрытом, влиянии Лермонтова, в гораздо большей степени, чем Пушкина», на развитие русской литературы.

Д.Мережковский обнаруживает лермонтовские мотивы в творчестве своего оппонента, в лермонтовской поэзии открывает «соловьёвский» сюжет поиска Вечной Женственности и борьбы за неё. Говоря о враждебном отношении Соловьёва к Лермонтову, Д.Мережковский подчёркивает их внутреннее родство. Но он настойчиво ищет и связь лермонтовской музыки «с последним полвеком нашей литературы и нашей действительностью» с «величием нашего созерцания и ничтожеством нашего действия».

И как будто не сто лет назад, а сейчас написаны строки: «Созерцание без действия, молитва без подвига, великая литература без великой истории — это никакому народу не прощается — не простилось и нам.

На этой страшной мёртвой точке, на которой мы сейчас находимся, не пора ли вспомнить, что в русской литературе, в русской действительности, кроме услышанного призыва: смирись, гордый человек, — есть и другой неслышанный: восстань, униженный человек!»

И через десятилетия ты, мой современник, отзовись на него и ответь: «Как соединить наше созерцание с нашим действием?»

Я лишь напомнила основные положения великолепных, захватывающих трудов Д.Мережковского и В.Соловьёва. Но как бы ни были противоположны взгляды этих двух умнейших мыслителей на личность М.Ю.Лермонтова, это ещё раз доказывает, насколько велик интерес к поэту, насколько глубоко его творчество, как сильно оно волнует нас. И наша с вами задача, уважаемые коллеги, донести всё это до ученика, постараться, чтобы его душа и сердце не остались бы равнодушными и к судьбе поэта, и к его произведениям, попытаться вместе с детьми ответить на вопрос, откуда же эти противоречия, так называемое «раздвоение личности» великого поэта. Сделаю и я такую попытку.

«Все мы родом из детства». Да, это начало всех начал, в нём истоки нашего Я, нашей личности. Вспомним сон Раскольников, его вопрос: «Папочка! За что они... бедную лошадку... убили!» Это предвестие той боли, которая разольётся в дальнейшем на страницах романа, это боль за незащитное существо, которая останется в сердце мальчика на всю жизнь. Итак, вот оно, ключевое слово — «боль».

Ужасная судьба отца и сына -

*Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названием гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?*

Эти строки написаны семнадцатилетним Лермонтовым. Они словно стон, вырывающийся из души юноши. Эта боль разлуки с любимым человеком не покидала его ни на минуту. Беспощадна судьба к поэту. Будто сама природа восстала против рода Лермонтовых. Восстала и извела.

С Елизаветы Алексеевны нелады и начались. Богата, родовита, замуж вышла за красавца, а супру-

жества не получилось: барин ударился во все тяжкие. Может, и не молчала Елизавета Алексеевна, но терпела, ещё же XVIII век только-только отошёл — седые, патриархальные времена, однако гнезвился, видно, какой-то тайный недуг в самом супруге, Михаиле Васильевиче. В новогодние торжества усадил он жену свою и малолетнюю дочку рядом с собою и такое сказал, что они, конечно, не поверили:

— Ну, любезная моя Лизанька, ты у меня будешь вдовушкой, а ты, Машенька, будешь сироткой.

И, не прерывая веселья, ушёл в соседнюю комнату и отравился зельем из пузырька.

Елизавета Алексеевна была из знаменитого рода Столыпиных, богатого, плодovitого, а у неё самой подрастала одна Машенька, вышедшая в 17 лет замуж за отставного капитана Лермонтова. И всё повторилось: и единственный ребёнок, и болезни, и муж-ходок, и безысходная тоска, породившая чахотку. В 22 года она умерла; сыну ещё трёх лет не было; бабушке было 44.

Ещё в 1815 году Е.А.Арсеньева дала Ю.П.Лермонтову письменное обязательство выплатить ему 25 тысяч рублей в течение года, если тот оставит сына у неё до его совершеннолетия. Юрию Петровичу ничего не оставалось, как согласиться, у него не было достаточных средств, чтобы воспитать сына так, как это могла богатая Арсеньева. А в 1817 году она выдала Ю.П.Лермонтову обязательство ещё на 25 тысяч рублей с тем же условием. Мальчику — всего лишь 3 года.

К чему этот экскурс в раннее детство поэта? По-разному можно воспринимать всё то, что уготовила нам судьба. Казалось бы, как в трёхлетнем возрасте можно осознать в полной мере горькую утрату матери, разлуку с отцом? Ребёнок, ещё такой маленький, ни в чём не нуждающийся, окружённый искренней любовью богатой бабушки... Но Лермонтов — особенный ребёнок. Его гениальность не оспаривает и В.Соловьёв.

И даже в таком раннем возрасте он ощутил всю боль потери, постигшей его, и она не покидала поэта. «Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал, её не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услышал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне покойная мать». Это слова самого Лермонтова. А его рисунок, на котором изображён ребёнок, тянущийся к матери? Лица её нет, только руки. Почему? А не есть ли это боязнь нарушить, потревожить, спугнуть тот образ, который остался в памяти поэта, который был так любим им? Это 1829 год. Лермонтову — всего лишь 15 лет.

*И строки, посвящённые матери:
По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

И я не понимаю, о какой гордыне может идти речь. Перед нами душа, способная так самозабвенно любить, душа, истосковавшаяся по материнской, отцовской любви, человек, так рано потерявший двух самых родных на свете людей.

*Ещё одна страница жизни великого поэта:
Под ним струя светлой лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

Мятежный... Какой смысл заключает в себе это слово? Давайте вновь обратимся к роману Ф.М.Достоевского, перенесёмся в детство его героя. «Пьяные, шалят, не наше дело, пойдём! — говорит отец. Он обхватывает отца руками, но грудь ему теснит, теснит. Он хочет перевести дыхание, вскрикнуть, и просыпается». Вот он, тот жизненный принцип, которым руководствуется большинство из нас: не моё это дело. И мы не вправе осуждать таких людей. Порой мы не в силах изменить что-либо. Что же тогда делать? Жить, просто честно жить, предаваясь своим радостям и печалям.

Но есть и другая жизненная позиция: чувствовать чужую боль, как собственную, есть умение страдать и осознавать и свою вину в том, что кому-то плохо, больно. Аким Шан-Гирей вспоминал, как мальчики играли на льду пруда в снежки, как на этом же льду «православный люд» устраивал кулачные бои — стенка на стенку; «как расплакался Мишель, когда Василий, садовник, выбрался

из свалки с губой, рассеченной до крови». «В детстве он напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда вели кого-нибудь наказывать, и бросался на отдавших приказание с палкою, с ножом, — что под руку попало», — читаем мы в очерке Д.Мережковского.

А 1826 год? Он также не прошёл бесследно для Лермонтова. Один из его биографов писал: «Восстание и казнь декабристов было сильнейшим впечатлением в жизни Лермонтова-подростка. Оно глубоко притаилось в его сознании и тем острее переживалось, что приходилось молчать, так как никто из окружающих не мог разъяснить ему его смутных и тревожных раздумий, никто не разделял идей, за которые погибли дворянские революционеры». «Он полностью принадлежит к нашему поколению, — писал Герцен о Лермонтове. — Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днём, мы увидели лишь казни и изгнания. Вынужденные молчать, сдерживая слёзы, мы научились, замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли — и какие мысли!.. Свыкшись с этими чувствами, Лермонтов не мог найти спасения в лиризме, как находил его Пушкин. Он влачил тяжёлый груз скептицизма через все свои мечты и наслаждения. Мужественная и печальная мысль всегда лежит на его челе, она сквозит во всех его стихах». Это была эпоха, когда «надо было уметь ненавидеть из любви, презирать из гуманности, надо было обладать безграничной гордостью, чтобы, с кандалами на руках и ногах, высоко держать голову».

«Из жалости я должен быть жесток», — произносит Гамлет, герой так горячо любимой поэтом трагедии Шекспира. Эти слова были очень понятны и близки пятнадцатилетнему Лермонтову, писавшему в 1829 году М.Шан-Гирей: «Если он [Шекспир] велик, то это в «Гамлете», если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспир, — то это в «Гамлете». Вот она, та сложность, многогранность, противоречивость образа литературного героя и реально жившего на этой земле человека.

И в заключение я хочу зачитать строки из очерка Мережковского: «Лермонтов первый в русской литературе поднял религиозный вопрос о зле...» А.И.Тургенев описывает, минута за минутой, предсмертные страдания Пушкина: «...ночью он кричал ужасно, почти упал на пол в конвульсии страдания. — Теперь (в полдень) я опять входил к нему; он страдает, повторяя: «Боже мой, Боже мой! что это?..» И сжимает кулаки в конвульсии»...

«Боже мой, Боже мой! что это?» — с этим вопросом, который явился у Пушкина в минуту смерти, Лермонтов прожил всю жизнь.

«Почему, зачем, откуда зло?» Если есть Бог, то как может быть зло? Если есть зло, то как может быть Бог?

Вопрос о зле связан с глубочайшим вопросом оправдания Бога человеком, состязания человека с Богом.

«О, если бы человек мог иметь состязание с Богом, как сын человеческий с ближним своим! Скажу Богу: не обвиняй меня; объяви мне, за что Ты со мною борешься?»

Богоборчество Иова повторяется с тем, что В.Соловьёв справедливо называет у Лермонтова «тяжбою с Богом»: «Лермонтов, — замечает В.Соловьёв, — говорит о Высшей воле с какою-то личною обидою».

Никто никогда не говорил о Боге с такою личною обидою, как Лермонтов:

*Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей?*

Никто никогда не обращался к Богу с таким спокойным вызовом:

*И пусть меня накажет Тот,
Кто изобрёл мои мученья.*

Никто никогда не благодарил Бога с такою горькою усмешкою:

*Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я ещё благодарил.*

В.Соловьёв осудил Лермонтова за богоборчество. Но кто знает, не скажет ли Бог судьям Лермонтова, как друзьям Иова: «...горит гнев Мой за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» — раб Мой Лермонтов...

Три «Молитвы» М.Ю. Лермонтова: духовные искания поэта

Реферат с элементами исследования

И в небесах я вижу Бога...
М.Ю.Лермонтов

Введение

Судьба, жизнь, сами поступки — всё было в этом человеке и художнике противоречиво, двойственно. Двойственность определяла и внешний его облик, и внутренний мир. Не случайно внешность поэта воспринималась разными людьми диаметрально противоположно: одни находили её необычной, особенно глаза, другие — отталкивающей.

Та же двойственность определила и развитие основных тем лермонтовской поэзии. Сам Лермонтов осознавал её не только как свойство его внутреннего мира, но и как свойство человеческой души (18, 275). Противоречия на протяжении всего творчества Лермонтова были неоднородны. Суть этой эволюции наиболее четко сформулировал Ю.Лотман: «Глубокая разорванность сменяется тяготением к цельности. Полюса не столько противопоставляются, сколько сопоставляются, между ними появляются средоточения. Основная тенденция — синтез противоположностей» (16, 21).

«Вражда и любовь, добро и зло, священное и порочное — боролись в сердце поэта и результатом этой борьбы были его порой противоречивые друг другу поступки, решения, развитие тех или иных поэтических тем», — отмечает Т.И.Радомская (18, 277).

Как «роковое столкновение» характеризует творчество Лермонтова М.М.Дунаев: «У Лермонтова поистине всё иль — «ад иль небо.» Ощущая в себе сильное действие зла и соблазна, он осмысляет и глубоко переживает идею добра, стремление человека к блаженству, святость чувств. Но ведь тут же, рядом, не даёт покоя иная мысль: что блаженством манит демон, отнимающий у человека возможность его» (6, 117).

Проблема взаимоотношения художественного мира М.Ю. Лермонтова и христианской религии интересовала многих литературных критиков и литературоведов. Противоположные точки зрения на его творчество встречаем и в итоговом сборнике русского дореволюционного лермонтоведения — «Венок Лермонтову». В статье «Религия Лермонтова» С. Шувалов категорично утверждает: «Взгляды поэта на божество далеки от христианского понимания» (3, 153). П. Сакулин в статье «Земля и небо в поэзии Лермонтова» пишет, что душа поэта «знает минуты высокого умиления» (3, 47). Чуть позже в статье И. Рогощенкова находим: «Верил ли Лермонтов в Бога по-православному? Ежели вера не только стояние в одном положении, а всю жизнь длящийся подвиг, то — да» (19, 137).

Противоречивость нашла свое отражение и в названиях многих стихотворений Лермонтова, которые поражают своей антитезой «Мой демон» — «Ангел», «Смерть» — «Чаша жизни», «Земля и небо». Интересно, что даже стихотворения с одинаковыми названиями можно противопоставить по содержанию. Именно к таким стихотворениям мы и обратимся в исследовательской работе. Нам известны три стихотворения поэта с названием «Молитва». Это стихотворения 1830 г. («Не обвиняй меня, Всесильный...»), 1837 г. («Я, Матерь Божия, ныне с молитвой...») и 1839 г. («В минуту жизни трудную...»).

Молитва есть словесное выражение живого богообщения. Она вмещает бесконечно многое: веру в отеческую любовь Всевышнего, убежденность в действенности молитвенного слова, познание себя, со своими немощами и грехами, стремление к покаянию, очищению, спасению. Каждый христианин вносит в молитву свою лепту: покаянную ноту, добрый помысел, оттенок чувства.

Что молитва значит для М.Ю.Лермонтова на разных этапах его жизни? Как духовные искания поэта отразились в его молитвенной лирике? Ответы на эти вопросы мы будем пытаться найти в ходе работы.

«Не обвиняй меня, Всесильный ...», 1830

Первое стихотворение, к которому мы обратимся — это «Молитва», написанная юным поэтом в 1830 году («Не обвиняй меня, Всесильный...»). В ней поэт просит Всесильного не обвинять и не

карать его за то, что он «в заблужденье бродит» «далеко» от Творца. По словам святителя Игнатия (Брянчанинова), «молитва, как беседа с Богом, сама собою высокое благо...» (22, 136). Но можно ли это произведение назвать беседой с Богом? Скорее это вызов, который юный Лермонтов бросает Творцу:

*И часто звуком грешных песен,
Я, Боже, не Тебе молюсь.*

Более того, он считает, что самое драгоценное — поэтическое вдохновение («чудный пламень») — связан с демонической силой, более того, для Лермонтова «чудный пламень» есть помеха обращения на «тесный путь спасенья» (18, 277). Поэтому к Богу поэт может обратиться только тогда, когда иссякнет его поэтическое творчество:

*От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь.*

Стихотворение написано в возрасте 15 лет, и в нем чувствуется «модная в то время в романтической литературе эстетизация демонического» (18, 278). По словам же М.М.Дунаева, поэзия Лермонтова «становится часто МОЛИТВОЮ бесовской силе» (6, 118.) Но душа поэта страстно ищет гармонии, единства, цельности. Часть его души стремится к Богу. Другая же, под влиянием мучивших поэта страстей и, прежде всего, гнездившейся в его сердце гордости, тянет его вниз, удаляет от Бога. А ведь именно гордость и является главным препятствием на пути к Богу, так как «гордость не принимает благодати, потому что наполнена собой» (свт. Филарет, митрополит Московский) (22, 218).

Именно гордость не дает юному поэту принять мир таким, каков он есть, а смириться и приблизиться к Всесильному — страшно. Лермонтов осознает, что душа его одержима греховными страстями («дикие волненья мрачат стекло очей»), что эти страсти мешают ему быть с Богом, преграждают ему путь на небо («в заблужденье бродит/ Мой ум далеко от Тебя») (5, 1). Жизнь по заветам Всевышнего — «тесный путь спасения» — в этой исполненной противоречий молитве предстает и как недостижимо высокий идеал, и как нечто страшное.

Лермонтов уже в этом стихотворении обнаруживает неистребимую противоречивость своей природы (и человеческой природы вообще). Одной стороной она навеки прикована к «мраку земли могильной», и «дикие волненья» этого мира безраздельно владеют сердцем поэта. Но в то же время она стремится к Богу, к постижению вечных ценностей. В этом духовном противоречии проходит весь жизненный путь поэта.

Духовные искания, душевные переживания поэта находят отражение и в лексике стихотворения: «мрак земли могильной», «дикие волненья», «звуки грешных песен» — с одной стороны, и «живых речей струя», «чудный пламень», «путь спасенья» — с другой. Уже в этом возрасте в его душе борются два начала: демоническое и божественное. «Молитва» 1830 года передает смятение, трагическое раздвоение духа между верой, зовущей обратиться с покаянной молитвой о снисхождении, и стремлениями горячей, гордой, несмирившейся души.

Почему же не получается у Лермонтова «беседы с Богом»? По словам святителя Григория Богослова, «надобно очистить сначала самих себя, а потом уже беседовать с Чистым» (22, 131). Кроме того, «тщетны и бесполезны молитва, моление и прошение, когда они совершаются не со страхом и трепетом», — наставляет нас авва Евагрий (22, 130). А именно этого страха и трепета при упоминании имени Творца нет у поэта. «Главные условия» христианской молитвы обозначены схиархимандритом Иоанном (Масловым): «ни на кого не гневаться и примириться со всеми», «молитве препятствует Грех, Злоба, Обида», наконец, «молитва без смирения невозможна» (17, 552).

«Я, Матерь Божия, ныне с молитвой...», 1837

Все указанные условия соблюдены в «Молитве», написанной в рубежном для поэта 1837 году. Перед нами — монолог, исполненный истинного христианского чувства. М. Дунаев видит в этом стихотворении «самоотречение любви» (6, 118).

По преданию, Лермонтов сочинил это произведение в камере, когда в феврале 1837 года сидел под арестом за распространение стихов на смерть Пушкина. Михаил Юрьевич велел камердинеру, приносившему еду, заворачивать хлеб в серую бумагу, — и на ней, с помощью вина, печной сажи и спички, записывал стихи (15, 366).

Главной темой стихотворения становится противостояние небесного «тепла» и земного «холода».

Тема эта в лермонтовской лирике — сквозная; она повторяется, варьируется на разные лады (15, 367). Т.И.Радомская отмечает, что в «Молитве» 1837 года, обращенной к Божией Матери, возникают образы, противоположные «Молитве» 1830 года. Это теплота (в отличие от пламени), покой (в отличие от воспеваемых страстей), свет (в отличие от «мрака земли могильной»). Лексика стихотворения здесь общая с традиционной лексикой молитв. Сопутники, незлобный, упование — слова, употребляемые в духовных жанрах русской литературы (18, 278 -279).

Обращение к Богородице как к «Теплой Заступнице» является традиционным в православном духовном жанре. Как справедливо отмечает В.А.Котельников в статье «О христианских мотивах у русских поэтов», в акафистах Богородице «Нечаянная Радости» и «Державная» говорится о «Теплой Заступнице и Помощнице роду христианскому», в акафисте Троеручице поется, что Она согревает «хладные сердца наша» (23).

Образ «девы невинной», за которую просит лирический герой, также близок «старинной» традиции, в которой чистота и невинность были украшением девушки и женщины, а зло не эстетизировалось, как в традиции романтической. О чем же просит поэт? О том, о чем может просить верующее сердце. Для «девы невинной» он хочет «молодости светлой, старости покойной и конца благого» (о нем молится каждый христианин). Поэтому в последней строфе возникает образ ангела, который в прощальный час примет отходящую в мир иной душу (18, 278).

«Молитва» проникнута интонацией просветленной грусти, связанной с особым преломлением в этом стихотворении религиозных мотивов: существование «незлобного сердца», родной души (вероятно, речь идет о В.А.Лопухиной) заставляет лирического героя вспомнить о другом, светлом «мире упования», в котором «Теплая Заступница» охраняет весь жизненный путь «достойной души» и ангелы осеняют её на пороге смерти.

Это стихотворение помогает нам увидеть переломный момент в мировоззрении Лермонтова. Уходит эгоцентризм, присущий романтикам. Эта молитва не о себе (лирический герой отвергает традиционные формы обращения к Богу с молитвой о себе, о чем свидетельствует ряд отрицаний в начале стихотворения). Мольба за нее освещает с новой стороны образ лирического героя: трагедия духовного одиночества (лирический герой ощущает себя «странником», душа его «пустынна») не разрушила его глубокого участия и заинтересованности в судьбе другого человека. «Мало о себе думать — признак смирения», — читаем в трудах Фомы Кемпийского, автора многочисленных книг о духовной жизни (22, 222). А именно смирение, по словам святителя Иоанна Златоуста, «открывает врата небесные» (22, 218). О том же читаем в трудах святителя Тихона Задонского: «Путь смирения низок, но к высокому отечеству — небу ведет» (22, 218).

Святитель Филарет, митрополит Московский пишет: «Вера, надежда и любовь — корни молитвы» (22, 141). И слова этой лермонтовской «Молитвы», произнесенные пред ликом Богородицы, проникнуты нежной христианской любовью к ближнему, верой в заступничество Матери Божией за род людской.

Стихотворение высоко оценили современники поэта: С.П.Шевырев, А.А.Григорьев и другие. В.Г.Белинский назвал «Молитву» Лермонтова «чудной» (23).

«В минуту жизни трудную...», 1839

Еще через два года, в 1839 г., Лермонтов опять, в третий раз, называет стихотворение «Молитвой» («В минуту жизни трудную...»).

По словам А.О.Смирновой (Россет) написана была эта «Молитва» для М.А.Щербатовой: «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи» (14, 283).

Интересен и еще один факт, касающийся истории, или, точнее, судьбы стихотворения — молитвы «В минуту жизни трудную...».

Как известно, между императором Николаем I, правившим в то время, и его супругой уже давно велся спор о литературном значении Лермонтова. Особенно он обострился после выхода в свет романа «Герой нашего времени». Оба они следили за творчеством Лермонтова, но каждый в силу своих интересов и взглядов.

Царицу чрезвычайно взволновала дуэль Лермонтова с Барантом. Из отдельных беглых строк и фраз, дошедших до нас, не видно на чьей стороне было сочувствие императрицы — семейства Барантов или Лермонтова. Но в эти же дни она заносит в маленькую записную книжку строки из стихотворения Лермонтова. Они служат как бы эпиграфом к страничке, начатой 12-21 марта (1840г.) и посвященной личным переживаниям Александры Федоровны.

Она вновь обращается к этому стихотворению летом 1840 года, когда лечится в Элесе. Строки Лермонтова подходят к ее настроению, подавленному из-за болезни, разлуки с семьей и недавней утраты — смерти отца, прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

*Одну молитву чудную
Твержу я наизусть,-*

записывает она 23 июля (4, 253).

Императрица видела залог спасения от «сатанинских» искушений автора «Демона» и «Героя нашего времени» в таких произведениях, как «Молитва».

Нельзя не отметить удивительный музыкальный ритм стихотворения, который передает умиротворенность человеческой души, соприкоснувшейся со «звуками небес». Не случайно «Молитва» вошла в сборник духовных песен «Слово жизни», составленный старцем наших дней о.Николаем (Гурьяновым) (18, 278). Более 40 композиторов положили эти стихи на музыку, в том числе А.С. Даргомыжский, Ф. Толстой, А.Г. Рубинштейн, М.И. Глинка, М.П. Мусоргский, Ф.Лист и другие.

Это стихотворение — рассказ о самом сокровенном, о той минуте, когда человек обращается к Богу, ища опору, которой не находит в себе, в жизни. В отличие от «Молитвы» 1837 года, лирический герой, открыто просивший за ближнего, отказывается высказывать в слове суть своей собственной просьбы. Мы не знаем, о чем он молится, но узнаем его состояние до, во время и после общения с Богом. Перед нами — описание самого процесса моления.

Начало стихотворения довольно мрачное: *трудная минута, грусть в сердце*. Ощущение печали, тяжести подчеркнуто выразительным глаголом теснится. В такие минуты человек чаще всего обращается к Богу. Интересно, что вторая строфа «как бы отличает кульминацию в лирической композиции стихотворения, знаменует переход от тьмы к свету» (8, 33). Эпитеты во второй строфе несут основную смысловую нагрузку стихотворения: *молитва чудная, сила благодатная, святая прелесть*.

Молитва воспринимается поэтом как «созвучье слов живых», которое «дышит» непонятной «святой прелестью», которое обладает «силой благодатной». Молитва, по учению святых отцов, и есть «дыхание жизни» (20, 106), «свет для души» (22, 129). Именно молитва, по мнению святителя Филарета, митрополита Московского, — «простертая рука для принятия благодати Божией». А ведь благодать — очень важное понятие для православного человека, поскольку «она нас озаряет, согревает и оживляет» (22, 52). Под действием благодати человек испытывает духовную радость:

*С души как бремя скатится
Сомненье далеко -
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

В этом и состоит «чудесность» молитвы, которая «как золотой ключ, открывает нам все сокровища милосердия и щедрот Божьих» (22, 138). Лермонтов ближе, чем когда-либо, подошел к истинам православия, отсюда легкость и покой, которые воспевает поэт.

«Подобные строки рождаются не холодным рассудком, а душевным жаром того, кто знает, что такое сладость молитвы,» — пишет М.М.Дунаев в книге «Вера в горниле сомнений». «Но как огонь требует дров, так и благодать — нашего усердия, чтобы она воспламенилась,» — читаем в трудах святителя Иоанна Златоуста (22,51). Оптинский же старец Варсонофий указал на недостаточность молитвенного опыта поэта: «К сожалению, молитва не спасла его, потому что он ждал только восторгов и не хотел понести труда молитвенного» (6, 119).

«Если первая строфа — это описание состояния души лирического героя, его обращения к молитве, а вторая — описание силы и прелести живых слов этой молитвы, то третья строфа рассказывает об ответе на молитву, о том, что приносит человеку «сила благодатная»: уходят тоска и томленье, их сменяют вера, надежда, слезы облегчения,» — отмечает Т.А.Злобина (8, 33). Именно поэтому вполне логично выглядят противопоставления в первой и третьей строфах: *трудно — легко, теснится грусть — бремя скатится*.

Интересно, что на протяжении всего стихотворения мы видим всего одно предложение, которое говорит о действии героя:

*Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

Все остальное, происходящее с ним (действие *слов живых, силы благодатной*) — вне его воли.

«Способность лирического героя к смирению выходит на первый план в «Молитве» 1839 года. Демоническое «сомнение» гордого человека, «бремя» преодолеваются не через романтическое боготорчество, а через молитвенное богосыновство. Гордыня переходит в смирение» (12, 4).

Мы видим силу воздействия слов молитвы: движение души от грусти и тоски — к надежде и вере. Тайной остается, о какой молитве идет речь, но «стихи о молитве становятся молитвой в стихах» (9, 8).

Заключение

Религиозные взгляды Лермонтова представляют немалый интерес, поскольку именно они могут дать основу для понимания мировоззрения и личности поэта. Всю свою жизнь Лермонтов был в поиске, поэтому его творчество является отражением духовных исканий поэта.

Лучший показатель духовного здоровья — молитва. По словам святого Иоанна Лествичника: «Она есть источник добродетелей и зеркало духовного возрастания» (22, 130). То есть только стяжавший в своем уме и сердце молитву может иметь уверенность приобрести постепенно и другие добродетели.

После Лермонтова, — как значится в описи его имущества, — осталось «четыре образа и серебряный вызолоченный нательный крестик с мощами святых». Существует рассказ о том, что Лермонтова, один из его товарищей застал однажды в церкви, где он молился на коленях (7, 20). Таким же тайным молитвенником, явным отрицателем, был он и в жизни, и в поэзии. Лермонтов слыл безбожником — и в общем-то, слывет им доныне. «Лермонтов не был никогда религиозным человеком», — утверждали многие литераторы.

Но все, кто обращался к его творчеству, ощущают, по словам П.А.Висковатова, «высокую духовную заданность, дар Божий — на земле помнить о небе и тосковать по нему».

По мнению В.Захарова, «Лермонтов нигде положительно не высказал, во что он верил, но зато во всей своей поэзии оставил глубокий след своей непреодолимой и для него совершенно ясной связи с вечностью» (9, 4).

«В глубине его стихов с первых лет и до последних, тихо струится, журча и поднимаясь порой и до неповторимо дивных звучаний,... светлая, задушевная, теплая вера...» — отмечает Даниил Андреев, поэт и философ нашего времени, автор философского труда «Роза мира» (23).

«Верующие видят в Лермонтове духовного поэта и выделяют в его многогранном творчестве такие религиозно-духовные вершины, как «По небу полуночи ангел летел...» и две «Молитвы» (1837 и 1839 годов), другие поэтические шедевры, свидетельствующие о высокой и светлой вере Лермонтова,» — пишет исследователь творчества поэта С.Н.Дурылин (7, 8).

Размышления и споры вокруг религиозно-философских взглядов Лермонтова будут ещё продолжаться, но ответ может быть только в творчестве великого русского поэта. С его произведениями знакомятся в разном возрасте, и каждый читатель или находит ответ для себя, или появляется повод поразмышлять над жизнью, над своим бытием и бытием мира.

Вчитайтесь внимательно в лермонтовские строки и, возможно, у вас, как и у него, наступит душевное спокойствие и умиротворение:

*Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, -
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога. (9, 19)*

Список использованных источников информации

1. Андреев-Кривич С.А. Всеведение поэта. — М.: Советская Россия, 1978.
2. Архангельский А.Н. Учебник литературы для общеобразовательных учреждений. 10 класс. — М.: Дрофа, 2008.
3. Венок Лермонтову: Юбилейный сборник. — М, 1914 // www.my-lermontov.ru
4. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. — М.: Художественная литература, 1986.
5. Горохов А. Духовная трагедия Михаила Юрьевича Лермонтова // www.my-lermontov.ru
6. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Русская литература и православие. — М., 1996.
7. Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова // Русская мысль. — 1914. — №10.
8. Злобина Т.А., Малиновский А.А. Читаем стихи: Учимся чувствовать, понимать, анализировать. — М.: Вербум-М, 2004.

9. Захаров В. Предвосхищение. Молитвенная память. — М.: Пересвет, 2004.
10. Кормилов С.И. Поэзия М.Ю. Лермонтова. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. — 2 изд. — М.: Издательство МГУ, 1998.
11. Коровин В.И. М.Ю. Лермонтов в жизни и творчестве. — М.: Русское слово, 2003.
12. Красильников Р.Л. Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. — Вологда: Легия, 2001.
13. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. Т. I. — М.: Правда, 1988.
14. Лермонтовская энциклопедия /Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), гл. ред. В.А. Мануйлов. — М.: Советская энциклопедия, 1981.
15. Лотман Ю.М. Учебник по русской литературе для средней школы. — М.: Языки русской культуры, 2001.
16. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. — Т.3. — Таллин, 1993.
17. (Маслов) Схиархимандрит Иоанн Симфония: По творениям святителя Тихона Задонского. — М., 1996.
18. Радомская Т.И. Обретение отечества: Русская словесность первой половины XIX в.— М: Совпадение, 2004.
19. Рогощенков И. «За все тебя благодарю...»: Религиозная психология М.Ю.Лермонтова //Север — 1998 — №1.
20. Священник Артемий Владимиров Учебник жизни. — Москва, 1997.
21. Сакулин П.Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // www.bibl_lit.
22. Цветник духовный. Мысли и изречения святых и великих людей — М.: Дарь, 2006.
23. <http://www.my-lermontov.ru>

Тема смерти в лирике М. Ю. Лермонтова

Реферат с элементами исследования

Введение

Михаил Юрьевич Лермонтов — известный русский поэт, чьи произведения, в которых отражены его философско-религиозные взгляды, представляют собой огромный интерес и помогают понять личность этого человека. У поэта своя философия, его поэтические переживания тесно связаны с размышлениями о вечности и любви, бессмертии и смысле человеческого существования. Главными мотивами произведений являются свобода и воля, время и вечность, смерть и бессмертие.

Огромную помощь в исследовании этого вопроса оказывает биография поэта. Мы знаем, что М.Ю. Лермонтов воспитывался бабушкой, Е.А. Арсеньевой, в традиционном православии. В 1830 году поэт отправился на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, что, несомненно, произвело на него огромное впечатление, но мы не знаем, как он относился к догматам православия, нормам поведения, предписываемыми церковью. В произведениях мы можем найти его толкования сложных философско-религиозных вопросов, которые помогают составить представление о его отношении к религии.

Тема смерти в лирике Лермонтова

«И я счет своих лет потерял, и крылья забвенья ловлю...»

Смерть как понятие и как явление интересует, наверное, каждого человека хотя бы потому, что ее никто не может избежать, и еще потому, что за этим пределом — неизвестное, тайное. А тайное всегда влечет, притягивает.

Лермонтов любил крайности, в его стихотворениях возникает постоянное напряжение, любимые слова поэта: страдание, страсть, мука... М. М. Дунаев пишет: «Мысль о смерти никого не обходит стороной. Память смертного часа, при духовном ее осмыслении, может стать ориентиром человеку на жизненном его пути — о чем многократно говорили Святые Отцы». (4, 26)

В юности человек строит планы, перед ним открывается жизнь со всеми радостями, надеждами, и хочется думать, что до смерти еще очень далеко. И не познан еще этот земной мир, и не изведаны, не исследованы его законы, но уже в юношеские годы жизнь Лермонтову стала ненавистна.

Лермонтов не боится смерти, он ждет ее часа, но не дорожит земной жизнью: слишком велика его ненависть к человеческому несовершенству, что, несомненно, отразилось в его творчестве:

*И я счет своих лет потерял,
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил свою! (5, 256-257)*

Ему еще не было 17 лет, когда он написал это стихотворение. Конечно, он мог заимствовать эти строки, но тон всего произведения — серьезный и искренний, исключая возможность простого повторения чужого мнения или шутки. Уже в юношеские годы жизнь Лермонтову стала ненавистна, он постоянно думает о смерти, эта мысль будто преследует его, что подтверждается другими стихотворениями первых лет творчества:

*Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, — пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот. (5, 163-164)*

В этом стихотворении смерть — это избавление от «бездушных удовольствий», путь к желанному одиночеству.

Но и достигнув такого одиночества, нельзя отрешиться от страданий. Мне кажется, что юный Лермонтов не пытался соотнести свои страдания со страданиями Христа, а ведь именно эти мысли часто помогают человеку понять, что муки — неотъемлемая часть человеческого совершенствования, потому что несовершенный не может приблизиться к своему Спасителю. Поняв и смирившись, человек обретает истинный покой и в этой, земной жизни. Я считаю, что в юности, размышляя о смерти, Лермонтов идет не ко Христу, а от Христа.

Поэт пишет стихотворение «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...»), в котором душа после смерти напрасно ищет забвения в муках ада, их заглушают муки неуничтожимых земных страданий, от которых нельзя укрыться в холодной бесконечности мироздания. И это доказывает, что смерть — это не избавление и не утешение.

В стихотворении «Закат горит огнистой полосой...» смерть переживается как уход от тревог жизни, присутствует уверенность в том, что душа полностью исчезает для «земли». Это произведение проникнуто настроением безысходности, тоски. Лирический герой стоит на пороге смерти, чувствует ее приход:

*Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом... (5, 150)*

Лермонтову не свойственно пушкинское гармоничное ощущение природного кругооборота, смены поколений, смягчающее трагизм смерти. Смерть переживается им как бессмысленное поглощение мирозданием человеческой индивидуальности. Поэту трудно примириться с тем, что вместе с ним в сырую землю будет зарыто его духовное «я».

*В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!.. (5, 150)*

И все же у поэта является желание вложить смысл в каждое мгновение жизни своего лирического героя, в душе поэта происходит борьба личности с «ничтожеством», то есть с бесследной уничтожимостью следов чувств, надежд, желаний. «...тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит» (из письма к С. А. Бахметьевой, 1832, VI, 411) (10, 290-312).

Когда я читала эти стихотворения поэта, я вспомнила слова о том, что, по замыслу Божию, человек — творец. Так как же он может быть ничтожным? Да и Лермонтову был дан от Бога огромный талант, который он должен был осознавать и благодарить своего Творца, но, к сожалению, все поиски юного поэта далеки от того пути, который ведет к Богу.

Конечно, у Лермонтова было много причин для такого мрачного мироощущения: ранняя смерть матери, одинокое детство, болезнь, разлад между отцом и бабушкой, несчастная любовь и, наконец, влияние философской поэзии Байрона.

Лермонтов стремится проникнуть в тайну, которая не раскрыта никем, вместе с тем он хочет познать себя, определить свое отношение к миру, к Вселенной. Мысль о неотвратимости судьбы, об ожидающем человека бессмысленном и жестоком конце волнует молодого поэта, заставляет его размышлять над вопросами свободы и воли самого человека.

Хотя для мрачного взгляда на земную жизнь у юного Лермонтова достаточно причин, «оно только, капля за каплей, прибавляли ядь въ тотъ кубокъ страданій, который поэтъ постоянно, отъ начала сознательной жизни, носилъ въ самомъ себе» (10, 163) — пишет С. Шувалов. Исследователи творчества Лермонтова отмечают, что смерть была не страшна ему, он предвещает ее появление, более того, торопит её. Это для его лирического героя желанное избавление от плена жизни, стремление в иные сферы бытия.

*Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, поддержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало. (6, 156)*

Многие люди, которые часто думают о смерти, поддаются под влияние губительного соблазна: им кажется, что за чертой — избавление от мук, страданий, страстей и что можно своей волей достигнуть этого избавления. Они отдаляют себя от Бога, лишаются его помощи и страдают еще сильнее.

Кажется, что Лермонтов просто играет со смертью и ему кажется, что условия игры определяются им, но это крайне опасное заблуждение: на самом деле эти условия часто определяет враг рода челове-

ского, и именно он нашептывает человеку лукавые мысли. Этим можно объяснить бесстрашие поэта, но сам оборвать нить жизни он не мог. «Лишить себя жизни — значило бы бросить, так сказать, перчатку божеству, пойти на полный разрыв с ним» (9, 160), этого Лермонтов делать не мог и не хотел.

Тема смерти — это одна из самых сильных романтических тем в европейской литературе. О романтизме Лермонтова очень хорошо пишет М. М. Дунаев: «Недаром же причисляем мы Лермонтова к сонму великих русских поэтов: он сумел подчинить себе образный строй поэзии, так что его творчество в своих высших проявлениях неизменно влечет к себе неповторимостью отображенного и преображенного мира.

Однако следует сказать еще раз и сознать твердо: форма, в которую художник облакает свое эстетическое постижение бытия, оказывается небезразличной к содержанию, она начинает влиять на него, и порою определяющим образом. Форма может стать агрессивной, подчинить себе художественное мышление поэта. Не без подспудного влияния богоборческого романтизма, которым так увлекался Лермонтов, пришел поэт к попытке отыскать источник мирового зла в Боге, бросить вызов Творцу, погрузившись в стихию безверия, то есть нежелания видеть в Создателе высшую правду и абсолютную справедливость как онтологическую основу мироздания.

Романтизм во многом подчинил себе мироощущение поэта и навязал ему те противоречия, какие усугубили внутренние терзания его. Православный человек может впасть в уныние: по слабости своей, от осознания своей греховности, своего бессилия, своей неспособности постичь смысл собственного бытия. Но мысль о Боге всегда останется в нем как последнее прибежище в тоске, в отчаянии, как утешение в скорбях. «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я упокою вас» (Мф. 11, 28). Усмотревши в Боге источник мирового зла, Кальвин, по сути, выбил из-под ног человека единственную несомненную опору, сделал человека абсолютно несчастным, обрек на безысходные страдания. И Лермонтов отразил это состояние сильнее кого бы то ни было в русской литературе, вряд ли сознавая религиозную основу своих терзаний. Чуждые идеи действовали неявно через романтический соблазн.

Лермонтовский романтизм в русской литературе — явление вершинное. Никто, включая Пушкина, не дал столь совершенных образов романтической поэзии. Романтизм Лермонтова заражает, несомненно, сильнее пушкинского. Но этот романтизм заразил сильнее и самого поэта. Признавая несовершенство ранних поэм, Пушкин точно указал и на их причину «...я не гожусь в герои романтического стихотворения». И это спасло его от многих проблем и противоречий — в отличие от Лермонтова.

В романтическом произведении, каковы бы ни были сюжет и персонажи, сам поэт, его внутреннее состояние, являются главным предметом отображения. Художественная ткань, образная система произведения лишь проявляют, персонализируют, символизируют страсти и терзания автора.

Натура Лермонтова слишком совпала с общим романтическим настроением времени, не просто в неудовлетворенности бытием выраженным, но в подпадении под власть бесовских соблазнов, идущих извне. Внутреннее терзание Лермонтова, его трагедия — не в противоборстве душевных страстей (это вторично), но в борьбе между духовной истиной, вкорененной Православием, и чужеродным искажением истины. Ошибочно было утверждать, что такую борьбу знал лишь Лермонтов — тогда не находили бы столь многие отклика в душе своей на его поэзию, — но он сумел с гениальной силой выявить то, что иные лишь смутно ощущали, что неясно брезжило во многих умах. В этом духовная ценность лермонтовского поэтического творчества» (4, 34-35).

Тема «живого мертвеца» в лирике М. Ю. Лермонтова

Для героя лирики Лермонтова смерть нередко предстает как событие, уже заранее пережитое. Отсюда появление темы «живого мертвеца»: герой чувствует себя мертвым среди живых или ожившим среди мертвых, что делает его равнодушным к факту собственной гибели. Так, в стихотворении «Челнок» («Воет ветр...») смертельно раненный пленник не страшится бури:

*Он смерть равнодушнее путников ждет,
Хотя его прежде она уведет... (5, 117-118)*

Герой уже пережил смерть в воображении и это переносит события его дальнейшей жизни в ирреальность, где душа обречена быть немой, но не безучастным созерцателем земной жизни:

*Так с смертью вечно: чем ближе она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
Потому что надежды здесь нет. (5, 117-118)*

И все же герой не может окончательно отделиться от земли, забыть о земных страстях, и это становится для него неизбежной мукой:

*Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки -
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал. (5, 68-69)*

Очень часто в поэзии Лермонтова смерть предстает не как финал земного пути, а как ощущение гибели или близкой кончины:

*Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет. (5, 19)*

Сама по себе смерть не страшит поэта; ужасно связанное с ней забвение и гибель любви:

«Что смерть? — лишь ты не изменишь душою!» (5, 228)

Смерть как сон в представлении М. Ю. Лермонтова

Часто смерть предстает в стихотворениях Лермонтова как сон. Он наполняет бестревожность могильного покоя сновиденьями минувшей жизни. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу» образ сна-смерти обретает новое наполнение: здесь душа после смерти не тонет в «вечности холодной» и не испытывает муки могильного ада. Переход от жизни к смерти передан в стихотворении не как резкая и непроходимая преграда. Смерть — это погружение в сон, в котором человек и природа внимают друг другу, но это сон трагический, поскольку такое понимание куплено ценой отказа от желаний земных наслаждений:

*Уж не жду от жизни ничего я
И не жаль мне прошлого ничуть... (6, 208-209)*

Смерть в этом стихотворении действительно сон, потому что лирическому герою все же не хочется навеки покидать земной мир:

*Я б хотел навеки так заснуть
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь... (6, 208-209)*

Особым образом переживает свою смерть герой стихотворения «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»). Он не только предсказывает собственную смерть, но провидит во сне, пророчески воссоздает картину своей гибели:

*Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей. (6, 197)*

Многие считают, что в стихотворениях Лермонтов предвидел свою судьбу, свою кончину:

*Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный -
Я кончу жизнь мою... (5, 228)*

В этих предчувствиях поэт видит две могилы: одна — среди гор Кавказа: неоплаканная, «кровавая», «могила без молитв и без креста, на диком берегу ревуших вод» («1831 июня 11 дня»). Другая могила видится ему среди русского пейзажа, «близ тропы глухой, в лесу пустынном среди поляны» («Завещание» — «Есть место...»); над ней не тяготеет проклятие людей:

*Могиле той не откажи
Ни в чем, следуя закону.
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи. (5, 63)*

В одном из своих посланий апостол Павел писал, что каждый человек должен думать о себе скромно, в меру дарованного ему от Бога. Он должен стремиться познать волю Божию и свое назначение в этой жизни в соответствии с этой волей. С раннего периода творчества Лермонтов познавал в большей степени себя самого, утверждал свои желания, и этот эгоизм уводил его от Творца, часто становился причиной пагубных заблуждений.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сказать, что на протяжении своего жизненного пути М. Ю. Лермонтов постоянно искал ответ на вопрос о сущности смерти, начиная с юношеских лет эти мысли не покидали его. М. М. Дунаев замечает: «...искусство коварно. Оно не только отражает, оно и заражает.

Внося противоречивые стремления в душу, искусство может обречь ее на долгую внутреннюю борьбу. Полярные противоречия, заложенные в лермонтовские создания, не могут не вызвать сильнейшего разряда... очищающего либо губительного. Эти противоречия суть отражение душевного состояния самого поэта.

Тяжелая внутренняя борьба стала содержанием всей недолгой жизни Лермонтова — это очевидно. Она усугубилась в последний период особенно.

«Смерть прекратила его деятельность в то время, когда в нем совершалась сильная внутренняя борьба с самим собою, из которой он, вероятно, вышел бы победителем и вынес бы простоту в обращении с людьми, твердые и прочные убеждения...».

Вероятнее всего, душа Лермонтова пребывала накануне духовного перерождения. А мы знаем, как опасно такое состояние: бесовские силы тогда становятся особенно активны. Сама дуэль с Мартыновым стала следствием, несомненным следствием такой активности, которой Лермонтов не смог противостоять. Без сомнения, то было духовное поражение самого поэта, а вовсе не результат происков неких реакционных сил, как заблуждаются иные почитатели Лермонтова. Он бросил вызов судьбе, в последний раз захотел утвердить: да будет воля моя» (4, 82-83).

Однако, несмотря на то, что М. Ю. Лермонтов прожил недолгую жизнь, он оставил большое творческое наследие.

«Конец Лермонтова и им самим, и нами называется гибелью,- писал, осмысляя итог лермонтовского пути Вл. Соловьев, — ...мы знаем, что как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга — развить тот задаток, великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх, — но этого мы от него не получили» (1, 290-291).

В борьбе с «ничтожеством» поэт старался победить, его личность, его произведения являют нам отражение этой борьбы: борьбы с человеческим несовершенством и борьбы с самим собой. К сожалению, в этой борьбе Лермонтов оказался побежденным.

Список использованных источников информации

1. В. С. Соловьев. Литературная критика. — М., 1990
2. Гласе А. Лермонтов и Е. А. Сушкова // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979
3. Дунаев М. М. Православие и русская литература: Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 5-ти частях. Ч. II — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997.
4. Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. — Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1989.
5. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957.
6. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуру В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. — М.: Сов. Энцикл., 1981.
7. Шувалов С. В. Религия Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. — М.; Пг., 1914.
8. Щемелева Л. М., Коровин В. И., Песков А. М., Турбин В. Н., Муравьев Д. П., Кедров К. А., Осьмакова Н. И., Березнева А. Н., Роднянская И. Б., Гальцева Р. А., Манн Ю. В., Пульхритудова Е. М., Старостин Б. А. Мотивы // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.» — М.: Сов. Энцикл., 1981
9. <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/>

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Пророк»

Мотивы трагического и одинокого противостояния миру

Реферат

Введение

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Пророк» бьётся беспокойная и тревожная мысль поэта. Всё оно пронизано вопросами, ждущими своего разрешения.

Стихотворение было написано в 1841 году, в последний год жизни М. Ю. Лермонтова, поэтому мы можем назвать его итоговым, исполненным особой значимости «Творческим импульсом к написанию этого стихотворения послужила беседа Лермонтова с В. Ф. Одоевским на духовно-религиозные темы. Перед отъездом Лермонтова на Кавказ Одоевский подарил поэту записную книжку, в которой записал несколько изречений из Евангелия. Вот одно из них: «Держитесь любви, ревнуйте же к дарам духовным да пророчествуете» (1Кор., 14;1)

По всей видимости, апостольское слово послужило толчком для создания стихотворения «Пророк», в котором Лермонтов показывает своё понимание судьбы пророка.» (2, 32)

Анализ произведения

Обратимся к значению слова «пророк». «Пророками мы называем тех святых Божиих, которые по внушению Святого Духа предсказывали будущее и преимущественно о Спасителе; они жили до пришествия Спасителя на Землю». (7,55)

В словаре В. И. Даля даётся следующее определение: «прорицать или пророковать, пророчить, пророчествовать; предсказывать, предвещать, предвозвещать, предрекать, провидеть и разоблачать будущность; предзнаменовать». (1, 360)

Получив дар всеведения, Лермонтовский пророк идет на проповедь, заповеданную ему свыше. И с первых же строк произведения возникает тема пропасти, которая разделяет пророка и людей.

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.*

Пророк Лермонтова увидел в людях их низкую, темную сторону. Он получил особый дар и должен был духовными очами видеть свет в душах окружающих, но замечал в людях лишь злобное, греховное.

Во второй строфе появляются мотивы разрыва с миром людей. В пророка бросают камни, его проповедь не принимается людьми. Дар высшего знания оборачивается полным разладом с окружающими. Его служение невозможно.

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня же ближние мои
Бросали бешено каменья.*

У лермонтовского пророка нет призвания, потому что этот дар должен сочетаться с любовью к ближним, умением замечать в них хорошие качества.

В третьей строфе стихотворения Лермонтов изображает пророка, оставшегося один на один с миром при роде творения Бога:

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей нищи.*

«Пустыня» — одно из излюбленных слов Лермонтова, наряду с такими словами как «огонь», «тоска», «пламя», «трепет», «могучий», «святой». Обратимся к нескольким текстам, в которых оно встречается:

*И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
(«Последнее новоселье», 1841)*

Этот стихотворение посвящено Наполеону, и «слово «пустыня» здесь означает остров Святой Елены, на котором умер изгнанный французский император, окружённый врагами и величественной природой». (9,33)

*В стихотворении «Благодарность» (1840) мы читаем:
За жар души, растроченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я благодарил.*

Пустыня — это бездушные, бесчувственные люди, это «месть врагов» и «клевета друзей».

В стихотворении «Памяти А. И. Одоевского»(1839) «пустыня» — это край изгнания, жестокий, безлюдный. Лермонтов пишет о сибирской каторге, на которой декабрист Одоевский провёл восемь лет жизни:

*В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нём тихий пламень чувства не угас...*

В стихотворении «Так две волны несутся дружно...» слово «пустыня» в ином значении:

*Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утёса каменная грудь...
(«Я верю: под одной звездою...1841»)*

Смелое словосочетание «в пустыне моря голубой» — не просто метафора, отождествляющая безлюдное море с пустыней. В этом стихотворении идёт речь о судьбе двух людей, и эта печальная судьба сопоставлена с волнами. Слово «пустыня» вызывает в нас мысль о светском окружении, которое отчуждает любящих друг от друга. Мы видим, что лермонтовская «пустыня» -это слово, стремящееся к максимальному расширению смысла. «Пустыня — где нет близкой души, где человек обречён на одиночество изгнания, где нет людей, нет жизни. Все эти частные контексты перекликаются, поясняют друг друга, образуют один общий, сложный смысл лермонтовского слова «пустыня». (9, 35)

В исследуемом нами стихотворении «Пророк» слово «пустыня» имеет оттенок «одиночество» Можно сказать также, что в этом слове есть дополнительный смысл — «пустынь»; слово, которое В. Даль в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» объяснял так: «Уединённая обитель, одинокое жильё, келья, лачуга отшельника, одинокого богомольца, уклонившегося от сует». (1, т.3, 542)

Пророк Лермонтова находится в общении с небесными светилами:

*Завет предвечного храня.
Мне тварь покорна там земная;
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.*

Как отмечает Ю. М. Лотман, звёздам Лермонтов приписывает «игру». «Игра же здесь то радостное, счастливое состояние бесконечной свободы и веселья, которое в поэзии Лермонтова приписывается детям и блаженным душам». (5,216)

В данной строфе «Пророк» перекликается со стихотворением «Выхожу один я на дорогу...»

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...*

«Кремнистый (каменистый, трудный) путь блестит в тумане времени под бледным светом луны... Поневоле возникают ассоциации с жизненным путём человека. Мысль стремится далее...: в удивительном умиротворении представляется нашему внутреннему взору величие звёздного пространства

с мерцающими одна-другой звёздами на огромном небосводе и в непонятной тишине; такой тишине, которая, кажется немислимой в мире, где всё по-земному живёт, движется и звучит». (8,192)

Лирический герой этого шедевра лермонтовской лирики ищет «свободы и покоя», наблюдая звёздное небо. Он видит таинственное голубое сияние, землю в потоке света. Небо воспринимается им как великая тайна, как чудо.

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?*

Лирический герой стихотворения ощущает себя частью неведомого мира, волнуется неясными предчувствиями в преддверии трудного, кремнистого пути.. Какой свободы он ищет? В чём он видит покой? Он испытывает терзания, потому что не может найти разгадку причины своего волнения и хочет заснуть, чтобы во сне ощущать гармонию мира. «Заснуть не значит умереть, а погрузиться в сон. Заснуть — ибо во сне ум спит, а сердце живёт...»

*Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь.

Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зелена,
Тёмный дуб склонялся и шумел.*

В этом стихотворении Лермонтов выразил острую жажду борьбы, скованную сознанием бесплодности одиноких усилий.

В стихотворении «Пророк» идея иная. Мы видим внутренний слом героя стихотворения, в нём нет стремления к действию, он во всём подчинён миру, от которого он бежит. Пророку Лермонтова внимают играющие звёзды, и только их радость и свечение он наблюдает в своей пустыне. Картина природы, изображение звёздного неба подчёркивают его неприятие земного. Глубок разлад героя стихотворения не только с окружающими, но и с самим собой. Лирический герой чувствует себя безмерно одиноким, неприкаянным, его стремления неясны.

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.*

В лермонтовском «Пророке» есть строки, которые напоминают читателю о Ветхом Завете. Лирического героя стихотворения забрасывают камнями — это казнь, распространённая у древних иудеев, он посыпает голову пеплом в знак печали — это древнеиудейская традиция. Но лермонтовского пророка отличает от библейских пророков принципиальная отчуждённость от человеческого общества. Трагический конфликт неразрешим, понимание невозможно. Стихотворение резко обрывается словами старцев:

*Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен,
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!*

Заключение

Стихотворение Лермонтова «Пророк» сопоставимо с одноимённым произведением А.С. Пушкина. Сравним эти произведения, что позволит определить отношение к традициям христианской культуры.

А.С. Пушкин в своём произведении стремится к глубокому постижению христианского вероучения. Мы читаем в его стихотворении:

*И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...*

Явление герою именно серафима не случайно. Существует основанное на Священном Писании святоотеческое учение о девяти ангельских чинах, в числе их серафимы, архангелы и ангелы. Херувимы олицетворяют совершенное знание, а серафимы — пламенеющую любовь. Появление серафима означает отклик божественной любви на духовные запросы лирического героя.

Перепутье означает предельную остроту внутреннего конфликта, когда человек без помощи свыше, оказавшись перед выбором, не может совершить его правильно. И в этот момент и посылается вестник Божественной любви — серафим. Далее изображается процесс перерождения человека. Открывается духовное зрение, вещий слух, происходит очищение языка. В Евангельских текстах также множество раз идёт речь о духовной слепоте и прозрении.

Стихотворение Пушкина, как считает Карушева М.Ю., «вобрало в себя пафос ветхозаветных пророческих книг и глубинные токи Евангельского учения, отразило в церковнославянской музыкальной стихии бездонные просторы духовного созецаания».

У Лермонтова пророк — гонимый людьми гений, отверженный, не понятый людьми. «Духовная «пустыня мрачная» из пушкинского стихотворения приобретает у М.Ю.Лермонтова черты некой романтической пустыни, неведомой земли, противопоставленной «шумному граду». Лермонтов раскрывает тему пророка как тему трагического непонимания людьми личности.» (10)

Список использованных источников информации

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.:Т.1 — 4. — М.: Русский язык, 1978.
2. Карушева-Елепова М.Ю. Духовно-религиозные мотивы лирики А.С. Пушкина и М.Ю.Лермонтова. — Архангельск, 2000.
3. Лермонтов М.Ю. в русской критике: Сб. статей / Сост., вступ.ст. и примеч. К.Н. Ломунова. — М.: Сов. Россия, 1985.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 томах. — М.: Правда, 1988.
5. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова . Пушкин. Лермонтов.Гоголь.-М.: Просвещение., 1988.
6. Рез З.Я. Лермонтов в школе. — Ленинград, 1959.
7. Слободской С. Закон Божий для семьи и школы. — Свято — Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
8. Троицкий В.Ю. Словесность в школе. Кн. для преподавателей русской филологии — М.: ВЛАДОС, 2000.
9. Эткинд Е. Разговор о стихах. — М.: Детская литература, 1970.
10. <http://www.allsoch.ru>

Образ романтического героя в творчестве М.Ю. Лермонтова

Реферат

Лермонтовский романтизм в русском литературном процессе 1830-х годов

В истории русской классической литературы Лермонтов стоит как бы особняком, вдали от поэтических школ, кружков и течений своего времени. Вся тогдашняя словесность, как отмечал Белинский в «пушкинском» цикле статей, исторически вышла, в сущности, из одной школы — русского романтизма, родилась во взаимных уроках, кружковых обсуждениях, журнальных и салонных спорах. «В конце 30-х годов XIX в. романтизм был уже на излете, поэтому приход в литературу романтика Лермонтова выглядел как явление незаконное и в чем-то запоздалое». (9)

Однако явление это оказалось настолько самобытным и мощным, что загадочный юноша совершил, казалось бы, невозможное: своей личной волей **продлил жизнь романтизма**, создавая одновременно и произведения огромной реалистической силы, возродил русский роман и драму, заставил уставших от романтических поэм читателей выучить наизусть «Демона» и «Мцыри». Сам уходящий, казалось бы, из русской жизни романтизм оправдан и гениально опозитизирован Лермонтовым, словно не было Алеко, Германна, того же Сальери, Сильвио, словно не нанёс молодой Пушкин столь точный и сильный удар по романтизму, его капитальным идеям и героям в «Евгении Онегине». Такова магия и сила лермонтовского гения. **Романтические герои** Лермонтова до сих пор обладают какой-то особой притягательной силой, их или любят, или не принимают, они вызывают раздумья и горячие споры.

Понятие о романтическом герое

Романтический герой...Сильный, гордый, одинокий... Душа, **разочарованная** в жизни, жаждущая совершенства, отчужденная по отношению не только к «неблагодарной толпе», но и ко всему мирозданию и самому Творцу. Откуда в первой трети XIX века на российских просторах появляются образы «разочарованных странников», или «лишних людей», и не только появляются, а становятся типичными «героями времени»?

В **русской православной традиции** понятия «странничество, странные люди — странники» — существовали издревле. Русские люди имели в своем земном странствии определенную цель — посещение святых мест. Стремление к личной встрече с Правдой Божией было отражением одного из основных свойств русского национального характера и уклада жизни. Замечательный русский философ XX века И.А.Ильин писал: «Русь именуется святою не потому, что в ней нет греха и порока или что в ней все люди святые. Нет. Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не исчезающая...жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней... А в этой жажде праведности человек прав и свят». (5; 129) Но в **европеизированной** светской культуре первой трети XIX века странники, подобные Онегину, Печорину, Чайльд-Гарольду, **бесцельно** бродят по свету от скуки и разочарования в себе и в окружающем мире. Часто скептицизм у них соседствует с демонизмом, т.е. с желанием разрушить существующие духовные и материальные ценности, вплоть до обращения мира в ничто. Эти странники **пришли к нам из европейской литературной традиции**.

Образ романтического героя в раннем творчестве Лермонтова

Моя душа, я помню, с детских лет//Чудесного искала.

«Исканием чудесного» объясняются все любимые образы юного поэта. Его герои — это люди иные, чем те, которых он встречал в жизни. Он искал их повсюду, но особенно охотно в иных странах, о которых можно было думать, что там живут полнее, чем у нас, или в иных эпохах, когда человек знал жизнь более непосредственную, менее стесненную условностями, или, наконец, в иных мирах, населенных иными, чем человек, существами.. Вот отысканная им тогда формула творческого процесса:

*«Одно воображение творит
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю».*

Один из ликов романтического героя — лик демона. «**Мой демон**» — первое стихотворение, посвященное этой теме — написано 15-летним юношей. В нем поэт развивает характерные для романтизма **темы** гордого человеческого **индивидуализма, отверженности**, сродни демонической. Излюбленный романтический пейзаж — бушующая стихия. Романтический герой — «уныл и мрачен», не верит, не любит, «все моленья отвергает», перед его неземной мрачной силой отступает и традиционная просветляющая, примиряющая «муза кротких вдохновений». «Когда успел пережить все эти нравственные ужасы благовоспитанный и прекрасно учившийся гимназист университетского благородного пансиона?» — отмечает Ключевский. (3; 169) — В этой печальной повести поэта о своем нравственном разорении, конечно, не всё действительный житейский опыт, а есть и доля поэтической **мечты**, есть даже немало **заимствованных** со стороны, **вычитанных** образов, **принятых за свою** собственную мечту. Образ демона навеян поэзией Пушкина, Гейне, и особенно «огромного Байрона», с которым он уже на шестнадцатом году был неразлучен. Образ выступает пока в неясных, довольно общих очертаниях. Здесь ощутима **модная** в то время в **романтической** литературе **эстетизация демонического**.

Дань кумирам эпохи романтизма

Кумирами эпохи романтизма были Наполеон и Байрон. Они не могли не привлекать Лермонтова-романтика. Лермонтов дважды сопоставлял свой жизненный жребий со жребием Байрона. В 1830 году он писал:

*«И Байрона достигнуть я б хотел.
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!».*

Лермонтов жаждет одного: чтоб его жизнь и поэзия пересказали, до последней черты сходства, жизнь и поэзию Байрона. Но уже в 1832 году восемнадцатилетний юноша напишет:

*«Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой».*

Это стихотворение — решительный отрыв себя от литературного жребия Байрона. Признанием «но только с русскою душой» Лермонтов устанавливает свою кровную связь с народом и осознает необходимость соподчинения дела поэта верховным задачам строительства культуры своего народа: «Кто толпе (= народу) мои расскажет думы?» Теперь он отвечает на этот вопрос: «думы расскажет» или он сам, или никто.

Юношеская романтическая формула творчества «творить новый мир» и «презирать бесчувственную землю» **начинает подвергаться критическому пересмотру**.

(Далее в работе идёт анализ стихотворений, в которых предпринимается попытка преодоления комплекса «разочарованного странника»: «Как в ночь звезды падучей пламень», «Пленный рыцарь», «Дума». «Чувство правды в сердце человека» требует отречения лирического героя от рыцарских доспехов романтизма.)

Романтические герои последних лет творчества

Попыткой отречения от этого зла станет и роман «**Герой нашего времени**». В церковном таинстве **исповеди** человек говорит о своих грехах или может написать о них. И в том, и в другом случае он называет их, облакая в словесную плоть, в **слово**. Это нужно для **отречения от зла** и преодоления его. В романе «Герой нашего времени» создан «портрет, составленный из **пороков** всего» лермонтовского поколения. Автор, как отмечает исследователь Т.И.Радомская (8; 356), «стремится **освободиться от зла** и пишет о нем целый роман. Через слово он желал победить свои грехи и грехи целого поколения — этот «печоринский» греховный комплекс», который сросся с душой художника и его современников.

Печорин — разочарованный странник, бредущий по России и не находящий себе места. Это тип «лишнего человека», возвращенного эгоистической человеческой природой, приукрашенной модной романтической традицией. **Применима ли к этому герою формула романтизма** — «исключительный характер в исключительных обстоятельствах»? Лермонтов, действительно, на протяжении всего повествования создает **исключительные обстоятельства**, в которых действует непонятный, «**необыкновенный**», хотя бы для Максима Максимовича, разочарованный в жизни (в 25 лет) Печо-

рин. Понятен ли Печорин автору? Да. Такой тип не представляет для него загадки. «Разочарование, как все моды...» — так квалифицирует автор душевное состояние своего героя. «Печорин мыслит и действует как **романтический герой**, но взгляд автора на него реалистичен» (8; 329). Автор не раз подмечает в портрете и манерах Печорина нечто «принужденное». Романтические «доспехи» Печорина мешают ему, как и пленному рыцарю, быть самим собой. По своему произволу вторгаясь в мир других людей, он действует по **неизменной** схеме: «Сначала — заинтересованность, стремление во что бы то ни стало к обладанию чьей-либо душой, потом — потребление, насыщение, пресыщение — и «бросание на дороге» (8; 333). При этом **отдает ли герой себе отчет в том, что он творит зло?** Да. Совершая или уже совершив злой поступок, Печорин анализирует его. «Сколько раз я уже играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаленья...» **Грех** облечен в словесную плоть. Последует ли за этим **отречение** от него? **Состоится ли преодоление зла? Нет.** Герой вновь и вновь идет по замкнутому кругу. Печоринская неизменность означает **укорененность во зле** и нежелание и неспособность меняться.

Виновником зла, творимого Печориным, по его мнению, является не он сам, а судьба. «Какую цель имела на это судьба? Уж не назначен ли я ею...» — продолжает размышлять Печорин. Есть такое духовное правило: кто хочет исправиться, ищет пути, кто хочет оправдаться — ищет причин. Именно на поиск причин направлен самоанализ героя.

У кого в плену герой времени? По его представлению, он пленник **судьбы**. Так ли это? Примечательно, что «судьба» для Печорина синоним «**предопределения**», «**рока**», «**фатума**». В «Княжне Мери», в «Фаталисте» он употребляет слово «судьба» именно в таком понимании. Во времена Печорина разница между этими словами в сознании людей действительно стерлась. (Об это можно судить хотя бы по словарю В.И.Даля). Между тем исконное церковнославянское значение слова «судьба» — «суды Божии». Это слово абсолютно **противоположно** по значению слову «**фатум**». В **христианской традиции** законы Божии ни в коей мере не упраздняют **ответственности человека** за свои деяния. Наоборот, человек от рождения наделен Творцом свободой воли и **правом выбора** между добром и злом при совершении поступков. **Не веря** в фатализм, Печорин выбирает эту философию как **удобное прикрытие**, обслуживающее его поступки и снимающее ответственность с него самого.

Почему понимание категории «судьба» с заложенным в это слово значением **свободы** человека и вытекающей отсюда его ответственности к XIX веку переосмыслено по-иному? Люди говорят так, как мыслят, а мысли отражают духовную жизнь. В этой духовной жизни они потеряли нравственную свободу. Печорин, мыслящий себя свободным, оказывается **рабом** своей **гордости** и стремления к **власти**. «Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?» — говорит себе Печорин в минуты самооправдания. Таков он во всех своих поступках.

Его **неизменность** автор подчеркивает не только через детали портрета (неменяющийся холодный взгляд), через поступки, но и через особое построение сюжета. Рассказ о Печорине начинается с конца событий его жизни, а конец романа повествует о том, что предшествовало истории с Бэлой. Складывается впечатление, что герой движется по замкнутому кругу собственной жизни, действуя по одному и тому же стереотипу, не извлекая никаких нравственных уроков для себя. Это состояние — **движение по замкнутому кругу**, как мы уже говорили, является характерным для «героя времени».

Сумело ли художественное слово о зле, т.е. роман «Герой нашего времени», **преодолеть само это зло?** По крайней мере, помогло ли оно самому автору преодолеть в себе «печоринский» греховный комплекс? Есть в сцене дуэли Печорина с Грушницким некоторые моменты странной близости с трагической дуэлью, которая достаточно скоро произошла между Лермонтовым и Мартыновым. Их взаимоотношения очень напоминают описанные в эпизодах романа, кроме последнего эпизода. Печорин ждет от Грушницкого, что тот выстрелит в воздух. Кроме того, выторговывает у своей соведи оправдание убийства («Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала»). Архимандрит Константин (Зайцев) в своей работе о Лермонтове приводит воспоминания современников о дуэли самого поэта. «На месте дуэли (так говорят) Лермонтов сказал: «Мартынов, я обидел тебя, жизнь дорога для меня, стреляй ты или нет, я сыпая порош с полки». Далее архимандрит Константин подводит некий духовный итог трагической дуэли Лермонтова: «Так говорящий под дулом пистолета — не совершает уже убийства. Нет тут и явного самоубийства — смягчен и этот момент. В таком смиренном и беззлобном отказе от выстрела по своему случайному и раздраженному противнику можно распознать вольное самоотдание в руки Бога Живого — разящего, но милостивого!» (10; 719 — 720) Какой разительный контраст между финалами двух дуэлей — Печорина и

Лермонтова! Печорин вел себя до конца так, как и положено **романтическому герою**. Лермонтов в свой последний час — абсолютно по-другому. Может быть, это и есть ответ на поставленный нами вопрос о художественном слове о зле, о возможности преодоления зла с его помощью, хотя бы относительно самого автора этого слова.

Образ романтического героя в поэме «Демон»

«Трудно найти писателя XIX века, которого бы так сильно занимала тема демона, как Лермонтова: незаконченный роман «Вадим», поэмы «Азраил» и «Ангел смерти», драмы «Маскарад» и «Два брата», роман «Герой нашего времени», «Сказка для детей», баллада «Тамара». **Романтическая поэма «Демон» (1829-1839)** — одна из вершин поэзии Лермонтова и воплощает на «высочайшем уровне творчества и мысли» (В.Сахаров) (10) вечную тему борьбы света и тьмы за слабую, грешную душу человека.

Лермонтов рассказал свой вариант христианской легенды о падшем ангеле, сеявшем в мире только зло. Но это и лирическая исповедь, выразившая, по признанию самого автора, тоску и душевную муку, томившую его ум долгие годы. Поэт так и не смог до конца отделить от себя ни Печорина, ни Демона, хотя, безусловно, автор и его герои не одно и то же, и творческий суд над ними присутствует в его зрелых произведениях. В поэме мрачному Демону противостоят Бог и светлые ангелы, темному страшному аду — вечный ровный свет и лазурь рая.

Русский философ И.А.Ильин отмечал, что XIX век создал в литературе особый культ демоники: «Изображают его как «умницу», как «светоносного просветителя», как «забавника», как «волокиту», как «добряка», как «революционера», как **существо, требующее сочувствия и сострадания**...И не замечают, что всё это становится проповедью человеческого самообожествления и оправданием, т.е. разнузданием человеческой порочности...». (4) В какой мере это замечание относится к лермонтовскому Демону? **Да**, злой дух в поэме Лермонтова — это не отвратительный Сатана, это существо крылатое и **прекрасное** (хотя красота его мрачна и опасна), низвергнутое Богом с небес за **грех мятежа и неповиновения**. Он лишен не только смерти, но и дара забвения — таково наказание за преступление. Тоска по потерянному раю, одиночество изгоя, жажда мести, презрение к ничтожным суетным людям — вот что им движет в непрерывной **борьбе с Божественной идеей добра** и всем Божьим миром и в каком-то усталом, равнодушном **делании зла** этому миру и людям. Демон Лермонтова презирает и ненавидит несовершенный мир земли людей.

Но сила земной краткосрочной жизни и мимолетной красоты, воплотившаяся в летящем счастливым танце юной невесты-грузинки, вдруг трогает эту заблудшую, зачерствевшую в вечном грехе и зле душу, порождает в ней «неизъяснимое волнение»:

*«Я позавидовал неволью
Неполной радости земной».*

Демон с надеждой и грустью вспоминает об утраченной святыне, о прежнем счастье в высшем мире ангелов. Он своей неземной властью разрушает простое земное счастье Тамары, приводит к гибели ее благородного и храброго жениха и вторгается в жизнь смертной девушки с великим соблазном неземной, красивой и вечной любви. Он всё обещает сложить к её ногам за то, чтобы

*«Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом».*

Может ли не тронуть юную душу эта мольба о спасении? Злой дух хочет возродиться, избавиться от вечного проклятия и спастись любой ценой, пусть ценой гибели юной безгрешной души монахини. **Да**, он сумел вызвать у Тамары **сочувствие и сострадание**. А у читателя?

*«Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой».*

Это читатель узнает ещё до того, как Тамара впервые встретится с Демоном.

Весь свой неотразимый дар любовных речей, чарующих и лукавых, применяет искуситель, чтоб завладеть юной и чистой душой девушки. Тамара своей любовью хочет спасти падшего ангела и вернуть его небесам. Демон и зло торжествуют, но за страдания и искреннюю любовь, чистоту души,

за попытку, пусть полную суетного женского самомнения и ослепления, спасти великого грешника, все грехи ей отпускаются. Светлый ангел отвергает все грозные притязания Демона на трепещущую душу юной монахини. Её берут в Свет. Сожалеет ли Демон о гибели девушки? Нет. Душе Тамары открывается его истинное лицо.

*«Но, Боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца,
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.»*

Битва за душу человеческую здесь им проиграна. Демон посрамлён. Заметим, что Лермонтов работал над поэмой более 10 лет и в ранних вариантах её (всего их насчитывается, по крайней мере, восемь) финал был другим. Тамара умирает, душа её улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высоты неба, упрекает его язвительной улыбкой. (ПСС, М., 2000, т.4, с.271). Таким видел финал 15-летний юноша. Однако в поздних вариантах развенчание демона, помощь Ангела-хранителя, через которого спасает Тамару именно Бог-Любовь — «художественно убедительное воплощение такого «спасения» могло быть подсказано только Библией». («О незамеченном библейском источнике поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон» С.А.Васильев.) **Побежденный** искушитель остается опять один, без любви и веры, в своей скучной холодной вечности и мрачном пространстве мирового зла. Возможно ли сочувствие и сострадание к этому **романтическому герою**?.. Ведь мы знаем, что «не родившись злым по природе, но быв добрым, и произойдя для благой цели, — как повествует прп. Иоанн Дамаскин, — и совершенно не получив в себя самого со стороны Творца и следа порочности», (7; 86 — 87) не перенес **света и чести**, которую ему даровал Творец, возгордился и воспротивился Богу. Эта история стоит как бы за скобками поэмы Лермонтова. Не сочувствие, но сожаление вызывает существо, которое не может забыть «лучших дней воспоминанья», «когда он верил и любил», но лишился всего этого «по самовластному желанию». (7; 86 — 87) «Ибо зло не есть что-либо другое, кроме **лишения блага**». (7; 86 — 87)

От романтического максимализма раннего творчества Лермонтова происходит эволюция в сторону нравственного контроля над героями-индивидуалистами, изображение героев и действительности становится объективной.

Поэзия Лермонтова, освобождаясь от разочарования, навеянного жизнью светского общества, на последней ступени своего развития близко подошла к тому национально-религиозному настроению, которое Ключевский охарактеризовал как **грусть**, и становилась художественным выражением того стиха молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: **да будет воля Твоя**. Никакой христианский народ своим бытом, всею своею историей не прочувствовал этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов» (Ключевский) (6; 29 — 33) Судьбы романтических героев позднего Лермонтова складываются не по произволу автора, а в соответствии с Правдой Божией (Да будет воля твоя). И не творит Лермонтов «иной» мир, не соперничает с Творцом. Поэт обращается к постижению Его мира.

Список использованных источников информации

1. Архимандрит Константин (Зайцев). Лермонтов//Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории/ Сост. С.Фомин. М.
2. Васильев С.А. О незамеченном библейском источнике поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон» <http://www.portal-slovo.ru/philology/37179>
3. Дурылин С.Н. На путях к реализму//Жизнь и творчество М.Ю.Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник 1.-М.: ОГИЗ;1941.
4. Иеромонах Иов (Гумеров). Как в свете христианского учения можно оценить «Демона» Ю.Лермонтова// Православие.ru/Интернет-журнал,17окт.2006.С.4М.
5. Ильин И.А. «Святая Русь». «Богомолье» Шмелёва.//Ильин. Одинокий художник. М., 1993. С.129
6. Ключевский В.О.Грусть. <http://www.lermontov.org.ru/lib/ar/author/12> С.5
7. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. М.2003. С.86-87
8. Радомская Т.И. Обретение Отечества: Русская словесность первой половины XIX века. М., 2004 г.
9. Сахаров В.И. Лермонтов: Боренье с демоном. <http://www.litera.ru/stixiya/articles/822/html>. С.2
10. Сахаров В.И. Падший демон.<http://www.russianeurope.ru/lerm18.html/C.1>

Истоки христианских мотивов в лирике М.Ю. Лермонтова

Детство поэта прошло в имении Арсеньевой «Тарханы» Пензенской губернии. В усадьбе бабушки Е.А. Арсеньевой царило настоящее русское благочестие. Всегда горящая лампада, библия на столе, паломнические поездки в Лавру.

Лермонтов помнил поездки с бабушкой в Нижеломовский монастырь за 70 км от Тархан к чудотворной иконе. Оттуда он вынес впечатления на всю жизнь и описал их в повести «Вадим».

Через три года после безвременной кончины Марии Михайловны Лермонтовой в Тарханах была освящена церковь во имя Святой Преподобной Марии Египетской, построенной Арсеньевой на месте бывшего барского дома.

Любимой книгой Лермонтова было «Откровение Иоанна Богослова», книга давала ему надежду в неутрахающей борьбе ангела и демона, которая всю жизнь раздирала его душу. Поэт считал, что так на него действует безбожный век, а бабушка предполагала, что темные силы не дают покоя ее внуку из-за проклятого рокового наследства Томаса Лермонта.

К вопросам морали и отношения к православию Елизавета Алексеевна была строга и требовательна. В ее доме соблюдались все посты, религиозные праздники. С детства Лермонтов был восприимчивым, т.е. крестным отцом многих крестьянских ребятишек, о чем свидетельствуют документы государственного архива Пензенской области. Во время учебы в Москве с 1828 по 1832 годы, в дни Великого поста, поэт бывал с бабушкой на исповеди в церкви Ржевской иконы Божией Матери.

Известны поэтические шедевры Лермонтова, созданные в святых местах. За лето 1830 года М.Ю. Лермонтов создал более десяти прекрасных стихотворений. Написал он их во время путешествия из Москвы в Троице-Сергиеву лавру: «Нищий», «Оставленная пустынь предо мною...», «Благодарю», «Чума в Саратове», «Итак, прощай...».

Михаил Юрьевич побывал в Воскресенске (ныне г. Истра) в старом монастыре, основанном патриархом Русской Церкви Никоном в 1656 году. Под впечатлением от посещения монастыря юный поэт написал стихотворение «Оставленная пустынь предо мною». На рукописи отметил, что стихи написаны были «на стенах жилища Никона 1830 года».

В Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где учился поэт в 1832-1834 годах, преподавали Закон Божий, строго соблюдались все религиозные посты, благодарственные молебны, праздники, церковные парады, участником которых был и М.Ю.Лермонтов.

Все эти биографические данные говорят о духовной стороне жизни Лермонтова, поиске спасительного пути к Богу.

Очень рано поэт ощутил в себе силу гения, задаток сверхчеловека и то злое начало, с которым он должен бороться. С 14 лет Лермонтов писал Демона, наказанного Богом за бунт. Наказание его страшное, своим проклятием Бог опустошил его душу, превратил Демона в орудие зла, и в этом заключается трагедия героя Лермонтова.

М.Ю. Лермонтов, как утверждает В.С. Соловьев, идеализировал и эстетизировал злое начало в своей гениальной натуре: в нем жили «демон кровожадности (способность услаждаться деянием зла)», «демон нечистоты (эротизм некоторых произведений)» и третий, самый могучий — «демон гордости», с которым Лермонтов в отличие от первых двух и не пытался бороться.

С этим мнением не соглашался Д.С. Мережковский. Он выступил с резкой критикой статьи В.С. Соловьева «Лермонтов». Его тоже волновал образ «богочеловека», объединявшего в себе образ божества и человека. Проводя критический разбор статьи о Лермонтове, Мережковский рассматривал поэта в постоянном противопоставлении Пушкину: «Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии». Источник бунта Лермонтова, считает Мережковский, «религиозно утверждающая себя непримиримость», родственная богоборчеству библейских Иакова и Иова».

Отношения Лермонтова с высшим светом не складывались, его приглашали на светские приемы, ждали от него произведений, их прославляющих, а получили «Думу». Лермонтов знал грех своего времени — это грех равнодушия. Это была современная болезнь, которую он называл болезнью своего времени. Именно этой же болезнью страдали иудеи времен Исаия, одного из величайших пророков Ветхого Завета.

Стихотворение «Пророк» было написано Михаилом Юрьевичем незадолго до трагической гибели на дуэли с Н.С. Мартыновым. Для того чтобы написать такое произведение, необходимо было знать, для чего и для какой цели живет на земле Пророк. Кому он должен быть послушен и как обличать живущих людей в нашем греховном мире, особенно сильных мира сего, живущих не по правде Божией. Он также должен знать и простых людей, их желания и помыслы, их неутолимую жажду видеть

всюду правду Божию, милость, сострадание, любовь к ближним.

15 (27) июля 1841 г. на дуэли с Н.С. Мартыновым оборвалась жизнь М.Ю.Лермонтова. Пятигорский священник В. Эрастов, приравняв дуэль к самоубийству, отказался отпевать поэта, поэтому в метрической выписке о смерти Лермонтова записано: «Погребение пето не было».

Проходят годы, время не властно над поэтом, чем больше проходит перед нами поколений, которые примеряют к себе его бессмертную «Думу», тем больше восхищаемся мы высокодуховными творениями Лермонтова: «И скучно, и грустно», «Выхожу один я на дорогу», «Завещание», «Молитва странника». Такие стихи мог написать, несомненно, религиозный человек, который знал, что «спит земля в сиянье голубом...».

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» в синтаксическом и интонационном отношении представляет собой многочленное сложноподчиненное предложение в форме периода.

В первой строфе природа представлена как объективная данность, она лишь созерцается лирическим героем. Созерцание продолжается и в последующих двух строфах, при этом «задействованными» оказываются по существу органы чувств: зрение, слух, осязание, обоняние.

Одушевление и очеловечение природы зарождается уже в первой строфе: и прячется в саду малиновая слива... способность прятаться — свойство одушевленных существ.

Во второй строфе *ландыш серебристый* уже очеловечен; он приветливо кивает головой; указан и адресат обращения: мне. Но все это проявляется пока лишь на уровне поведения: ландыш еще молчит, он всего лишь мим, мимист. И только студены́й ключ очеловечен полностью.

Интонационно-синтаксической градации в стихотворении-периоде Лермонтова соответствует градация содержательная.

Четвертая строфа (интонационное понижение) содержит «ответную реакцию» лирического героя на обращение к нему природы: *Тогда смиряется души моей тревога. Тогда расходятся морщины на челе. И счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу Бога...* Четыре предмета, четыре места: тревога — в душе, морщины — на челе, счастье — на земле, Бог — в небесах. Но всё это через преодоление исходного состояния — душевного, социального и даже физического как симптомов состояния душевного, прямо не названного, но отчетливо предлагаемого: *Тогда смиряется души моей тревога* (следовательно, тревога души есть или была), *тогда расходятся морщины на челе* (следовательно, морщины на челе были, и есть), через прозрение: *и счастье я могу постигнуть на земле* (следовательно, раньше это не удавалось) — все это сливается воедино — в просветлении героя.

Особого внимания требует последняя строчка стихотворения. Ее можно прочесть (и понять) двояко: с выделением логическим ударением слова *вижу* или с выделением слова *Бога*. Первое чтение предполагает знание того, что Бог «живет» в небесах (и это соответствует обычному представлению), и он виден (духовно, конечно) не всегда, и герой его видит в моменты просветления. Второе чтение исходит из того, что в небесах бытует многое, а для Лермонтова там прежде всего — печальный демон, дух изгнания, но вот его герой, опять-таки в минуты просветленья, в небесах видит Бога.

Природа, общение с ней дает поэту и его лирическому герою умиротворение и постижение счастья на земле. В выражении этой мысли участвуют все языковые средства, в их числе — композиция, синтаксис и интонация. Особое, центральное положение в этой совокупности языковых выразительных средств принадлежит лексике: она создает смысловую, понятийную основу художественных образов.

В связи с «природной» частью стихотворения поэту сделали прямые упреки в «смешении сезонов»: желтеющая нива — начало осени, ландыш серебристый — весна. Упрек этот не основателен и сделан с позиций «поэзии земледельческого труда», а стихотворение Лермонтова относится к другой сфере жизни человека.

Список использованной литературы

1. Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х томах. — М., Художественная литература, 1983 — 1984.
2. Словарь литературоведческих терминов/ Тимофеев Л.И., Тураев С.В. — М., 1974.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1976.
4. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. — Л., 1969.
5. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981.
6. Гаспаров М.Л. Семантическая композиция стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...». Сб. статей памяти акад. Н.М. Конрада. — М., 1974.
7. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. — М.: Высшая школа, 1990.

«Храм души» в лирике М.Ю. Лермонтова

Исследовательская работа

Введение

Каждый читатель находит в поэзии М.Ю. Лермонтова близкое себе, видит его то сдержанным и страстно откровенным, то бунтующим и усталым, то доверчивым и презрительным. Нас поражают мятежная энергия и жажда тишины, сливающиеся в поэте.

С юных лет он готов был принять жизнь со взлётами трагедии, со страданием. Однако ему удалось запечатлеть в «храме души» лирического героя и редкие минуты благоговения, счастья.

М.Ю. Лермонтов рано осознал себя «избранником», человеком загадочной, «странной», высокой, трагической судьбы. Бесстрашный самоанализ, напряжённое самопознание, погружение во внутренний мир стали для него мучением.

В лирике М.Ю. Лермонтова с необычайной яркостью обнаруживается двойственность сознания героя — тяготение к идеальному миру, к совершенной красоте, тоска по земному счастью, человеческому участию и разочарование в морали «света», в любви, в дружбе, отрицание ценностей земного бытия, сознание безнадежности своей мечты. В центре лирических произведений оказывается непрерывный процесс внутреннего размышления.

«Храм души» в лирике М.Ю. Лермонтова — так мы сформулировали тему нашего исследования. В этом названии, нам кажется, удалось подчеркнуть, насколько непроста, непрочна конструкция «храма души» героя.

«Храм души» в лирике М.Ю. Лермонтова

1. Облик М.Ю. Лермонтова представленный в мемуарной литературе, в портретах поэта

Русский религиозный философ, поэт, публицист **В.С. Соловьёв** (1853 — 1900) пишет: *«Религиозное чувство, часто засыпавшее в Лермонтове, никогда в нём не умирало, и когда пробуждалось — боролось с его демонизмом»*. (17,81)

А писатель **Д.С. Мережковский** (1866 — 1941) утверждает: *«Роковое в судьбе поэта — это не победа зла над добром, а постоянное раздвоение личности.»*

Различно и мнение его современников о внешнем облике М.Ю. Лермонтова. В воспоминаниях художника **М.Е. Меликова** запечатлён незабываемый портрет Лермонтова-подростка: *«... приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остаётся для меня загадкой...»*. (12,70)

«Он очень походил на мать свою, — сказал однажды Краевский, указывая на её портрет, — если вы к этому лицу приделаете усы, измените причёску да накинете гусарский ментик — так вот вам Лермонтов».

«Тяжёлый взор странно не согласовался с выражением детски нежных и выдававшихся губ», — вспоминает о нём **И.С. Тургенев**. (19,80)

А вот что пишет **Д.С. Мережковский**: *«Рассказывают, будто бы у Лермонтова был такой «тяжёлый взгляд», что, на кого он смотрел пристально, тот невольно оборачивался»*. (16,21)

Художник **М.Е. Меликов** признаётся, что он «никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова» и что с этой задачей мог бы справиться, по его мнению, «один только **К.П. Брюллов**, так как он писал не портреты, а взгляды». (12,70)

Художники стремились передать выражение глаз поэта, но слишком трудно было запечатлеть его неуловимые черты. Ценен для нас портрет М.Ю. Лермонтова, выполненный художником **Ф.О. Будкиным**.

20 ноября 1834 года Лермонтов высочайшим приказом произведён из юнкеров в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Бабушка по этому случаю заказала портрет внука. *«Лермонтов изображён в лейб-гусарском вицмундире и накинута поверх его шинели, треугольной шляпой в руках... Это лучший из известных мне портретов Лермонтова; хотя он на нём и очень польщён, но ближе всех прочих передаёт общее выражение его физиономии, особенно его глаза, взгляд которых имел действительно нечто чарующее»*, — писал о портрете **М.Н. Лонгинов**. С парадного портрета ху-

дожника Ф.О. Будкина на нас смотрит спокойный, благообразный гвардеец с правильными чертами лица: удлинённый овал, высокий лоб, строгие карие глаза, прямой, правильной формы нос, щегольские усики над пухлым ртом.

С точки зрения лермонтоведа **И. Андроникова**, несмотря на старания, портретисты «не сумели схватить жизнь лица», «духовный облик» М.Ю. Лермонтова. «Наиболее убедительны», считает исследователь, «беглый рисунок Д.П. Палена (Лермонтов в профиль, в смятой фуражке) и акварельный автопортрет: Лермонтов на фоне Кавказских гор, в бурке, с кинжалом на поясе, с огромными печально-взволнованными глазами». «Именно эти портреты гармонируют с поэзией Лермонтова». (2,5)

Перелистывая страницы биографии поэта, томики его сочинений, «мы можем прочесть историю его души и понять его как поэта и человека», (2,6) а значит, и открыть «храм души» художника слова.

2. Трагические страницы его биографии

Люди, знавшие Лермонтова в его отроческие и юношеские годы, заметили, что он никогда не говорил о своих родителях, об их взаимоотношениях, о том, кто разлучил его с отцом. Как пишет **А.З.Зиновьев**, готовивший 12-летнего Лермонтова к поступлению в благородный пансион при Московском университете, «Миша не понимал противоборства между бабушкой и отцом». (12,73)

Однако это «противоборство», больно отзывавшееся в душе Михаила Юрьевича, рано заставило его задуматься о сложности людских отношений, о тяжёлой судьбе гонимого человека, каким он видел своего отца.

Описывая в «**Эпитафии**» (18,32) похороны отца, Лермонтов так говорит о его и своей участи:

*Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль...
Но понимаем был одним.*

В отце и в самом себе юный поэт увидел «две жертвы жребия земного».

Рано потеряв родителей, Лермонтов нашёл в бабушке человека, ему одному посвятившего всю свою жизнь.

«**Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что для него не жалела ничего**», — (7,18) пишет первый биограф поэта. В её доме «церковные праздники встречались с большими приготовлениями, по старинному обычаю. К Пасхе заготавливались крашеные яйца в громадном количестве.... На Троицу и Семик ходили в лес со всей дворней и Михаил Юрьевич впереди всех». (7,19) Когда любимый Мишель уходил из дома или болел, уста Елизаветы Алексеевны шептали молитвы.

В год смерти отца Лермонтов написал о себе и своих родителях горькие строки в автографе стихотворения «**Пусть я кого-нибудь люблю**»:

*Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя.
От них остался только я...*

Эта строфа, как и первая, вместе с названием «**Стансы**» были опущены при первой публикации стихотворения в собрании сочинений поэта под редакцией П.А. Ефремова.

Лермонтов не мог забыть рано умершей матери. «**Житие ей было 21 год, 11 месяцев и 7 дней**» — гласила надпись на памятнике матери поэта, похороненной в Тарханах. Но Михаилу Юрьевичу казалось, что в нём живёт воспоминание об её голосе. «**Когда я был трёх лет, — записал он в 1830 году, — то была песня, от которой я плакал.... Её певала мне покойная мать**».

Со слов тарханских старожилков первый биограф поэта писал о его матери: «**Мария Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадив ребёнка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепьяно, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слёзы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою**». (7,15)

В стихотворении «**Кавказ**» (1830) Лермонтов посвятил матери строфу:

*В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.*

3. Мотивы стихотворений М.Ю. Лермонтова и состояние души лирического «я»

«Храм души поэта — это сложное, хрупкое «строение». Он вмещает многое.

«Моя душа твой вечный храм», — пишет М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Как дух отчаянья и зла, мою ты душу обняла».

Основные мотивы творчества Лермонтова имеют источником то или иное состояние души. **Мотив покоя** представлен как главная цель, искомое состояние. В поисках покоя деятельная душа (**мотив действия**) жаждет преодолеть одиночество (**мотив одиночества, изгнанничества**) через обретение родной души (**мотив Родины, любви, вечности, воли, судьбы**). А не получив этого (**мотив обмана**), душа поднимается на месть (**мотив лишения**) или видит выход в смерти (**мотив смерти**), не сумев примирить «землю и небо» (**мотив земли и неба**). Постепенно всё явственнее проступают контуры «толпы», «здешнего света», где подлинные ценности оказываются поверженными (**мотив «толпы»**).

Герой зрелой лирики М.Ю. Лермонтова жаждет обнять душой всю вселенную (**мотив космоса**), заключить её в своей груди. Ему дорого общение с природой (**мотив природы**).

4. Душевная жизнь лирического героя юношеских стихотворений М.Ю. Лермонтова

Вопль души мы слышим в «Монолог», созданном пятнадцатилетним Лермонтовым:

*... И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И уж ничто души не веселит..*

В стихотворении «К*» М.Ю. Лермонтов замечает, что слово поэта и душа едины:

*Есть звуки — значение ничтожно
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно: —
Как жизнь они слиты с душой.*

Гармонические звуки музыки, птичьего пения, человеческого голоса проникают в душу, сливаются с ней, радуют её.

Герой ранней лирики Лермонтова — между «небом» и «землёй». «Я меж людей беспечный странник...» Душа героя свободна, странствует, где хочет. «Жажда бытия» введена герою. Однако лермонтовский герой ощущает другое: «мир земной мне тесен», «мой дом везде, где есть небесный свод».

В стихотворении «Слава» (1831) Лермонтов пишет:

*К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всём дойти до совершенства.

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он —*

признаётся Лермонтов в 1831 году. Он говорит о том, кто «в грудь втеснить желал бы всю природу, кто силится купить страданием своим и гордою победой над земным божественной души безбрежную свободу».

*Пока сердце в груди моей бьётся,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить, —*

искренне говорит он в стихотворении «Хоть давно изменила мне радость» (1830). Духовное само-

выражение мы видим в «Посвящении поэмы «Демон»:

*В душе горят хотя безвестней
Лучи небесного огня...
... впечатлений неприятных
Душа всегда была полна...*

5. Душа поэта — мир враждующих стихий

Душа поэта — это мир враждующих стихий. В ней сталкиваются «лёд» и «пламень».

«И царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови», — читаем в «Думе».

*Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,-*

пишет семнадцатилетний юноша в стихотворении «1831-го июня 11 дня».

Поражает стремление лирического героя к самопознанию. Его настоящую цель М.Ю. Лермонтов объяснит позже, в «Герое нашего времени»: «Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие Божие».

Перечитаем внимательно состоящее из 32-х восьмистрочных строф стихотворение «1831-го июня 11 дня».

*Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщения света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил...*

Так начинается это стихотворение, раскрывающее процесс познания поэтом самого себя и мира. Здесь дана переоценка его связи с привычной средой, рассказ об отношении к различным сферам бытия, к текущему времени, к вечности:

*Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа:
Судьба её так скоро не убьёт,
А лишь взбунтует.*

По своей форме стихотворение похоже на развёрнутую дневниковую запись много думавшего и много страдавшего человека. По интонационному строю оно звучит как исповедь.

*Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец...—*

признаётся лирический герой. Качества души лирического героя произведений Лермонтова иногда противоположны: она может быть деятельной — и усталой; полной — и пустынной; молодой, младой, юной, неопытной — и увядшей; знающей счастье — и с счастьем незнакомой, родной — и чуждой; откровенной — и безмолвной; покорной — и мятежной; прекрасной — и грешной, преступной....

Сравним свойства души в стихотворениях «К другу» и «Волны и люди»:

*Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкой душой,
Я не пленён небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья;*

*Люди хотят иметь души ... и что же?
Души в них волн холодней.*

М.Ю. Лермонтов, чтобы с наибольшей глубиной выразить смятение и неопределённость душевного состояния героя, использует антонимы.

*Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,—*

пишет он в стихотворении «**1831-го июня 11 дня**».

Столь же глубоко, выразительно поэт передаёт «диалектику души человеческой», используя стилистическую фигуру отождествления, превращения и взаимодействия противоположностей, например:

*Мои друзья вчерашние — враги,
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех господь благий,
Их презираю я...*

В человеке он видит сосуществование противоречивых сторон:

*Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным...*

6. «Грядущее в тумане» и «старинная мечта» героя

«**Моё грядущее в тумане...**» — так называется стихотворение Лермонтова, написанное в 1841 году. В нём лирический герой говорит о том, что Творец «дал ему чашу добра и зла», что постоянно в его душе «с святыней зло боролось».

Из души страдающего от одиночества лирического героя вырываются строки:

*Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной.*

*И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя...*

Лирическому герою, которому надоели «**образы бездушных людей**», «**пёстрая толпа**», дороги воспоминания о «**недавней старине**», когда он был «**ребёнком вольным**». Это мы наблюдаем в стихотворении «**Как часто, пёстрою толпою окружён...**»:

*Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту —
Погибших лет святыне звуки...*

В стихотворении «**Когда б в покорности незнания...**» М.Ю. Лермонтов размышляет над тем, что особенно дорого ему:

*Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней,—
Она в душе, где всё земное,
Живёт наперекор страстей...*

Всеми силами души, по мнению А. Григорьева, Лермонтов «**уносится в своего рода «Dahin» (Туда)**» — к вечному, идеальному. В лирике поэта не случаен постоянный мотив заточения. Узнику каждая вещь внушает мысль о воле. Так же и лирический герой при виде «**ветки Палестины**», женского портрета или глаз «**из-под таинственной, холодной полумаски**» грезит об абсолютной воле — **и мире вечном**.

7. Благотворное воздействие на душу окружающего мира, «огня Божественного»

Предметы и явления могут оказывать на душу благоприятное и неблагоприятное воздействие.

К первым относятся Матерь Божия, ангел, гений, звезда. В стихотворении «**Молитва**» лирический герой обращается к Богоматери. «**Молитва**», написанная в 1837 году, вызвала одобрение даже такого убеждённого атеиста, как В.Г. Белинский, назвавшего её «чудной **«Молитвой»**». И действи-

тельно, сколько здесь душевного тепла, сколько тревоги за судьбу другого человека. Ничего для себя не просит у Богоматери лирический герой стихотворения: «*Не за свою молю душу пустынную*». Одиноким странник, знающий жизнь и людей, страстно просит уберечь невинную девушку от бед и опасностей:

*Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.*

Благотворное воздействие на душу оказывает пейзаж. В стихотворении «**Выхожу один я на дорогу**» описание природы занимает всего пять строк из двадцати. Ночь, звёзды, туман да блистающий путь в некоей пустыне — вот и все невидимые приметы пейзажа, который завершается метафорой «**спит земля в сиянье голубом**». Созерцая все эти проявления жизни, лирический герой благоговеет перед божественной красотой природы. Отчуждения людей не должно быть. Ведь во вселенной даже «**звезда с звездой говорит**», даже пустыня в глухой ночи «молча внемлет Богу». Пейзаж возбуждает последующую цепь горьких вопросов, заветных пожеланий: «**что же мне так больно и так трудно**».

В небольшой зарисовке «**Когда волнуется желтеющая нива**» поэт тоже выразил тайные движения души в момент любования природой.

В одном предложении из шестнадцати строк неразрывно связаны все его члены, обозначающие разные проявления гармоничного бытия. Желтеющая нива, лес, порыв ветра, малиновая слива, заря заката или восхода, ландыш серебристый, студёный ключ в овраге, видение Бога в небесах — всё это радует душу лирического героя.

Поэт не может существовать без вдохновения. Поэтому в его душе живут «**простые и сладкие звуки**».

*Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе, давно безмолвной
Ещё неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный...—*

пишет он в стихотворении «**Не верь себе**». У души есть тайник. В ней то восходит чудное светило, то сверкает луч воображенья, то бывает темнота. Первое мы видим в стихотворении «**Журналист, читатель и писатель**»:

*Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг, низжуются слова.*

Светлое начало творчества — от Бога. Тогда мир «**мечтою благородной**» перед художником слова «**очищен и обмыт**».

Особое место в душе занимает Бог: «**огонь божественный**», «**неисполнимые желанья**», «**Его речи**», «**Всевышний Бог**». Этому сокровенному сопутствует «**огонь**» души. Вот как страстно М.Ю.Лермонтов говорит об этом в стихотворении «**Ужасная судьба отца и сына...**»:

*Но ты простишь мне!
Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный Творцом?*

8. Проникновение в «храм души» через реальное

Есть ещё один специфически лермонтовский приём «**введение во храм**». Речь идёт о проникновении во внутренний мир через что-то реальное.

Прогулки по Москве доставляли ему истинное удовольствие.

*Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня великан,—*

такие строки рождаются у семнадцатилетнего юноши.

А позднее в поэме «Сашка» М.Ю. Лермонтов скажет о своей жгучей любви к Москве:

*Москва, Москва!... люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль...*

Москва вошла в жизнь и творчество Лермонтова как символ родины, она душа его. Истинный патриотизм поэта раскрывается и в стихотворении «Родина». Автор сам называет любовь к России «странной», рождённую «отрадным мечтанием» в противовес рассудку. С одной стороны, ощущается понимание, признание истории Родины, с другой — безотчётная, глубинная нежность к русской земле. Стихотворение посвящено именно этой сердечной привязанности тому, без чего не существует подлинной связи с Отчиной.

В начале второй строфы повествуется о том, что путник видит «лесов безбрежных колыханье», «разливы рек, подобные морям». «Холодное молчанье» степей выражает бескрайность, безлюдность пространств.

Третья строфа «соткана» из неповторимых деталей среднерусского пейзажа и крестьянской жизни. Здесь новое состояние души лирического героя. Вначале: «люблю — за что, не знаю сам». Дальше это признание конкретизируется. «Отрада, многим незнакома», вызвана созерцанием непритворных картин русской деревни, нехитрых, с «топаньем и свистом» утех крестьян.

Национальный дух самосознания вливается в чувственный мир художника, обнимающего душой всё нерасторжимое единство представлений, составляющих понятие Отчины.

Реальное мы видим и в стихотворении «Выхожу один я на дорогу», наполненном высочайшей поэзией единения человека с природой. К звёздному символическому миру «свободы и покоя» приводит реальный путь — одна из кремнистых дорог Кавказа. Как это нередко бывает, Лермонтов почерпнул метафорическую силу образа из ранней поэзии. В стихотворении «Мой дом» (1830-1831) есть строки, несущие сходное со зрелым стихотворением мироощущение:

*До самых звёзд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой
Далёкий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.*

В сердце человека, говорит поэт, «есть чувство правды». В нём заключено «святое вечности зерно».

Проникая в глубинные слои психической жизни, автор из мира реальности, грёз делает следующий шаг — в мир снов. Обращение к «тёмным волнениям» души, как и к фантастическому миру снов, носит у Лермонтова исследовательский характер. «Томимый духовной жаждою», жаждою любви, лирический герой стихотворения «Сон» видит во сне встречный образ любви, любовь, также отражённую в «грустном сне».

9. Душа — существо живое

Суть духовной жизни человека объясняется во многом потребностями души. Именно она хочет дойти до совершенства, ищет идеал, чудесное. Душа ведёт себя как разумное существо, как человек: «верит» или «не верит», «понимает», «повторяет слова», «забывает» даже произносит «благодарю».

*О, пусть холодность мне твой взор покажет,
Пусть он уьёт надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты, —
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю,—*

такие строки мы находим в стихотворении «Благодарю»

У души, как и у человека, можно выявить волнение, трепет, дрожь. Так, в стихотворении «Спеша на север издалёка...» от сильного волнения «душа дрожит»:

*Но есть ещё одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!*

Сохраняя «высокое» содержание, душа страдает от несовершенства мира, желающего порой её уничтожения. Её можно, с одной стороны, *омыть, обнять, радовать, лелеять*, с другой — *стеснить, наложить цепи, отравить ядом, убить*.

Заключение

Для нас, читателей, «вхождение» в храм души лирического героя произведений Лермонтова происходит постепенно. Мы переносимся почти на двести лет в прошлое, приближаемся к человеку «внутреннему» далёкой эпохи. Нам страшно осознавать духовную опустошённость юного поколения 30-х годов XIX века.

Герой лирических стихотворений М.Ю. Лермонтова остро переживает одиночество, бессцельность существования. Человека всюду поджидает трагедия, рушатся его мечты, надежды. Герою иногда удаётся уйти от наплывающего на него мрака. Приобщение к природе («**Когда волнуется желтеющая нива...**»), веянье любви и нежности («**Слышу ли голос твой...**», «**Из-под таинственной холодной полумаски...**»), случайно пойманные призывы к чему-то необычному, высокому («**Есть речи — значенье...**»), заставляют «**лермонтовского человека забывать о своей трагедии и «достигать» «счастье на земле**». Но эти минуты гармонии или проблески надежды оказываются скоропреходящими. Открывая храм души Лермонтова, мы увидели в нём больше страдания, нежели радости. Противоречию во внутреннем мире Лермонтова не суждено было разрешиться. Слишком короткой была жизнь поэта. Он принимал жизнь как испытание. Отсюда появление того преобладающего настроения, которое В.О. Ключевский определил как «**христианскую грусть**». Грусть Лермонтова, по верному суждению историка, «**становилась художественным выражением того стиха молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: «да будет воля Твоя»**».

Список использованной литературы

1. Андронников И. Лермонтов: исследования и находки. — М, 1968
2. Андронников И. Образ Лермонтова. М.Ю. Лермонтов. Соч. в 2-х т., т. I Вступит. ст. — М, 1988
3. Анненкова Е.И. «Дума» М.Ю. Лермонтова в литературно-философском контексте 1830-х годов // Литература в школе — 1997— №6.
4. Белинский В.Г. Стихотворения М.Ю. Лермонтова. Собр. соч., т. I — М, 1948.
5. Бердяев Н.А. Русская идея // Русская литература — 1990 — № 2.
6. Библийская энциклопедия. Изд. СТСЛ, 1990. Репринтное издание .Труд и издание Архимандрита Никифора — М, 1891.
7. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. — М, 1891.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка.
9. Ключевский В.О. Очерки и речи. — М, 1913.
10. Котельников В.А. О Христианских мотивах у русских поэтов // Литература в школе. — 1994 — № 3.
11. Леонтьев К.Н. Отшельничество, монастырь и мир: их сущность и взаимная связь (Четыре письма с Афона). — Сергиев Посад, 1913.
12. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М, 1972.
13. Лермонтовская энциклопедия. — М, 1981.
14. Макарова Б.А. «Москва есть и будет всегда моё Отечество» // Литература в школе. — 1997. — № 6.
15. Максимов Д. Поэзия Лермонтова. — М.— Л, 1967.
16. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов поэт сверхчеловечества // В Тихом омуте. — М., 1991.
17. Соловьёв В.С. Литературная критика. — М, 1989.
18. Солоухин В. «По небу полуночи ангел летел...» // Литература в школе. — 1989 — № 7.
19. Тургенев И.С. Полн. Соб. соч. и писем в 8-ми т. — М, 1967. Письма, т. 14.
20. Шапошникова В.В., Шишлова С.Н. Словообраз «душа» в лирике М.Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. — 1997 — № 1.

Влияние православия на творчество М.Ю. Лермонтова

*Не раз встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! все было ад иль небо в них —*

эти строки Лермонтов написал в неполных семнадцать лет, а жить ему оставалось ровно десять. «Ад иль небо...» — крошечный мрак и божественный свет, две столь противоположные крайности в душе, между которыми разрывается она, всякий раз являя в своих стремлениях и состояниях то хаос смятения, то гармонию устремленности к Творцу, но чаще парадоксальное смешение того и другого, — искусство избрало его для себя предметом эстетического исследования.

*Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством,
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грядущего разлукой;
Клянусь сонмищем духов,
Судьбою братьев мне подвластных,*

*Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоим дыханьем,
Волною шелковых кудрей;
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовь мою...*

Святые Отцы учат, что крайности — от бесов. Так ведь и приведенные только что строки — из монолога Демона. А бесам человек подчиняется добровольно.

*Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинять нельзя ни в чем.*

В «Пророке» Лермонтова мы ясно чувствуем прежде всего гордыню презрительного к миру одиночества. Мотив одиночества слышится и во всей его поэзии. Это одиночество обусловлено конфликтом с окружающим миром, конфликтом, в котором постоянно пребывает поэт. Мир предстает слишком неприемлемым для него, одиночество оказывается вынужденным, и едва ли не постоянно звучит в лермонтовских стихах.

*Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я.
1830.*

*Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье.
1830.*

*Я здесь больной,
Один, Один
С моей тоской
Как властелин
1830.*

Горючее одиночество — никто не выразил его в русской поэзии сильнее Лермонтова. Здесь и жар горящего пламени, и горе безысходности.

Одиночество Лермонтова именно безысходно. Это важно не упустить сознанием. Ведь само по себе уединение не так и страшно. У Лермонтова же всегда больше горечи. Больше безнадежности. Он опускается до глубочайших глубин безверия, бросая упрек в своих муках не кому иному, как Творцу. И гордыня поэта слишком на виду. Одна и та же страсть жжет его и при начале и под конец недолгой жизни.

«Мы рождены... для звуков сладких и молитв», — утверждал Пушкин. «Не кончив молитвы, на звук тот отведу», — различает Лермонтов молитву и поэтическое «из пламя и света рожденное слово». И далее: «брошусь из битвы ему я навстречу» — утверждает поэт, для которого сама «битва» представляется порою едва ли не высшей целью его существования.

У Лермонтова пламя как художественный образ чаще inferнально по природе своей. И тогда соединение света и адского пламени в одном образе — соединение непостижимое, на какое способно, пожалуй, лишь воображение Лермонтова. Такое создает лишь безудержную своевольную гордыню.

*И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
... И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка.*

Впрочем, лермонтовская «благодарность», эта кощунственная антимолитва, определяется и психологическим воздействием присущего поврежденной природе человека стремления переложить вину за все беды, страдания и несовершенства свои на какие-то внешние обстоятельства, прежде всего на волю Создателя.

Мысль о смерти никого не обходит стороной. Памяти смертного часа, при духовном его осмыслении, может стать ориентиром человеку на жизненном его пути — о чем многократно говорили святые отцы.

Он ведь понимает и то, что именно его «страстная поэзия отделяет его от Бога. Он сознает, что поэзия его становится часто молитвою бесовской силе. Поразительно: этим знанием он обладал, лишь вступая на соблазнительное поприще пятнадцатилетним отроком. Право, приходится поражаться столь ранней зрелости этого поэтического ума.»

*Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю.*

1829

В отличие от Пушкина, Лермонтов весьма годился в герои романтической поэзии. Но само погружение в романтическую стихию парадоксально обнаруживает, сколь несамостоятельной и даже заурядной становится личность, стремящаяся к свободе и проявлению собственной неординарности, когда она пытается осуществить это проявлением и действием своей исключительной воли, бросая вызов воле Божией.

Пламенная страсть Мцыри отвращает его не просто от некоего абстрактного приниженого существования в неволе, но от «келей душных и молитв», то есть от подвига аскезы и молитвы, то есть от стяжания Святого Духа, составляющего, как учил преподобный Серафим Саровский, главный смысл земного бытия человека. Мцыри произносит слова, несущие в себе ужас духовной гибели его:

*... пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...*

В еще более упрощенной форме это звучит так: лучше синица в руках, чем журавль в небе и в небе.

Список использованной литературы

1. Мануйлов В.А. М.Ю. Лермонтов. Биография писателя. — Л., 1976.
2. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. — М. — Л., 1961.
3. Дунаев М.М. Православие и русская литература. — М., 1997.

«Сумерки души» в лирике М.Ю. Лермонтова

Исследовательская работа

Введение

В лирике М.Ю.Лермонтова раскрывается сложная человеческая личность с трагической судьбой. В короткой своей жизни он перенёс муки, которые предвидел: изгнание, клевету, измену; его подстерег страшный «безвременный конец». Постоянно присутствующее предчувствие гибели «во цвете лучших лет», «гроба уединённого», «кровавой могилы» поражает.

Мы замечаем особое состояние лирического героя, которого тревожит однообразие жизни. Драматическое столкновение веры-неверия в красоту, правду, гармонию, приводит героя к разочарованию. В его душе преждевременно появляются «сумерки». «Сумерки души» — это тема нашей научно-исследовательской работы.

Мы выбрали её не случайно. Трудно найти поэта, в лирических произведениях которого, начиная с первых стихотворений, так часто встречалось бы близкое каждому человеку слово «душа». К сожалению, отдельных исследований на эту тему мы не обнаружили. Да и в статьях, посвящённых лирике М.Ю.Лермонтова, исследователи довольно поверхностно говорят о содержании души лирического героя.

«Сумерки души» в лирике М.Ю.Лермонтова

1. Облик М.Ю.Лермонтова, его творчество в восприятии современников, исследователей, классиков

Писатель А.М.Меринский вспоминал: *«В обществе Лермонтов был очень злоречив, но душу имел добрую...»* (12,135)

«Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елейное благоухание молитвы, пламенное бурное одушевление, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, укоры совести, умиленное раскаяние, рыдание страсти и тихие слёзы... упоение любви, трепет разлуки, радость свидания... пламенная вера, мука душевной пустоты... борьба полноты чувства с разрушающей силой рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева — всё, всё в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад», — такие грани лирики М.Ю.Лермонтова отмечает В.Г.Белинский. (4,694)

По мнению В.Солоухина, *«демонизм и байронизм Лермонтова были юношеской позой, душа же его была верх чистоты, доброты, мягкости, ранимости».* (18,9)

Нет мемуариста, который бы при описании М.Ю.Лермонтова не упомянул о его глазах. Художник М.Е.Меликов запомнил его с *«пламенными, но грустными по выражению глазами».* (12,71) Писатель И.И.Панаев замечает *«...умные и пронзительные чёрные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго».* (12,229)

«В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое, — говорит И.С.Тургенев, — какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица и неподвижно-тёмных глаз. Их тяжёлый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ». (19,80)

Во внешнем облике портретируемого всегда ищешь созвучие с созданным им миром. И оно есть. Вглядимся в портреты М.Ю.Лермонтова, их писали разные люди. При жизни поэта были известны работы: Ф.О.Будкино (1834), П.Е.Заболотского (1837, 1840). Позднее появились портреты Лермонтова, написанные А.И.Клюндером (1938), К.А.Горбуновым (1941). Сохранились автопортреты поэта.

Всюду — неповторимое восприятие изображённого человека, индивидуальная манера исполнения. Но одно остаётся неизменным. Необычно высокое светлое чело и большие проникновенно-грустные глаза заслоняют за собой остальные черты. Сразу возникает образ глубокой и печальной думы, и ощущаешь «сумерки души» поэта.

Глубже проникнуть в противоречивый внутренний мир «неведомого избранника» нам помогло изучение его биографии и неповторимых поэтических творений, которым присущ исповедальный характер.

«Природа наделила его страстями...он плакал на коленях матери от песни, которую она певала ему», — пишет И.Андроников. (1,35)

Впервые М.Ю.Лермонтов полюбил в десятилетнем возрасте на Кавказе. Вспоминая через пять лет златокудрую девочку и Кавказские горы, он записал в тетрадку: *«Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки»*.

Однако суровая жизнь с малых лет расстраивала ему эту *«музыку сердца»*.

2. Драматические страницы биографии поэта

Его мать умерла, когда будущему поэту шёл третий год. Воспитательницей Лермонтова стала его бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева. В её имени Тарханы Пензенской губернии прошли детские годы поэта. Они были омрачены тяжёлой распрей между бабушкой и отцом Миши, Юрием Петровичем, небогатым армейским капитаном в отставке.

Невозможность общения отец и сын Лермонтовы старались возместить перепиской, которая, к сожалению, до нас не дошла. Сохранилось лишь завещание Юрия Петровича, в котором он писал сыну: *«...ты одарён способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более стремишься употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчёт Богу!...ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце... благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твоё ко мне внимание...»*

По юношеским стихотворениям Лермонтова, и в особенности по ранним его пьесам, легко увидеть, сколько душевных мучений принесла ему душевная драма.

Студент Юрий Волин, герой лермонтовской трагедии «Люди и страсти» (1830), говорит о себе: *«Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею»*. Он признаётся другу: *«...ты знаешь, что у моей бабушки, моей воспитательницы,— жестокая распря с отцом моим, и это всё на меня упадёт»*.

3. Смысл слова «душа»

Не случайно особенно важное место в лирике М.Ю.Лермонтова занимают «сумерки души». Этот образ ему был необходим для выражения своего и лирического героя отношения к миру. Мы выявили смысл слова «душа».

«Сотворив первого человека Адама из земли, Бог вдунул в него дыхание жизни, т.е. душу, существо духовное и бессмертное. (Быт. 1, 26, 27) По смерти человека душа возвращается к Богу, который дал её.» (Еккл. 13,7) (6, 204)

По «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И.Даля «ум» и «нрав» слитно образуют «дух» или «душу» в высшем значении. К «нраву» относятся воля, любовь милосердие, страсти и пр., а к «уму» — разум, рассудок, память и пр. *«Согласный союз нрава и ума (т.е. единство души), сердца и думки,—* отмечает В.И.Даль — образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведёт к упадку». (т.1, с.504)

Душа лирического героя Лермонтова может характеризоваться со стороны и принадлежности кому-либо: душа поэта, ребёнка; восточная, южная; русская. Например, мы читаем:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.*

В лирике Лермонтова душа редко связана с обстоятельствами. Она дана человеку изначально, хотя и испытывает воздействие внешних сил. Напряжённый интерес к сильным, ярким чувствам, к тайным движениям души — существенная черта романтического мировосприятия.

4. Печальное одиночество в ранней лирике М.Ю.Лермонтова

Многие сборники произведений М.Ю.Лермонтова открываются стихотворением «Поэт», в котором четырнадцатилетний автор говорит о том, что поэт *«пером своим прольёт всю душу»*. Читая произведение «неведомого избранника», мы явно видим «сумерки души» лирического героя.

В ранней лирике (1828-1834) раздумья автора отмечены редкой по его возрасту зрелостью. Исходным становится переживание печального одиночества. *«Брожу один как отчуждённый»*, — пи-

шет пятнадцатилетний юноша. Мрачные чувства — результат биографических фактов: отсутствие родительского тепла (мать умерла, когда мальчику было 2 года; с отцом сложились не простые отношения); позже в начале 30-х годов, неразделенное увлечение Н.Ф.Ивановой, Е.А.Сушковой, особенно бесславно окончилась любовь к В.А.Лопухиной. Не прошла без последствий отстранённость от сокурсников Московского университета, Петербургской школы гвардейских прапорщиков.

Но ясны лишь внешние причины горестного настроения. Внутренне «**душа пылкая**» многое воспринимает с мучительным недоумением: «**среди веселья дух страждет и грустит**», «**дух погас и состарился**», «**я к одиночеству привык**».

Проникновением в тайны «**сумерек души**» поэта и стала его ранняя лирика.

В стихотворении «Русская мелодия» поэт говорит о том, что его творческий путь будет оборван задолго до естественного конца. Откуда могло взяться это предчувствие в душе пятнадцатилетнего ученика пансиона? А в 1831 году у семнадцатилетнего Лермонтова это предчувствие своей обречённости выразилось так:

*Настанет день — и миром осуждённый,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный -
Я кончу жизнь мою.*

Юный поэт словно заглянул в книгу судеб и читает страницу о собственной кончине. Примечательно, что несколько лет спустя, в стихотворении «**Не смейся над моей пророческой тоской**» (1837) М.Ю.Лермонтов ещё раз заявит:

*...настанет час кровавый,
и я паду...
Но я без страха жду довременный конец.*

Нас поражает не только трагическое предвидение, но и состояние души лирического героя.

«**Один среди людского шума, возрос под Сеною чуждой я**», — так в 1830 году определил М.Ю.Лермонтов своё положение. Одиночество, независимость, возможность свободного созерцания природы оплачены утратой дружбы, холодом отчуждения.

В многоstroфной «истории души» «**1831-го июня 11 дня**» лирический герой находит «**корень мук в себе самом**», так для него «**всё было ад или небо**».

В стихотворении «**1831-го июня 11 дня**» М.Ю.Лермонтов выразительно передаёт «**диалектику души человеческой**»:

*Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.*

В стихотворении «**1831-го июня 11 дня**» поэт признаётся:

*Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нём заключено?
Огонь или сумрак там — ей всё равно.*

У него нет желания открыть «толпе» у своей души, в которой нет гармонии. Там сосуществуют ненависть и любовь, страдание и радость, сумрак и свет.

5. Душа страшна

В стихотворении «**Журналист, читатель и писатель**» писатель говорит о «**вдохновенном труде**», которым «**ум и сердце**» поэта «**полны**». Есть в душе поэта и другое начало — от демона:

*Бывают тягостные ночи:
Без сна горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска...*

О «**сумерках души**» М.Ю.Лермонтов говорит и в стихотворении «**К портрету**»:

*Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе её темно, как в море!*

Нельзя не обратить внимание и на стихотворение «**Не верь себе**», в котором автор говорит о том,

что «вдохновение» может быть «тяжёлым бредом души больной». Поэтому «В нём (вдохновении) признака небес напрасно не ищи».

Однако самое большое место в душе лирического героя занимает «всё земное». Она долго хранит женский образ, взор, голос любимой. Это мы наблюдаем в стихотворении «К глупой красавице»:

*Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтание,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарование...*

Негативное воздействие на душу оказывает неизвестность, тьма, холод, тоска, безответная любовь, светское общество. Об этом мы узнаём, например, из стихотворения «Земля и небо»:

*Страшна в настоящем бывает в душе
Грядущего тёмною даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.*

Оказывается, душа даже сама, может причинять себе страдания, «стеснять» саму себя. Её тяготит измена любимой, кровь убиенных, «кровавая клятва». Всё это может душу убить, погубить, отравить ядом, сжать, стеснить, отяготить, унижить. И в ответ на это она тоже способна совершить зло, но лишь как «мечь судьбе за желание унижить, уничтожить».

*... много зла
Она совершить, готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей ...—*

с болью размышляет М.Ю.Лермонтов в стихотворении «1831-го июня Пдня».

В душе, которая «могла составить счастье тысячи людей», есть прекрасное — «огонь божественный». Однако многие желали погасить его.

*Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный... —*

этот вопрос мучает лирического героя.

6. Изверившаяся душа героя в поздних лирическо-философских стихотворениях

«Царство дивное» духовного бытия поражает нас во многих поздних философских стихотворениях, среди них «Гляжу на будущность с боязнью» (1837). Здесь пронзительно передано ощущение отшумевших уже юности, надежд и радостных желаний. Мы видим яркий образ — сравнение. Душа —

*Как ранний плод, лишенный сока,
Она увязла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.*

В стихотворении «И скучно, и грустно» каждая из строф опровергает юные стремления к счастью, любви, страсти. Изверившаяся душа ищет «кругом души родной». Лирическому герою «скучно и грустно» потому, что «некому руку подать».

В элегии «И скучно, и грустно» поэт не просто тоскует, но и «вскрывает» собственную душу, исследуя природу страстей, ставит против всякого своего чувства аргумент:

*«Желания!... что пользы напрасно и вечно желать?...»;
«Любить,... но кого же?... на время не стоит труда,
А вечно любить невозможно»;
«Что страсти?— ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка...*

В последние годы Лермонтова непосредственная пылкость чувств сменяется глубоким раздумьем о сущем. Начинается, как это ни странно для молодого, не достигшего 30 лет человека, подведение итогов пережитого. Теперь лирический герой всё чаще оказывается во власти Думы, Памяти, передающих состояние души. В ней, уже не романтически печальной, а усталой, он ищет свежих сил, предчувствует близкий перелом.

Лирический герой пристально вглядывается в окружающее. Зрительные впечатления преобразуются в философские раздумья. Именно так воспринимаются такие гениальные стихотворения, как «Тучи» (1840), «На севере диком...» (1841), «Утёс» (1841), «Листок» (1841). Здесь не просто

одухотворённая красота природы, а яркие приметы трагических процессов жизни и души.

Способность поэта с предельной глубиной «изнутри прочувствовать горькую судьбу своего поколения» мы видим в «Думе» (1838). Смысл названия, традиция этого жанра объясняют широту, страстность заключённых здесь обобщений.

Желчно, непримиримо вскрыты в «Думе» тайные недуги до времени увядшего поколения: *«пред властью — презренные рабы», «неверие осмеянных страстей», равнодушие к «мечтам поэм созданиям искусства», «в душе какой-то холод тайный».*

Трагическую мысль поэта о преждевременном старении души молодого поколения, эмоциональную напряжённость, мы ощущаем наиболее остро потому, что автор на контрастной основе соединяет слова-понятия: *«под бременем познания и сомнения», «добру и злу», «и ненавижим мы и любим мы случайно, ничем не жертвуя ни злобе, ни любви; «холод тайный» — «огонь в крови».*

Заключение

Лирический герой Лермонтова является трагической фигурой не только тогда, когда он выступает как поэт или человек, которого ожидают великие дела. Любовь к свободе, порывы страсти, негодования в его стихотворениях сочетаются с голосами разочарования, одиночества, горькой безнадёжности.

Читая лирические произведения М.Ю.Лермонтова, мы увидели «сумерки души» поэта. Ему трудно было вырваться из плена всего земного. Как пишет В.А.Котельников, *«к тайнам гармонии его влёт «верующий разум», религиозная интуиция, чей зов рано услышал Лермонтов».*

С помощью слова «душа» М.Ю.Лермонтов смог выразить своё отношение к миру, к себе, разочарование от невозможности разрушить свои противоречия, обрести покой. «Изгнанник» не мог преодолеть чувства одиночества, так как не нашёл «души родной».

*Я презирал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь Творец.*

Список использованной литературы

1. Андроников И. Лермонтов: Исследования и находки. — М., 1968.
2. Андроников И. Образ Лермонтова. М.Ю.Лермонтов. Соч. в 2-х т. Т. I. Вступ. ст. — М., 1988.
3. Анненкова Е.И. «Дума» М.Ю.Лермонтова в литературно-философском контексте 1830-х годов // Литература в школе. 1997. — № 6.
4. Архипов Ю. Колокола над городом // Литературная газета № 40, 12 — 18 ноября 2008.
5. Белинский В.Г. Стихотворения М.Ю.Лермонтова. Собр. соч., Т. I. — М., 1948.
6. Бердяев Н.А. Русская идея // Русская литература. — 1990. — № 2.
7. Библийская энциклопедия. Изд. СТСЛ., 1990. Репринтное издание. Труд и издание Архимандрита Никифора. — М., 1891.
8. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. — М., 1891.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.
10. Ключевский В.О. Очерки и речи. — М., 1913.
11. Котельников В.А. О христианских мотивах у русских поэтов // Литература в школе. — 1994. — № 3.
12. Леонтьев К.Н. Отшельничество, монастырь и мир: Их сущность и взаимная связь (четыре письма с Афона). — Сергиев Посад, 1913.
13. М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1972.
14. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981.
15. Макарова Б.А. «Москва есть и будет всегда моё Отечество» // Литература в школе. — 1997. — № 6.
16. Максимов Д. Поэзия Лермонтова. — М. — Л., 1964.
17. Мережковский Д.С. М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. // В тихом омуте. — М., 1991.
18. Соловьёв В.С. Литературная критика. — М., 1989.
19. Солоухин В. «По небу полуночи ангел летел...» // Литература в школе. — 1989. — № 4.
20. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 8 т. — М., 1967.
21. Шапошникова В.В., Шишлова С.Н. Словообраз «душа» в лирике М.Ю.Лермонтова // Русский язык в школе. — 1997. — № 1.

Проблема счастья в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Исследование

*Счастлив тот, у кого
в собственной душе святая святых.
М.Аврелий*

*Тщетно человек ищет источник
счастья вне себя; внутри его,
в груди, — небо и ад и его судья.
Э.Экштейн*

Введение

Каждый человек, придя в этот мир, хочет быть счастливым. Мечта о счастье — самая сокровенная, самая дорогая, неслучайно слово «счастье» очень часто употребляется в нашей речи: его терпеливо ожидают, его искренно желают своим близким, о нем бесконечно рассуждают. Так что же такое счастье?

Я уверена, что у каждого свое представление о счастье. Для одного — это дружная семья, в которой люди любят друг друга, для другого — интересная работа, которой человек посвящает всю свою жизнь, для третьего — материальный достаток и комфорт.

Сколько людей всю жизнь свою проводят в погоне за счастьем и не могут найти его. Мне кажется, что это происходит оттого, что счастье в их представлении зависит от внешних условий жизни, а ведь истинное счастье состоит во внутреннем устройении человека.

Ведь того человека, кто имеет мир в своей душе, кто соблюдает основные нравственные законы, кого не беспокоит совесть, можно по праву назвать счастливым. Как правило, этот человек не одинок, он находится в тесном общении с Богом, который является источником всяких благ. В Священном Писании и Священном Предании много примеров истинно счастливых людей, любящих Бога и исполняющих его Святые Заповеди. Вся история Ветхого и Нового Заветов — это настоящая Академия счастья, в которой сам Господь обучает каждого прилежного ученика.

Истинное представление о счастье можно почерпнуть из произведений русской классической литературы, в которой отражен бесценный опыт человека, раскрыт его внутренний мир, проторены дороги к счастью...

История души человеческой...

«История души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа», — замечает Лермонтов в предисловии к журналу Печорина. Эту мысль подтверждает В.Г.Белинский, который в 1841 году писал: «Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века!». (7; 102) Проблема личности — центральная в романе «Герой нашего времени», в котором нашли наиболее полное выражение «тяжелые» думы Лермонтова о своем поколении...

Печорин — человек вполне определенного времени, положения, социально-культурной среды, это русский дворянин-интеллигент 40-х годов XIX столетия. Но есть в нем нечто большее, нечто вневременное; то, что делает его «полномочным представителем не только данной эпохи, но и всего великого семейства человеческого рода, а книге о нем придает общечеловеческий философский смысл». (7; 103)

Человек и судьба, человек и его назначение, цель и смысл человеческой жизни, свобода воли и необходимость — все эти вопросы получают в романе многогранное образное решение. Воплощенное в художественное полотно первого в России социально-психологического, нравственно-философского романа история души человеческой, интерес автора к внутреннему человеку дали реальное представление о сложности и многогранности личности.

**Двойственность человеческой природы.
«Между плотию и духом непрестанная брань...»**

Печорин неоднократно говорит о своей двойственности. Некоторые исследователи объясняют это как результат столкновения «естественного» и «социального» и видят причину всех несчастий героя в эпохе, в которой ему суждено было родиться и жить. Но это, на мой взгляд, слишком поверхностное и очень простое решение столь серьезной проблемы, которую поставил перед собой автор. «Начальной ступенью концепции человека, развитой в романе, можно считать лермонтовское решение вопроса о соотношении природно-физиологического и духовного начал». (7; 101) Примечателен в этом отношении отрывок из чернового варианта портрета Печорина: «...таков, казалось мне, должен был быть его характер физический, то есть тот, который зависит от наших нерв и от более или менее скорого обращения крови; душа — другое дело: душа или покоряется природным склонностям, или борется с ними, или побеждает их; от этого злодеи, толпа и люди высокой добродетели...». (7; 101)

Это высказывание подтверждает изречение святителя Русской Православной Церкви Тихона Задонского: «Между плотию и духом непрестанная брань; а от сих хотений противных двоякое восстает мудрование или действие плотское и духовное». (2; 1163)

А вот признание самого Печорина: «Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки... Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...». (8; 128)

Двойственность характера Печорина отражается в самой художественной структуре романа, равно насыщенного мыслью и действием, сочетающего в себе философскую глубину почти с приключенческими событиями.

Образ Печорина: от мнения рассказчиков к самораскрытию

Жанровые своеобразие романа, композиционная сложность произведения, повествование от имени трех рассказчиков (некоего странствующего офицера, штабс-капитана Максима Максимыча и центрального героя — Григория Александровича Печорина) позволяет широко осветить события и раскрыть характер героя во всей полноте.

Впервые мы узнаем о Печорине от Максима Максимыча («Бэла»). Простодушный штабс-капитан отмечает в нем некую странность: резкие перемены настроения и совершенно непредсказуемые поступки, которые являются «причиной несчастья других». Далее офицер-рассказчик («Максим Максимыч») обращает внимание читателя на характерные детали портрета Печорина: походку, руки, глаза, взгляд — и отмечает не только его отличительные внешние признаки, но и подтверждает первоначальное впечатление читателя о холодном равнодушии Печорина к людям, которых можно назвать ближними. Важно заметить, что сам герой ощущает себя «не менее несчастливый», чем те, с которыми он встречается на своем пути.

Раскрытие «внутреннего человека» героя и осмысление происходящего с ним происходит на страницах дневника Печорина, опубликованного после его смерти.

В начале истории своей жизни герой необыкновенно энергичен, он полон сил и стремлений, разнообразными душевными движениями волнуют и вдохновляют его действовать, искать, разгадывать чужие тайны. От своего предшественника Онегина он отличается не только темпераментом, но и степенью осознанности себя, своего отношения к миру, философским восприятием действительности.

Внешнее развитие действия сопровождается постоянным внутренним самоконтролем героя, осознанием внутренних противоречий собственных стремлений и желаний, мучительными переживаниями. Размышления Печорина, или рефлексия, раскрывает нам его душевное устройство и помогает понять причины его несчастья, глубокой постоянной грусти.

Порок и грех

Рассказывая о себе, Печорин откровенно и последовательно знакомит читателя с историей своей души. В своем знаменитом монологе, произнесенном перед княжной Мэри, он предельно искренен, но, раскрывая такие непривлекательные свойства своего характера, как злопамятство, зависть, ненависть к людям, Печорин обвиняет в этом светское общество, чьи уроки он так прекрасно усвоил. Безусловно, влияние среды на формирование характера отрицать невозможно, но где же ответственность самого человека, его самоконтроль, его собственное стремление к изменениям и, прежде всего, внутри себя? Но для формирования совершенной личности необходим внутренний стимул, некий механизм, способствующий стремлению человека к самоочищению и возрождению, восстановлению в собственном достоинстве. Это не что иное, как вера в Бога и стремление к исполнению Его святых заповедей. Печорин не может во всей полноте осознать причины своего внутреннего бедственного положения: «...ибо, к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога» (1 Кор. 15, 34). Трезво осознающий свои пороки, но далёкий от Бога как источника света, он не видит в них греха, следовательно, не вступает в борьбу с ними и позволяет им беспрепятственно господствовать в своей душе:

«Чем более человек удаляется от Бога, тем более превозносится» (свт. Тихон Задонский).

Перечисленные выше пороки духовно спящего человека (при всей внешней активной деятельности) получили своё развитие на «прекрасной почве» — на осознании и самоупоении собственным превосходством над окружающими его людьми. На языке святых Отцов Церкви, это желание отличиться от других есть характерный признак гордости. Печорин весь «наполнен» этой страстью. «Быть для кого-нибудь причиной страданий и радости, не имея на то никакого положительного права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости?». Эта дневниковая запись Печорина как нельзя лучше иллюстрирует высказывания свт. Тихона Задонского: «Гордость везде и всем ищет себя показать, возвыситься над другими», «в чужие дела самовольно мешается», «других людей презирает и уничижает», «в словах и поступках надменность и пышность некую показывает...». (2; 221-224)

Будучи рабом гордости, этого «тяжкого недуга души», он энергичен в общении с людьми по причине того, что они его «забавляют», «волнуют кровь». Сколько сил, душевного напряжения ему необходимо, чтобы «ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры». Всё это Печорин называет «жизнью», тратя на это лучшие годы своей молодости, жар души, свои дарования и таланты. Такое «искусство», предпринимаемое им для своего счастья, стало причиной тяжёлой душевной муки, внутреннего страдания и мрачного отчаяния, ибо гордыне, согласно святоотеческой мудрости, сопутствует тайная мука.

Печорин, способный на мужественное признание своих пороков, на исповедальную искренность в своём дневнике, не в состоянии познать в себе своего истинного «внутреннего человека» (Еф. 3, 16) и победить самого себя, то есть искоренить из души всю мерзость греховную. Для этого необходимо осознать свою немощь перед Богом, смириться, обнаруживая в себе слабости и падения, возненавидеть грехи и объявить им войну. На поле этой битвы, этой невидимой брани, тоже нужны искусные воины, но они побеждают только под водительством Небесного Полководца.

***«Гордость-корень и источник всякого беззакония»
(свт. Иоанн Златоуст)***

«Погубляет человека не количество, не множество грехов, но нераскаянное и ожесточённое сердце», — эти слова свт. Тихона Задонского, по мнению М.М. Дунаева, можно поставить эпиграфом ко всему роману.

Исследователь отмечает нарушение героем почти всех 10 заповедей Божиих, среди них «не укради», «не прелюбодействуй», «не убий», которые предупреждают человека о должном отношении к ближнему, как условия его благополучия. Очень часто действия и поступки Печорина или разрушительны, или смертоносны по отношению к окружающим его людям: разбитая жизнь княжны Мэри, гибель Бэлы, смерть Грушницкого. Не слишком ли высокая цена за удовлетворённую гордыню? Перелистывая страницы дневника Печорина, прослеживая его путь, утверждаешься в мысли, что нераскаянные грехи являются источниками новых и сопровождаются многочисленными злодеяниями. «Грех — тьма духовная, она душевно помрачает и ослепляет так, что грешник... ходит, как слепой: не знает, куда путь ведёт его», — предупреждает свт. Тихон. (2; 243)

Печорин называет себя «нравственным калекой», но это очень поверхностное и слишком «лёгкое» определение, данное себе человеком, не просвещённым светом Христовой истины и не осознающим себя в плену демонических сил. Совершая свои преступления, он становится своего рода нравственным садистом, находящим особое удовольствие от созерцания душевных мучений тех, кто вверял ему свою душу (прежде всего женщин, любви которых он добивается). «...я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворил странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться». (8; 135) Как далеки эти откровенные признания от истинной любви, которая «не гордится, не бесчинствует, не ищет своего... не мыслит зла» (1 Кор. 13, 4-6).

Порабощенный алчными страстями и не объявивший войну ни одному из своих грехов, Печорин пожинает «достойные» плоды — «...удвоенный голод и отчаяние». По мнению свт. Тихона Задонского, подлинное счастье «человек внутри себя имеет», когда «благочестие и сокровище добродетелей носит». (2; 1028) С грустью можно осознавать о невозможности существования счастья в ожесточённом, эгоистичном сердце героя романа Лермонтова. Эта мысль является лейтмотивом всего произведения.

***«И жизнь уж нас томит,
Как ровный путь без цели...»***

Печорин, иронически отзываясь о вере «людей премудрых» прошлого, мучительно осознает где-то в глубине своей страждущей души утрату веры в высокие цели и идеалы: «А мы, их жалкие потомки, не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья...». (8; 145) В этих словах слышится горькая интонация лермонтовской «Думы», в которой поэт выносит беспощадный приговор своему поколению, своему веку. В 1842 году Белинский писал:

«Наш век... это век... разъединения, индивидуальности, век личных страстей и интересов». (7; 105) Индивидуализм Печорина делает его фигурой эпохальной, героем своего времени. На какой же почве развился столь не характерный для русского человека тип сознания? «Есть переходные полосы государственной жизни,- писал в 1845 году Герцен,- где религиозная и всякая идея нравственности теряется, как, например, в современной России». (7; 105)

По словам историка В.О.Ключевского, русское общество еще в XVIII веке подверглось влиянию просветительской философии и культуры Запада. Утрачивая «простейшие нравственные связи», постепенно «потеряв своего Бога, заурядный русский вольтерьянец уходил из его храма, как человек, ставший в нем *лишним*». (10; 201)

То миропонимание, которое формировалось в Западной Европе столетиями и породило тип человека — потребителя, заинтересованного прежде всего в удобствах своей земной жизни, сосредоточенного на своих желаниях и выгодах, а «от христианского учения о человеке как образе и подобии Бога оставило лишь форму и фразу, — это миропонимание будучи единым махом пересажено на почву православной России (где многовековой традицией было совсем иное — превосходство духовного над материальным), дало во многих человеческих душах уродливые всходы и горькие плоды». (6; 296)

В русской культуре конца XVIII — начала XIX веков понимание счастья стало сводиться к категориям чувственного удовольствия. Желание первенствования, господства, стремления получить, а не отдать характерно для людей такого типа. В устремлениях к удовлетворению своих потребностей и достижениях ложных целей обесмысливается жизнь, и такой человек становится *лишним*: «...зачем я жил? для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни». (8; 153)

Заключение

Человек всегда ощущает связь со своим временем, и как часто он не в силах противостоять власти внешних обстоятельств жизни. И только с помощью Божией возможно преодоление законов и духа времени. Наблюдая за своим поколением, уходящим от Бога в «страну далече», Лермонтов попытался в своем романе обнаружить «болезнь времени», вынести ей диагноз, не зная средств к исцелению: «...а как ее лечить — это уж Бог знает».

Дума Лермонтова обращена к судьбе каждого русского человека, его скорбь о своем поколении и судьбе России передается каждому думающему и равнодушному читателю. Подвиг поэта и гражданина, создавшего вершинное произведение русской литературы и раскрывшего в нем трагедию молодого человека своего времени, был совершен во имя будущего русского народа и своего Отечества. Лермонтов, вероятно, не знакомый с творениями Святых Отцов Церкви, наблюдая за происходящим, в своем романе поднимается до высоты осмысления духовно-нравственного состояния своих современников и знакомит читателей с историей жизни Печорина, показывает смертельную опасность безбожного, безблагодатного состояния человеческой души.

Список использованной литературы

Священное Писание Ветхого и Нового Завета.

1. Святитель Тихон Задонский. Собрание сочинений в 3-х томах. Т 2. — М., 2005.
2. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям свт. Тихона Задонского. — М., 2003.
3. С.А.Андреев-Кривич. Тарханская пора. — М., 1968.
4. В.Г.Белинский. Литературная критика. — М., 2005.
5. М.М.Дунаев. Православие и русская литература. — М., 1996, ч 2.
6. В.С.Непомнящий. Да ведают потомки православных. — М., 2001.
7. Лермонтовская энциклопедия. — М., 2003.
8. М.Ю.Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. — М., 1992.
9. Православная энциклопедия. Т. 1. — М., 2006.
10. В.Ю.Троицкий. Словесность в школе. — М., 2002.

«Над миром мы пройдем без шума и следа...»

(По роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)

Введение

Лермонтов первым в русской литературе поднял религиозный вопрос о зле. «Боже мой, Боже мой! Что это?..» — с этим вопросом Пушкин умирал, а Лермонтов прожил всю жизнь. «Если есть зло, то как может быть Бог?»

Творчество Лермонтова представляет собой несомненное и органическое единство, естественно, что и мотивы его лирики взаимосвязаны, тесно переплетены друг с другом, часто «просвечивают» один через другой. Одним из главных мотивов его лирики являются «Библейские мотивы». Эта формулировка включает в себя, на правах обобщающей, такие мотивы, как христианские, евангельские, т.к. эти названия берут свое начало из книг Нового Завета. Также она включает в себя религиозные и богоборческие мотивы, которые в лермонтовской энциклопедии выделены в отдельные статьи, но без которых анализ влияния Библии на Лермонтова будет неполным, потому что только в совокупности микроанализов раскрывается объемность и целостность мирозерцания поэта, его отношение к жизни и Богу.

Библейские мотивы входят в поэзию разными путями, получают разную художественную разработку. Но они всегда дают творчеству духовно восходящее направление, ориентируют его на абсолютно ценное.

У наших поэтов это принимало и принимает несколько форм, зачастую сочетающихся в одном произведении.

Во-первых, форму лирического переживания, религиозных состояний и настроений в многообразии и их интимно-психических оттенков. Стихи рождаются или могут рождаться из молитвенных движений души. Точно так же покаяние, вера в милосердие Божие, надежда на спасение, христианская любовь, мистическое созерцание, пророческое прозрение — всему этому поэзия умеет дать богатое смыслом и эмоциональными красками выражение.

Во-вторых, форму поэтического воплощения идей о Боге, о мироздании, о человеке как образе и подобии Божиим.

В-третьих, форму художественного истолкования лиц и сюжетов из Библии.

В-четвертых, форму отображения живой религиозной жизни нации, ее религиозно-мистического опыта, нравственных и эстетических идеалов, воспринятых русским сознанием из библейских источников (из православия).

Конечно, черты мировосприятия, умственного склада, литературного вкуса налагают свою печать на разработку этих мотивов каждым поэтом. В ней может преобладать гармоническое, примиряющее звучание или, наоборот, драматически обостряться противостояние истины и лжи, праведности и греховности, веры и неверия. Один поэт благоговейно приемлет мир Божий, другой, как библейский Иов, обращает к Богу вопросы о причинах и целях творения, вопросы, нередко исполненные сомнений и скорби.

Именно таким противоречивым, религиозным и борющимся, пытающимся понять непознанное, и был М.Ю.Лермонтов.

Все книги Ветхого и Нового Завета — это история борьбы двух начал — Добра и Зла, Бога и Дьявола; этот же мотив проходит через всё творчество Лермонтова.

Отношение поэта к Богу, основанное на текстологическом анализе, является весьма противоречивым.

Ветхозаветные книги и пророчества представляют для Лермонтова наибольший интерес, и в процентном отношении мотивы из Ветхого завета преобладают над собственно христианскими.

Наиболее важными в лично-психологическом плане являются библейские мотивы, затрагивающие темы сверхчеловеческой мощи (пророчества), необъяснимых «метафизических» тревог и страданий, странничества и одиночества; скоротечности человеческой жизни. А так же два мотива из Апокалипсиса, перешедшие туда из ветхозаветных «пророческих» книг.

Библейские мотивы своеобразно воплощены в текстах то в виде собственного библейского имени, то образа, то сюжета, то идеи. Они могут нести большую смысловую нагрузку или просто исполь-

зоваться в качестве цитаты — поговорки. Но любое употребление библейских мотивов в поэзии и в прозе Лермонтова рассчитано на читателя, знакомого с Библией и умеющего делать определенные выводы для себя, исходя из контекста произведения.

Стоит заметить, что огромную роль в становлении духовного мира поэта сыграла его бабушка.

Мир божницы, заполненный предметами культа (образ, крест, лампада), неизгладимо врезался в память и душу поэта ещё в ранние детские годы. Все шло от бабушкиной божницы. Детские впечатления от православного уклада её дома в Тарханах не растаяли с возрастом, потому-то и позднее вид образной всегда производил на Лермонтова впечатление.

В письмах Арсеньевой к своему внуку всё те же благословляющие слова: «Христос с тобою, будь над тобою милость Божия». Чувствовала ли она что-нибудь недоброе, но бабушка так дрожала над внуком, что всегда, когда он выходил из дому, крестила его и читала над ним молитву. Он уже офицером, бывало, спешит на ученье или парад, по службе торопится, но бабушка его задерживает и произносит обычное благословение, и так бывало по нескольку раз в день.

1. Печорин — «портрет, но не одного человека»

а) Бремя «познания и сомнения»

В Предисловии к «Журналу Печорина» Лермонтов пишет: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории души целого народа...» Вот раскрыть эту-то «историю души человеческой» и поставил себе задачей Лермонтов в своем романе. Его внимание особенно обращено на раскрытие сложного и противоречивого характера основного героя романа Печорина Григория Александровича.

Сталкивая Печорина с людьми различных национальностей, верований, убеждений, культурных уровней, социальных кругов, Лермонтов с поразительным мастерством проникает во внутренний мир главного героя романа. Встречи и столкновения Печорина с людьми обнажают все новые, противоречивые свойства его характера: гуманность и эгоизм, притворство и искренность, доброту и беспощадность, черствость и нежность, рефлексию и решительность, глубину мысли и ничтожность житейских поступков. «В сущности, все в этом романе, — справедливо пишет Е. Михайлова, — обстановка, ситуация, события, человеческие фигуры и т.д. — привлекается прежде всего для основной задачи: наиболее выпукло, многосторонне и углубленно показать фигуру Печорина».

М.Ю. Лермонтов наделил своего героя аналитическим умом. Печорин отлично разбирается в людях, постигает их слабые и сильные стороны и потому, видимо, выходит победителем во всех столкновениях с ними. Он строго и беспощадно судит и себя, тщательно анализируя свои поступки. Его тревожит порой не только личная судьба, но и судьба современного ему поколения.

*Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем под бременем познания и сомнения,
В бездействии состарится оно.*

В этом стихотворении Лермонтов поднимает еще одну важную проблему — познания. Она затрагивается и в романе «Герой нашего времени». «Герой нашего времени» — это грустная дума о нашем времени», — писал Белинский. Поэт говорит, что его современники «осушили ум наукою бесплодной», то есть наукой, которая не может дать практических результатов. Лермонтов отрицает «бесплодную» науку, считая такие знания бесполезными. Печорина, как представителя поколения тридцатых годов, тоже тяготит бремя «познания и сомнения». Он говорит: «Я стал читать, учиться — науки также надоели. Я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько». Но герой не может уйти от таких размышлений и начинает рефлексировать. В нем живут как бы два человека: один действует, а другой судит его поступки. Антитеза действию — уход в себя, в трагичное бездействие, совершив поступок, Печорин углубляется в себя, пытаясь оправдаться. Самоанализ переходит у него в крайность, он делает из себя постоянный объект для наблюдений, и это мешает ему ощущать полноту жизни. Герой глубоко разочарован в своей судьбе, ведь ни его знания, ни его «силы необъятные» не находят применения, и возникает вопрос: есть ли вообще смысл действовать и бороться, не лучше ли смириться и вести спокойный образ жизни, предоставив судьбе решение своей участи. В то время философия фатализма была широко распространена в России, что явилось реакцией на разгром декабристского движения. Отношение Лермонтова к этой проблеме наиболее ярко отразилось в главе, которая так и называется — «Фаталист».

В этой главе автор приводит пример, который, казалось бы, полностью подтверждает эту теорию. Но лишь одной фразой, выражающей сомнение, Лермонтов убеждает нас в обратном: «И если точно есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок?» Главный герой романа разрешает проблему свободы, воли двояко. С одной стороны, он признает существование судьбы и ее неизбежность, но, с другой, оставляет за собой право выбора своей судьбы. Это подтверждает его запись в дневнике: «Я часто, пробегая мысленно прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное». Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига. Он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце... И всматривается в туманную даль: не мелькнет ли и там «желанный парус...».

Судьба у Лермонтова, фигурирующая также под именем «рока», «жребия», «фатума», «закона», по своей сути недоброжелательна к человеку. Уже в первых отроческих стихах появляется «грозный рок», «гибельный рок», и в дальнейшем через всю поэзию проходит судьба, которая «губит», «унижает», «томит», «отравляет надежды», разлучает любящих; лирический герой претерпевает «ужасный жребий», испытывает на себе «бремя рока». Удачливому Печорину судьба попустительствует тоже до поры — даже чудесное везение в «Фаталисте» оказалось всего лишь небольшой отсрочкой ранней кончины героя.

Образ судьбы в творчестве, в поэтическом восприятии Лермонтова симптоматичен для его «трагического сознания», охарактеризованного В.Г.Белинским: «с небом гордая вражда... презрение рока и предчувствие его неизбежности».

б) Судьба и случай в романе

Вопрос о «случае», «судьбе», «предопределении», входивший в круг философских проблем, особенно интересовавших современников Лермонтова, был положен в основу «Фаталиста». Сюжет новеллы трижды подтверждает реальность предопределения. Вместе с тем фатализм не исключал для Лермонтова активного вмешательства в жизнь, но, напротив, он предполагал свободу действий, решительное вторжение в заранее определенный ход событий. Чрезвычайно интересной для изучения этой проблемы является одна явная параллель между «Фаталистом» и сценой дуэли Печорина с Грушницким.

Почему именно эти фрагменты романа? Какая между ними связь? События, изложенные в «Фаталисте», заносятся Печориным в собственный дневник примерно тогда же, когда и рассказ о дуэли с Грушницким. Кажется, что Печорина волнует какой-то вопрос, в попытке прояснить который и появляются записи о дуэли и происшествии с Вуличем. Что же это за вопрос?

Если отвечать коротко, то это возможность борьбы со «случаем». Почему Печорин идет на дуэль с Грушницким? Ведь с самого начала Печорин старается убедить нас, что Грушницкий стоит неизмеримо ниже его, он не упускает возможности кольнуть Грушницкого и буквально насильно заставляет нас поверить, что все происходящее выйдет именно так, как он, Печорин, описывает. Однако все выглядит таким только в дневнике, где Печорин — хозяин, где он творит свой мир, расставляя нужные ему акценты. Реальная жизнь, очевидно, отличается от желаемого, и потому проникает в записи Печорина тревога.

Тревога Печорина имеет под собой еще одно основание. Печорин в действительности обладает рядом замечательных качеств, которые делают его человеком сильным. Он умен, наблюдателен, хладнокровен, смел, решителен. Однако Печорина не может не тревожить вопрос о границах его возможностей, его власти. Есть ли в мире нечто, что нельзя победить его, печоринскими умениями, как правило, приносящими успех? Или бывают случаи, которые от него не зависят? Дуэль с Грушницким становится для Печорина не только борьбой с человеком, который захотел стать на один уровень с ним, но и возможность выяснить свои взаимоотношения с таким «случаем», не желающим подчиняться воле и рассудку человека. Парадоксально, но именно поэтому для Печорина чрезвычайно важно, чтобы первым выпало стрелять Грушницкому. Только при таком раскладе можно вступить в единоборство со «случаем». Стреляя Печорин первым — он без всякого сомнения победил, а вот когда дуло пистолета направлено против тебя, вот тогда-то и начинается смертельная игра, тот самый страшный опыт, который, как чуть позже Вулич, Печорин тоже поставит на себе.

Печорину нужен как можно более невыгодный для него расклад. В ситуации, когда все против него, он все свои недюжинные силы, все свои знания о человеческой природе направляет на то, чтобы буквально изнутри разорвать, сломить Грушницкого, ввергнуть его в такую пучину внутренней

борьбы, что он, даже целясь в Печорина, не сможет попасть. И Печорин добивается этого. И это становится его действительной победой — исключительно силой собственной воли он сумел не оставить неблагоприятному исходу не единой лазейки. От этого захватывает дух, ибо вполне вероятно, что случай и судьба на самом деле кажутся сильными лишь потому, что не появился еще человек таких способностей, такой твердости, такой воли. Вполне вероятно, что и у этих сил есть предел, который может быть перейден.

Именно отсюда тянется ниточка к «Фаталисту». Фактически с таким же случаем, с его властью сталкивается Печорин. В самом деле, буквально на его глазах с Вуличем дважды происходит одно и то же по типу событие. В первый раз происходит осечка заряженного пистолета и именно в тот момент, когда Вулич стреляет в себя, во второй раз — встреча с пьяным казаком. Исключительность случившегося специально подчеркивается: если бы пистолет был просто не заряжен, происшествие можно было бы назвать почти обыденным; к смерти привела Вулича не просто встреча — он не вдобавок подошел к казаку и заговорил с ним. Но при этой общей исключительности два происшествия противоположны по результату: в первый раз в результате выпавшего случая Вулич остался жить, а во второй — погибнет. Не потому ли потрясен Печорин, узнав о смерти Вулича, что у него на глазах случай опять демонстрирует свою силу, всевластие, непредсказуемость, неподконтрольность? Случай управляет жизнью человека, случай что хочет, то и делает. Не потому ли заносятся в дневник события «Фаталиста», что Печорин не может смириться с увиденным, причем увиденным именно тогда, когда только что до мельчайших подробностей вспомнено и записано, как характер побеждает этот самый случай (дуэль с Грушницким)?

Итак, борьба со случаем. Постоянное выяснение, кто кого. И постоянная победа, по крайней мере в пределах романа или, как написал один ученик, рассуждая от лица доктора Вернера, «лекарство от случая»: «У Печорина было лекарство от случая. Он сделал себе прививку от этой смертельной болезни. Вдруг мне стало его жаль. Он может умереть только со своего разрешения. Это страшно. Но он должен был чем-то заплатить за свою дьявольскую силу».

2. Темы и мотивы в произведении

а) Мотив странничества

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

Парус является для Лермонтова символом мятежности, вызова судьбе, которая обрекает героя на одиночество. Печорин одинок в любом обществе, куда бы он ни попал. Одинок и сам Лермонтов, бросивший вызов судьбе своим творчеством. Уже в раннем стихотворении «Парус» поэт говорит о своем одиночестве, сравнивая свою жизнь в светском обществе с одиноким парусом в бушующем море. Но мятежный дух его «ищет» этой бури, ему не нужен покой, он вечный странник в поисках действия.

Мотив странничества характерен и для «Героя нашего времени». В романе одиноким странником выступает и сам автор, и его герой. Печорин, как и парус Лермонтова, путешествует без цели, сам не сознавая того, «он счастья не ищет и не от счастья бежит». Печорин не может обрести счастья, так как его деятельная натура не найдет себе применения. Его жизнь — ровный путь без цели, за которым последует закономерная смерть. Неудовлетворенность жизнью заставляет его искать этой смерти. Это чувство неудовлетворенности своей судьбой было присуще всему поколению.

Печорин называет себя «странствующим офицером». Действительно, почти в каждой главе романа он появляется на какое-то время, а потом вновь уезжает, чтобы назад уже не возвратиться. Исключение составляет только глава «Фаталист». В каждой из частей «Героя нашего времени» Печорин показан в совершенно разной среде, в разном окружении: то это вольные, привыкшие жить по суровым законам природы и патриархального быта горцы («Бэла»), то мир «честных контрабандистов» («Тамань»), то праздное светское общество, на Кавказских минеральных водах («Княжна Мери»). Происходит своеобразное «странствование» Печорина по различным пластам современной автору общественной жизни России. Сюжет романа строится так, что герой оказывается причастным ко всем изображаемым жизненным сферам, но в то же время является постоянно отторгнутым, отделенным от них, оказывается в положении скитальца, странника.

Мотив скитальчества, странствия становится общим лейтмотивом лермонтовского романа. Это настроение, атмосфера «бесприютности», в которой проходит жизнь людей-«странников», поддерживается постоянным противопоставлением юга (где происходят события романа) и далекого, холодного, но родного севера, частыми воспоминаниями и соотносением с ним. Это и упоминание «путешествующего офицера» о северной метели и русском колокольчике, о сугробах, которые напоминают ему «довольно живо Саратов. Тамбов и прочие милые места нашего отечества», это и сравнение лихого ярославского мужичка и извозчика- осетина при спуске в Чертову долину.

В «Журнале Печорина» противопоставление севера и юга приобретает более лирический, даже интимный характер: о севере, о «нашей холодной столице» и «старых годах» его жизни напоминает Печорину «шум бурей взволнованного моря», подобный «ропоту засыпающего города». А ведь противопоставление севера и юга — один из ведущих мотивов лермонтовской поэзии (вспомним, например, стихотворение «Тучи»). И это также еще более приоткрывает лирическую связь автора со своим героем. Это также свидетельствует о сугубо лермонтовской интерпретации темы странствия, соотносенной и с личной судьбой, и с судьбой всего своего поколения.

б) Мотив противопоставления пустоте светского общества

Один из основных мотивов творчества Лермонтова — противопоставление многогранной и духовно богатой личности поэта пустоте светского общества. Эта тема нашла свое отражение в образе гонимого пророка. Григорий Александрович Печорин, по сути, тоже поэт, «лишний человек», не нашедший своего места в обществе, противопоставивший себя ему.

В романе «Герой нашего времени», рассказывая о жизни общества, Лермонтов также сравнивает ее с театральным действием. Не случайно в речи Печорина, главного героя романа, мелькают слова из театрального лексикона: сцена, действующие лица, роль, завязка, развязка. Печорин, как и автор, стремится обрести свободу. Но все его попытки обречены на неудачу. Дело в том, что сама эпоха не создала почвы для полезной деятельности. Печорин не находит себе применения. Деятельная натура заставляет его искусственно создавать условия для борьбы. Но своими действиями он приносит лишь страдания окружающим его людям. И Печорин вынужден признаться, что всю жизнь «разыгрывал жалкую роль палача или предателя», так как не смог найти достойного применения своим силам. Понимая это, герой уже не стремится к борьбе, он постепенно теряет интерес к жизни, становится равнодушным. «Так жизнь скучна, когда боренья нет... Мне нужно действовать...» — запись в дневнике Лермонтова. Сложный характер Лермонтова лишь обострял те противоречия, которые сложились между думающим, страстным поэтом и равнодушной, холодной светской толпой.

Итак, четко можно отметить, что Григорий Печорин и окружающее его общество — неразрывны. Ведь главный герой — «это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Но все же, Лермонтов рисует «личность в ее отношении к обществу, в ее обусловленности социально-историческими обстоятельствами и в то же время в противодействии им — таков особый, двусторонний подход автора к проблеме», — говорит Б. Т. Удодов в своей статье.

Интересна и точка зрения Герцена, для которого Печорин являет собой образ «лишнего» человека, и «лишним» становятся потому, что в своем развитии идет дальше большинства. Вместе с тем, появление такого персонажа в русской литературе, как Печорин, обреченный жить «в стране рабов, стране господ», знаменует новый этап в развитии русского общества. В нем, в этом обобщенном характере тогдашних людей светской элиты, запечатлен, по словам Удодова «процесс огромной исторической важности — интенсивного развития общества и личного самосознания в России 30-х гг., когда невозможность прямого общественного действия способствовала самоуглублению личности».

Проблемы общества, между тем, все чаще поднимаются писателями и критиками. И Печорин, настоящий герой того времени, оживший на страницах романа М.Ю.Лермонтова и в умах тысяч читателей благодаря бесконечному творческому гению писателя, очень важен, просто необходим, со всеми его достоинствами и недостатками, ведь именно такие, как Печорин помогают нам оценить поведение и мышление общества тех времен.

в) Тема одиночества

Многие современники поэта были людьми, бесконечно одинокими, замкнутыми в себе, они ощущали вокруг лишь ледяную пустоту, ничто не могло согреть их сердце, да и сами они не излучали душевной теплоты. Лермонтов сумел передать атмосферу своего времени, настроения своих современников. Он ощущал боль своего поколения острее других, он постиг духовные потрясения в атмосфере подавления неординарной личности.

Лермонтов был одинок, и тема одиночества звучит почти в каждом его произведении. Это во многом объясняется личными качествами поэта. По свидетельствам современников, он был резким, замкнутым человеком. Однако главная причина трагического одиночества Лермонтова заключается, видимо, в том, что он мало встречал в жизни людей, отвечавших его необычайно высоким нравственным и интеллектуальным требованиям.

«В Печорине много Лермонтова, — пишет Ю. Айхенвальд, — много автобиографии».

Действительно, в образе Григория Александровича, одинокого среди людей, выразилась вся та горечь, одиночество, тоска поэта которые выливаются в гневное презрение к людям, чью неприязнь или равнодушие он всегда воспринимал очень болезненно:

*И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...*

Скорбь и одиночество, вызванные общественными и личными причинами, наполняют все творчество Лермонтова. Печорин ни к кому не имеет привязанности. Беспечный и безучастный, как облака, он не вспоминает о Бэле, его не мучит совесть за Грушницкого, и, свободный от дружбы, которая стесняет своими нравственными следами и связями, он не чувствует благодарности к Максиму Максимычу и при встрече обдаёт его холодом глубокого равнодушия. Любовь — без радости, зато разлука — без печали.

Печорин говорит о своей судьбе: «Я был готов любить весь мир, — меня никто не любил, я выучился ненавидеть». Сама жизнь убила в нем любовь, стерев грань между добром и злом, Печорин не признает ни христианских добродетелей, ни нравственных устоев общества. Он говорит: «Я люблю врагов, только не по-христиански». «Если б меня спросили, — говорит Печорин, — чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастья, я бы скорей решился сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновение и потом страдать сколько угодно...». Любить он не умеет. Хотя и говорит, что в страсти решает дело «первое прикосновение», но, когда он сам прикасается к Мери, это не настраивает его на любовный и нежный лад, и он про себя смеется над ней тогда, когда целует ее. И даже Бэлу он завоевывает силой.

«Безлюбивый, то есть мертвый, и потому своим прикосновением убивающий других, Печорин — не совсем живой в литературе как художественный образ, — пишет Айхенвальд, — не совсем понятный и доказанный в своей разочарованности».

Печорин, как очень незаурядный человек, был неудовлетворен своим довольно унылым существованием на фоне, как ему казалось, не менее унылого существования всего общества. Спокойная и размеренная жизнь, заданность житейских ситуаций — все это давило на его неуемную, жаждающую действий душу, на его стремление к новым, более высоким отношениям между людьми в любви, в дружбе, в гражданском долге. В результате этих мечтаний Печорин сам начал создавать на своем жизненном пути препятствия, с тем чтобы их преодолевать. Такие игры с жизнью иногда могли оказаться для него роковыми. Но это его не останавливало. В воздухе того времени уже витала проблема «лишнего человека», и лучшие умы пытались найти ответы на вопросы: «Как надо жить?» и «Для чего мне жить?». Печорин принадлежит одновременно и к типу «лишних людей», и к тем, кто делает попытки как-то разрешить эту проблему. Печорин помечен демоном одиночества, и это проявляется во всем.

Печорин томится жизнью, презирает ее и самого себя и в то же время гонится за жизнью, жадно ловит ее радости. В стихотворении «И скучно и грустно...» и в романе «Герой нашего времени» поэт, говоря о дружбе, о высших духовных стремлениях, о смысле жизни, о страстях, пытается исследовать причины неудовлетворенности своим назначением. Например, Грушницкий принадлежит к светскому обществу, характерной чертой которого является бездуховность. Печорин же, принимая условия игры, находится как бы над обществом, понимая, что там «мелькают образы бездушные людей, приличьем стянутые маски». Печорин — не только упрек всем лучшим людям поколения, но и призыв к гражданскому подвигу. Борьба — вот та нравственная заповедь, которая должна определять жизнь, поведение, поступки и мысли.

Печорин одинок, положение его трагично, он действительно «лишний человек». Лермонтов назвал Печорина «героем своего времени», протестуя этой формулой против романтически идеализированного представления о современнике. Герой для автора — не образец для подражания, а портрет, составленный из пороков всего поколения в полном их развитии.

Герцен говорил: «Печальный род лишнего человека являлся тогда не только в поэмах и романах, но на улицах и в гостиных, в деревнях, в городах».

И сам Печорин признает свою одинокость: « Да, такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже».

3. *Художественная задача автора*

Основная задача, стоявшая перед М. Ю. Лермонтовым при создании романа «Герой нашего времени», была нарисовать образ своего современника, «каким он его понимает и... часто встречал». Человек этот мыслящий, чувствующий, талантливый, но не сумевший найти достойное применение своим «силам необъятным».

Столкновения героя с действительностью, лишенной моральных ориентиров, становится основой конфликта романа «Герой нашего времени». Лермонтов предваряет повествование предисловием, служащим своеобразным комментарием к характеру главного персонажа. Основной смысл предисловия заключается в том, чтобы представить героя века как «портрет, но не одного человека». Писателем задаются новые эτικο-эстетические параметры литературного персонажа. Автор предостерегает читателя от уравнивания Печорина с известным по другим произведениям типом романтического злодея, утверждая, что герой романа является воплощением «пороков всего поколения, в полном их развитии». Делая акцент на испорченности натуры Печорина, Лермонтов уточняет, что подобное состояние современного ума является отражением общественной психологии. Лермонтов использует мотив болезни для характеристики социальных отношений, а свою художественную задачу видит в обнаружении причин жесточайшего морального недуга. Автор не берет на себя обязательств врача-терапевта, он видит свою задачу лишь в постановке диагноза: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!».

Роман Лермонтова — опыт единения различных изобразительных эстетик. Изложение от третьего лица сменяется исповедальной монологической формой, что позволяет не только разнообразить ракурсы видения конфликта, но и подробно изучить идейные и эмоциональные коллизии, недоступные для раскрытия в одной повествовательной манере. Объективное видение рассказчика и субъективизм признаний героя намечают новые перспективы в развитии русского художественного сознания. Пожалуй, впервые в отечественной литературе трагедия героя была представлена во всей противоречивости побуждений, в контрастности свойств, составляющих характер, в глубине самопостижения, в отчаянии от самооткрытия.

Основной художественной задачей автора было изображение главного героя в разнообразных жизненных ситуациях, во множественности бытийных связей, что открывало перспективу всестороннего изучения психологического феномена «героя века». Именно это и определило основные принципы организации системы образов произведения. Центральное место в ней принадлежит Печорину, весь сюжетный мир сосредоточен на нем. Романтические темы — ревность, измена, месть, предательство, зависть, отчаяние — подчинены цели проанализировать душевные метания Печорина.

Главный персонаж оказывается на пересечении различных событий и людских интриг, испытание которыми удостоверяет его верность исходному состоянию разочарованности и тоски. В романе предлагается реконструкция причин, приведших Печорина к душевной трагедии, однако нет оснований доверять словам героя, адресованным Мери и дневниковым записям, так как ламентации по поводу нескончаемой борьбы со светом противоречат истинному социальному происхождению героя и высказаны в большей степени из желания вызвать сочувствие девушки; а горестное самопризнание не может быть объективным сюжетным документом по той причине, что дневник как повествовательная форма в эпоху романтизма уже превратился в способ театрализации персонажем эмоционального мира, средством гиперболического живописания внутренних мучений.

Критики писали: «Тайна у Лермонтова — антитеза всеведению, которое ведет к отрицанию смысла жизни». Мне кажется, к такому отрицанию движется Печорин. Он любит разгадывать чужие тайны, но никакой отградной для себя цели не достигает. Для Печорина исчезают тайны, их нет — все объяснимо, он способен «все знать, все чувствовать, все видеть».

Но судьба играет с ним злые шутки: кто оказывается на его пути, становится жертвой его очередного эксперимента.

В «Герое нашего времени» нет однозначных выводов. Мы не можем быть уверенными и твердо заявить, что Печорин плохой или хороший, добрый или злой. На протяжении всего романа мы замечаем, что «положительное» в Печорине оказывается одновременно «отрицательным». Ироничный и независимый ум, гордое нежелание слиться с толпой, жажда действия и свободы приводят к равнодушию к чужой боли. Но надо ли в этом винить одного Печорина? Получив возможность выговориться, открыть, что тяжелым камнем лежит у него на сердце, Печорин говорит: «...я был готов любить весь мир, — меня никто не понял! И я выучился ненавидеть».

Печорин уподобляет жизнь дурному подражанию прочитанной в юности книги. Он видит жизнь, представляет ее как роман в лицах, как спектакль. «Завязка есть, — восклицает он, узнав от Вернера об интересе княжны Мери к Грушницкому, — о развязке этой комедии мы похлопочем». И конечно же, Печорин непременно ощущает себя главным героем каждого спектакля. Конечно, Печорину свойственны поэтические порывы: его описания кавказской природы тому свидетельство. Однако ирония остается как главным средством восприятия мира, так и главной защитой от него, защищает его от страдания. Иронией и логикой Печорин желает оградить себя от боли. Но другим людям его ирония приносит несчастья, ибо он смотрит на страдания и радости других только как на «пищу, поддерживающую его душевные силы».

На первом месте у него всегда он сам, его желание», — замечал Белинский. Печорин любит власть: «...первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает». Но что бы он ни предпринимал, развязка во всех случаях трагическая: гибнет Бэла, разрушен круг «честных контрабандистов», убит Грушницкий, в слезах княжна Мери, в отчаянии Вера, наконец, гибнет Вулич, которому Печорин предсказывает смерть. Печорин говорит, что во всем виновата судьба: именно она приводила его к развязке чужих драм. Судьба в романе становится незримым врагом Печорина, с которым он спорит, силу которого стремится победить своей волей. Белинский писал: «Печорин бешено гоняется за жизнью, а судьба вместо жизни предлагает ему набор литературных ситуаций». И Печорин устает от этой погони. Жизнь прочитана, дальнейшее чтение не сулит ничего нового. На вопрос Максима Максимыча, что он делал, Печорин отвечает: «Скучал».

Печорин стал таким; он разочаровался во всем, не видел смысла продолжать жить. «Скучающий эгоист, воспитанный жестоким обществом» — вот сущность его природы, смысл тайны души Печорина. А почему он стал таким гордым, одиноким, равнодушным «героем нашего времени», мы узнаем из его дневника, в котором он изливал свою душу. Он доверял чувства бумаге. На земле не было человека, которому бы он рассказал про свою боль, про свои страдания, потому что Печорин не нуждался в этом и одновременно боялся, что его не поймут. Он сторонился людей, и, может, к нему подходит фраза: «Свой среди чужих, чужой среди своих».

Заключение

М.Ю. Лермонтов — очень сложное явление в истории литературной жизни России. Поэт, проживший всего 26 лет и оставивший относительно небольшое литературное наследство, до сих пор остается неразгаданной и до конца не понятой личностью. Н. А. Бердяев писал, что философия — это искусство, которому нельзя научить, акт творчества. Неудивительно, что философские взгляды часто находят свое отражение в произведениях искусства. Художники выражают свое мировоззрение в полотнах, писатели — в романах и рассказах, поэты — в лирике и поэмах. Творчество Лермонтова в полной мере отражает его философское понимание жизни.

В своих произведениях Лермонтов поднимает не абстрактные проблемы, а те, что отразили поиски прогрессивной интеллигенции тридцатых годов девятнадцатого века, которые волновали умы целого поколения России и до сих пор не утратили своего значения. Все его творчество однородно, но многогранно. Личность поэта столь глубока, что его поэзия во всей своей простоте, оказывается весьма и весьма таинственной, лермонтовская философия, философия гения, еще молодого, но от рождения мудрого, дает почву для размышлений, позволяет читателю самому сделать определенные выводы. В романе же, по-моему, Лермонтов сам заключает, подводит черту. Неудивительно, что в лирике поэта и в его прозе мы нашли столько взаимосвязей, сходных мыслей, так как поэт писал, изливая душу. Любое стихотворение Лермонтова или его роман — это сам Лермонтов. Основные философские и религиозные принципы Лермонтова нашли свое отражение в романе «Герой нашего времени», где поэт выразил свою жизненную, нравственную позицию, следовательно, роман объединил основные мотивы, свойственные поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова. Белинский писал, что в романе Лермонтов явился таким же творцом, как и в своих стихотворениях. В своей критической

статье Виссарион Григорьевич Белинский говорит о полноте впечатления, заключающейся, по его мнению, в единстве мысли, которая выразилась в романе и от которой произошла эта окончательность, полнота и замкнутость целого. И если философия — это искусство, то творчество Лермонтова — философия, размышления, опыт, которым он делился и делится с читателями.

Критик А. Григорьев («Лермонтов и его направление») в 1862 году отмечал: «Печорин влек нас неотразимо, и до сих пор еще может увлекать, и, вероятно, всегда будет увлекать...» И в начале XXI века в газетной публикации о проблемах современной жизни неожиданно для себя мы встречаем: «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? Для какой цели родился?... А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных: из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни...» Кого цитирует автор статьи? Да, конечно, это размышления Печорина о себе, о своем месте на земле. Почему столь властно притягивала и притягивает к себе внимание мыслящих, думающих людей личность главного героя? У каждого, наверно, свой ответ на этот вопрос. Н.Г. Долинина пишет: «Печорин учил людей заглядывать в свою душу, судить себя, быть к себе беспощадными. Он учил людей думать. Вот почему Печорин дорог и нужен нам всегда. Читая роман Лермонтова, мы узнаем, что жестокость, равнодушие, невозможность действовать и трудиться — все это тяжелая ноша для человека. Оказывается, человеку свойственно стремление к добру, правде, красоте, действию... Читая о Печорине, мы учимся ценить полноту жизни. Печорин — не образец для подражания; он только герой своего времени. Но вслед за ним пришли другие времена и другие герои. История России не остановилась — она шла дальше. И в этой истории всегда останется имя молодого человека с лицом некрасивым и прекрасным, с благородным дарованием и благородным умом, и всегда он будет тайной любовью и непреходящей печалью новых и новых молодых людей».

Список использованной литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. По заказу Казанской Епархии, 1994.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Сост. и комм. И. С. Чистовой.-М.: Правда, 1988.
3. Белинский В.Г. Статьи о Лермонтове. — Саратов: Приволж. изд-во, 1981.
4. Бердяев Н.А. Русская идея/Русская литература. 1990.
5. Волков.С. Судьба и случай. М., 2000.
6. Долинина Н. Г. Печорин и наше время. — Ленинград: Детская литература, 1970.
7. Иванов С.В. М.Ю.Лермонтов. Жизнь и творчество. Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1964.
8. Коровин В.И. Творческий путь М.Ю.Лермонтова.- М.:Просвещение, 1973.
9. Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Герой нашего времени/ М. Ю. Лермонтов. — М.: ООО «Издательство «Олимп»: ООО «Издательство АСТ», 2002.
10. М.Ю.Лермонтов в русской критике: Сб. статей [Для ст. шк. возраста].- М.: Сов.Россия, 1985.
11. Михайлова Е. Проза Лермонтова. — М., 1957.
12. Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. — Воронеж, 1973.
13. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР [Лен.отд-ние], 1961

Содержание:

Конференция «Лермонтов и православие»	3
<i>Баринаева Е.А., Бостан О.В</i>	
«Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала»	4
<i>Короткова Маргарита Сергеевна, учитель русского языка и литературы гимназии №5 г. Сергиев Посад</i>	
Образ христианской семьи в поэме М.Ю. Лермонтова	9
<i>Щелкунова Светлана Александровна, учитель русского языка и литературы средней образовательной школы №22 с углубленным изучением отдельных предметов г.Сергиев Посад</i>	
Поэтическая исповедь русского интеллигента 30-х – 40-х годов XIX века.....	13
<i>Глазунова Ольга Дмитриевна, учитель русского языка и литературы средней школы № 23 г.Сергиев Посад</i>	
«Я был готов объять весь мир...»	20
<i>Морозова Нина Владимировна, учитель русского языка и литературы Православной гимназии г. Сергиев Посад</i>	
Три «Молитвы» М.Ю.Лермонтова: духовные искания поэта	25
<i>Вороня Елизавета, учащаяся 8 класса Православной гимназии г. Сергиев Посад</i>	
Тема смерти в лирике М. Ю. Лермонтова	31
<i>Доброхотова Анастасия, учащаяся 10 класса средней школы № 5 г. Пересвет</i>	
Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Пророк»	36
<i>Евстифеева Ирина, учащаяся 9 класса средней школы № 1 г. Краснозаводск</i>	
Образ романтического героя в творчестве М.Ю.Лермонтова	40
<i>Кобко Александра, учащаяся 10 класса Православной гимназии г. Сергиев Посад</i>	
Истоки христианских мотивов в лирике М.Ю.Лермонтова	45
<i>Лёц Валерия, учащаяся 10 класса гимназии «Дмитров» г. Дмитров</i>	
«Храм души» в лирике М.Ю. Лермонтова	47
<i>Мареева Татьяна и Фёдорова Татьяна, учащиеся 9 класса гимназии № 5 г. Сергиев Посад</i>	
Влияние православия на творчество М.Ю. Лермонтова	55
<i>Полторыхина Екатерина, учащаяся 8 класса гимназии «Дмитров», г. Дмитров</i>	
«Сумерки души» в лирике М.Ю.Лермонтова	57
<i>Попова Мария, учащаяся 9 класса гимназии № 5 г. Сергиев Посад</i>	
Проблема счастья в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	62
<i>Стрелкова Кристина, учащаяся 11 класса средней школы № 22 г. Сергиев Посад</i>	
«Над миром мы пройдем без шума и следа...»	66
<i>Шеренков Александр, учащийся 11 класса средней школы № 21 г. Сергиев Посад</i>	

**Сборник материалов научно-творческой конференции
«М. Ю. Лермонтов и Православие» (Выпуск III). —
Сергиев Посад: АННОО «Православная гимназия имени
преподобного Сергия Радонежского», 2010.**

Редактор: Бостан Олеся Владимировна.

Корректор: Архипова Вероника Геннадиевна.

Ответственный за выпуск: Попадюк Алексей Васильевич.

Тираж: 100 экз.